

Конкурс социально значимых проектов
«Губернское собрание общественности
Иркутской области. 2020»

Иркутск
2020

Иркутская Еврейская Община выражает искреннюю благодарность тем, кто помог в восстановлении нашего родного дома – синагоги и тем, кто помогает Общине функционировать, тем самым продолжая дух меценатства, чем исторически славилась наша Община:

Абрамович Роман Аркадьевич,
Акиваев Акива Амалтаевич,
Алашкевич Юрий Владимирович,
Бердников Дмитрий Викторович,
Болотин Евгений Григорьевич,
Бронштейн Владимир Яковлевич,
Бронштейн Виктор Владимирович,
Буковский Рафаил Леонидович,
Варданян Артур Александрович,
Вексельберг Виктор Феликсович,
Воронков Александр Сергеевич,
Гимельштейн Александр Владимирович,
Говорин Борис Александрович,
Дроздов Сергей Борисович,
Зоринский Анатолий Георгиевич,
Зотт Семен Юрьевич,
«Иркутская нефтяная компания» в лице
Седых Марины Владимировны и
Буйнова Николая Михайловича,
Исаков Евгений Валерьевич,
Комиссаров Сергей Владимирович,
Коршенбойм Дмитрий Леонидович,
Круглов Виктор Кузьмич,
Ламберт Борис Михайлович,
Лебедев Борис Николаевич,
Лонцих Павел Абрамович,
Марголин Зелик Генрихович,

Мащицкий Виталий Львович,
Мельцер Игорь Александрович,
Наумов Игорь Викторович,
Римлянд Павел Есулович,
Рубин Натан Цви,
Сигал Александр Петрович,
Сигал Аркадий Александрович,
Сигал Михаил Александрович,
Семья Берковиц А.Ю.,
Семья раввина Вагнера,
Семья Прилепской С.А.,
Семья Селивановой Е.А.,
Соколовский Михаил Юзефович,
Сологуб Андрей Николаевич,
Тененбаум Борис Наумович,
Тумбаев Игорь Александрович,
Тупицын Алексей Анатольевич,
Фонд семьи Рор (Майями, Нью-Йорк),
Хаертдинов Пинхас,
Хуторенко Игорь Викторович,
Цвик Илья Львович,
Цикиновский Борис Иосифович,
Шадхин Михаил Зиновьевич,
Шастин Михаил Станиславович,
Шикин Константин Константинович,
Lipaja Jewish Heritage Foundation.

Юлия Сергеева

ИРКУТСКАЯ СИНАГОГА – НАШ РОДНОЙ ДОМ

Молимся за здоровье и процветание Ваших близких и родных, а также за всю нашу дружную Еврейскую Общину!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТСИБКНИГА

Дорогие друзья!

От всей души поздравляю евреев Иркутска с большой датой в жизни общины – 140-летием синагоги.

Что это значит – 140 лет синагоге? Общий закон физического мира говорит нам, что все вещи со временем старятся, ветшают. Наверное, если думать о синагоге только как о строении – сейчас она не такая новая, возможно, и не такая крепкая, как была 140 лет назад. Но синагога – это не просто здание. Это дом Б-жий. Здесь люди молятся, учат Тору, служат Вс-вышнему. Синагога принадлежит не только физическому миру, но и миру духовному, а у него свои законы. Это здание вобрало в себя веру, добрые мысли и добрые дела многих поколений. И с каждым годом эта духовная основа становится всё крепче, а свет Торы, исходящий от него, – всё ярче!

Иначе и не могло бы быть. Ведь история Иркутской синагоги, история иркутской общины даёт нам множество замечательных примеров верного служения Б-гу, преданности нашему народу, его традиции, его вечным ценностям. При царском режиме здесь вместе молились инженеры и врачи, богатые торговцы и политические ссыльные: они вместе читали Тору, вместе хранили свет еврейства, помогали в трудную минуту.

В самые мрачные годы XX века, когда безбожный режим делал всё, чтобы заставить наш народ забыть Тору и правду Б-жью, община выстояла под руководством выдающегося законоучителя и хасида, благословенной памяти раввина Носона Ноте Олевского. И сейчас, когда тяжёлые времена остались позади, иркутские евреи приходят в историческую синагогу как в свой духовный дом, где ярче всего ощущается неразрывная связь поколений.

Слава Б-гу – нынешней общине, её раввину Арону Вагнеру не приходится сталкиваться с такими проблемами, которые выпадали на долю дедов и прадедов. Но недаром говорит притча: «Даже маленький человек, если он стоит на плечах великана, не может дотянуться выше, чем сам великан». Во времена гонений евреи рисковали свободой, а порой и жизнью, чтобы исполнять Закон и заповеди, чтобы идти путями Торы. Нынешняя община стоит на плечах этого исполина, а это значит, что у неё есть особые силы, чтобы сделать даже больше, чем сделали праведники-предки.

Желаю всем иркутским евреям весело отпраздновать юбилей – и дальше поддерживать славные традиции своей синагоги добрыми мыслями, добрыми молитвами, добрыми делами. Именно так мы скорее заслужим прихода Машиаха, когда все общины соберутся вместе и будут служить Б-гу в Третьем Храме, в Иерусалиме!

С уважением, Главный раввин России
Берл Лазар

**Уважаемый раввин Арон!
Уважаемые члены Иркутской еврейской общины!**

Примите искренние поздравления с 140-летием Иркутской синагоги! Старейшая синагога Сибири всегда являлась центром духовной и общественной жизни еврейской общины, давала верующим возможность сохранить свою религиозную и национальную идентичность. У Иркутской синагоги непростая история. В разные времена она переживала расцвет и сложные периоды, пожары и принудительные закрытия.

Сегодня Иркутская синагога является не только архитектурной достопримечательностью нашего региона, но и одним из лучших еврейских общинных центров России. Здесь сохраняются традиции, заложенные со времён основания, и развиваются новые культурные, социальные и благотворительные проекты.

Желаю вам прекрасного здоровья, успехов во всех начинаниях и семейного благополучия!

С уважением, Губернатор Иркутской области
И.И. Кобзев

**Уважаемые члены общины,
раввин Вагнер, Стелла Аркадьевна!**

Примите наши сердечные поздравления по случаю 140-летия Иркутской синагоги. Это праздничное событие не только для евреев Иркутска, но и для всей еврейской общины.

Иркутская синагога является старейшей синагогой из всех действующих на территории России. Эта синагога представляет собой выдающийся памятник истории, культуры, архитектуры. Судьба Иркутской синагоги складывалась драматично. За свою историю она пережила три пожара. С приходом советской власти здание синагоги было изъято из собственности общины на долгие десятилетия. Однако, несмотря на все невзгоды, Иркутская синагога смогла возродиться во всём своём величии. Сегодня она служит главным центром духовной и культурной жизни еврейской общины города.

Искренне желаем, чтобы грядущие годы Иркутской синагоги прошли под знаком обновления, развития и позитивных перемен.

С уважением, президент ФЕОР
А.М. Борода

Уважаемые друзья!

Синагога имеет огромное значение в еврейской жизни. Не зря Талмуд называет её – «малое святилище». Нашему иркутскому «малому святилищу» уже 140 лет! Многие пережила синагога за столь долгое своё существование. На протяжении этого длительного времени наша синагога является центром религиозного образования. Мы изучаем здесь законы Торы. Ведь Тора дана нам на все времена – «для всех поколений – закон вечный». Изучая её, мы растём духовно и приближаемся к Б-жественному! Тора учит нас, что любовь ко Вс-вышнему неотделима от любви к человеку. «Тора делает еврея евреем!» А ещё синагога является местом проведения разных собраний, встреч, различных торжественных мероприятий, концертов еврейской и не только еврейской музыки, а также многого другого. Евреи, жившие в Иркутске 140 лет назад, и все мы, живущие здесь в настоящее время, уверены в том, что Иркутская синагога играет решающую роль в сохранении нашей веры и традиций, помогает сохранять стойкость духа! Моя огромная благодарность всем тем, кто восстанавливал синагогу после пожара 2004 года. Именно всем, независимо от того, человек помог финансово или человек,

который мыл стены в синагоге после окончания ремонта. СПАСИБО – каждому! Я искренне желаю нашей красивейшей синагоге процветания, дальнейшего развития, а всем её прихожанам и гостям здоровья и благополучия. И пусть она остаётся для всех нас – родным Домом!

С уважением и благодарностью Вс-вышнему за всё прекрасное, что он нам дал.

Председатель общины
Стелла Прилепская

Дорогие друзья!
Уважаемый раввин Арон!
Уважаемая Стелла Аркадьевна!

Иркутская синагога за свои 140 лет обрела уникальную историю и бесспорное право быть «самой-самой» в настоящих реалиях: это старейшая действующая синагога в России. Одно из самых узнаваемых и знаковых мест Иркутска – памятник истории и архитектуры. Синагога несколько раз серьёзно страдала от пожаров, и, как птица Феникс, возрождалась из пепла, благодаря многочисленным пожертвованиям прихожан. Разные поколения сибирских евреев, составлявших Иркутскую еврейскую общину, которая недавно отметила своё 200-летие, всегда отличали предпринимательский талант, природная смекалка и трудолюбие. Но, в первую очередь, они были созидателями, всем сердцем полюбившими суровый сибирский край и много сделавшими для его становления и развития.

Годы, люди и события повлияли на внутренний мир синагоги, превратив её из места встреч для общей молитвы в культурно-образовательный и просветительский центр, сделали точкой притяжения и активности еврейской общины. Любой желающий здесь может приобщиться к духовным и историческим ценностям иудаизма, познакомиться с культурой и традициями еврейского народа.

Иркутская синагога действительно стала родным домом для многих поколений прихожан. Здесь они делились радостями и печалью, вместе встречали праздники, растили детей и внуков. Стены синагоги давно впитали эту искреннюю любовь и привязанность, что делает их только крепче! И пусть дальше Иркутская синагога сохраняет свой неповторимый облик и несёт людям новые знания, позитивное общение, поддержку и понимание!

Председатель Законодательного Собрания
Иркутской области
А.В. Ведерников

Дорогие друзья! Уважаемые читатели!

Издание, что вы держите в руках, посвящено 140-летию Иркутской синагоги. Это уникальное здание – настоящее архитектурное достояние региона, один из красивейших памятников – является старейшей синагогой из действующих на территории России. За почти полуторавековую историю молитвенный дом пережил разрушительные пожары, однако здание было восстановлено фактически в первоизданном виде. И это вызывает восхищение и уважение! Многие туристы, приезжающие со всего мира искренне удивляются, что, казалось бы, в такой далёкой Сибири есть подобные сооружения.

С момента своего основания и по сей день молитвенный дом является центром социальной и духовной жизни иудейского сообщества Иркутской области. История еврейской общины в нашем городе насчитывает более двухсот лет. Диаспора всегда пользовалась заслуженным уважением иркутян за значимый вклад в развитие столицы Прибайкалья во всех его сферах – деловой, экономической, культурной.

Сегодня Иркутское еврейское религиозное объединение передаёт из поколения в поколение ценности своего народа, бережно хранит традиции мира

и толерантности, ведёт широкую просветительскую и благотворительную деятельность, активно участвует в общественной жизни города, вносит значимый вклад в развитие межконфессиональных отношений. Это служение в самом высоком смысле слова: укрепление основ гражданского мира и согласия очень важно для нашего многонационального Иркутска.

Искренне желаю Иркутской синагоге ещё долгие годы быть местом средоточия созидательной энергии, направленной на развитие нашего города. А всем прихожанам – крепкого здоровья, счастья и благополучия!

Мэр города Иркутска
Р.Н. Болотов

Уважаемый раввин Вагнер и все участники общины!

т депутатов Думы города Иркутска седьмого созыва и от себя лично поздравляю вас с 140-летием Иркутской синагоги!

Синагога Иркутска, или Еврейский молельный дом, с момента возведения стала духовным и социальным центром сибирского еврейского общества. Для тех, кто искал помощи или утешения, единомышленников или душевного отдохновения, она стала настоящим пристанищем.

Сегодня это старейшая синагога России и одна из богатейших сокровищниц еврейской культуры, достояние столицы Восточной Сибири. Она стала местом для общения в тёплой дружественной обстановке. Здесь рады людям нееврейской национальности, так что все желающие могут ознакомиться с историей синагоги и религией народа. Убедился в этом на собственном примере, когда воспользовался приглашением и побывал на экскурсии по зданию. Конечно, оно поражает своей аутентичностью, особой атмосферой тепла. В каждой детали – история.

Руководство синагоги внесло и продолжает вносить неоценимый вклад в развитие еврейского религиозного объединения, восстановление традиций. Эта кропо-

тливая работа позволяет людям не терять контакт, налаживать новые связи, поддерживать друг друга.

Уважаемый раввин Арон, примите благодарность за Ваш труд по восстановлению статуса синагоги, чуткость и внимание к людям, сердечную доброту. Желаю Вам и Вашим подвижникам только успеха, процветания, крепкого здоровья и всего наилучшего!

Председатель Думы города Иркутска
Евгений Стекачёв

**Главному раввину Иркутской области Арону Вагнеру
и всем членам Иркутской еврейской общины**

Примите слова искренней благодарности и самые искренние поздравления со 140-летием Иркутской синагоги!

Благодаря вашим трудам удаётся сохранить и преумножить религиозные, культурные и образовательные труды еврейской общины на благо всех жителей нашей многонациональной области и страны.

Депутат Государственной Думы
А.В. Якубовский

**Уважаемый раввин Арон!
Уважаемая Стелла Аркадьевна!**

Поздравляю Вас и всю еврейскую общину Иркутска со 140-летием Иркутской синагоги – старейшей действующей синагоги России!

Как и 140 лет назад, Иркутская синагога является центром не только религиозной, но и общественной жизни еврейской общины города. Вы успешно реализуете просветительские, культурные и социальные проекты, ведёте работу с детьми, молодёжью и людьми старшего поколения. Примите благодарность за Вашу созидательную деятельность, общественную активность и неравнодушие!

Уважаемый раввин Арон! Желаю лично Вам и всем членам иркутской еврейской общины благополучия, мира и успехов во всех благих делах и начинаниях, а Иркутской синагоге – отпраздновать ещё не один юбилей!

Мэр города Иркутска
Д.В. Бердников
2019 г.

Уважаемый господин Арон Вагнер!

Поздравляю Вас и всех участников общины с праздником Хануки и со 140-летием Иркутской синагоги!

Иркутская еврейская община активно участвует в жизни города Иркутска и всего региона, совершая весомый вклад в укрепление духовности и межконфессиональных связей, сохранение и преумножение богатой сибирской культуры. Эта работа направлена на укрепление добрых и сердечных отношений, приобщение людей к простым, но незабываемым ценностям: дружба, согласие, забота, мир.

От депутатов Думы города Иркутска и от себя лично выражаю Вам и всем, кто оказывает поддержку вашей деятельности, благодарность за труд на благо жителей Иркутска и области. Примите самые тёплые пожелания хорошего здоровья, успехов во всех начинаниях, благополучия и процветания.

Председатель Думы города Иркутска
Д.О. Ружников
2019 г.

Уважаемые иркутяне!

Нынешний год – это год, когда мы отмечаем 140-летний юбилей нашему родному «Дому еврейской общины» – синагоге – памятнику истории и культуры XIX века. В прошлом году мы отметили 200-летний юбилей нашей общины. Эти две исторические даты перекликаются друг с другом! В одном из проектов еврейской общины, мы привели в порядок старое еврейское кладбище в Лисихе. Находили, поднимали и восстанавливали памятники. Среди них – раввины нашей общины, кантор и шойхет нашей общины. Читая надписи на памятниках этих почитаемых в общине людей, оживает история жизни нашей синагоги более 100 лет тому назад. Находясь сегодня в синагоге, я благодарю Вс-вышнего за то, что он дал мне «прикоснуться» к ним и продолжить их дело в наше время. Всё это было бы невозможно без помощи и поддержки семьи, сотрудников общины, и конечно тех, кто оказывает нам финансовую помощь. А всё это – ради Вас, уважаемые прихожане нашего «малого Храма»! Этим мы исполняем настоящую функцию нашего Дома – «Бейт кнесет», что на русском звучит, как «Дом собраний». По настоящему «Дом еврейской общины»! Дом, который является сердцем для всех нас,

который объединяет нас в молитвах, праздниках и, к сожалению, в грустные моменты жизни.

Для нас сегодня очень привычно видеть здание синагоги в том прекрасном состоянии, в котором оно сейчас находится. Но мы не должны забывать и быть благодарными всем, кто помог нам в этом во главе с Главным раввином России Берлом Лазаром и Президентом ФЕОР А.М. Бородой. В настоящее время в общине, слава Б-гу, работают программы для всех возрастов. Будем рады видеть всех Вас! Здание нашей синагоги – это одна из «жемчужин» нашего города. Его посещают сотни туристов со всего мира, что способствует укреплению межнациональных и межконфессиональных отношений. Хочу пожелать всем нам, чтобы ещё много-много лет мы собирались здесь на молитвах, праздниках и по разным хорошим поводам. Дай Б-г всем нам много здоровья, благополучия и настоящего еврейского счастья! И материальной возможности развиваться дальше! Хотелось бы добавить, что в наше непростое время – в период пандемии коронавируса, наша община сплотилась и стала тем «стержнем», который поддерживает нас. И мы ещё раз убеждаемся, что Иркутская синагога – наш родной Дом!

Молюсь и обращаюсь ко Вс-вышнему с просьбой, чтобы я смог исполнить, как посланник Любавического Ребе, всё для дальнейшего развития нашей общины, духовного и материального роста!

Главный раввин Иркутска и Иркутской области
Арон Вагнер

Часть I

ИСТОРИЯ
ИРКУТСКОЙ СИНАГОГИ
ДО РЕВОЛЮЦИИ

Появление еврейских молелен в Иркутске и строительство первой каменной синагоги

 19 августа 1868 года было Высочайше утверждено положение Кабинета министров о предоставлении Министерству внутренних дел «по представлению губернских начальств разрешать в уважительных случаях еврейским обществам, могущим на основании действующих постановлений образовываться вне черты постоянной оседлости, учреждать молельни и при них хозяйственные правления на тех началах, кои установлены для существующих в Санкт-Петербурге подобных учреждений».

Как отмечает Л. Кальмина в работе «Еврейские общины Восточной Сибири (Середина XIX века – февраль 1917 года)», в Иркутске уже в конце 1850-х годов на осенние праздники евреи нанимали квартиры для общей молитвы. В 1860-е годы в Иркутске, по-видимому, существовала незарегистрированная синагога. Согласно «Памятной книжке Иркутской губернии на 1865 год», в Иркутске была одна деревянная «еврейская школа». Поскольку указана она в специальной таблице православных и иноверческих церквей и иных богослужебных зданий, мы можем говорить о том, что еврейская молельня в 1865 году уже была в Иркутске и даже упоминалась в официальных справочниках города. Ещё две «еврейские школы» были в Нижне-

удинске и Нижнеудинском округе, тоже деревянные (Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 год. 1865. Т. 1. Табл. VIII). На 13 декабря 1863 года, согласно этому же справочнику и данным статкомитета, в Иркутске проживали 172 мужчины-еврея и 111 женщин-евреек, двумя годами ранее женщин было только 70. Вероятно, многие евреи, фактически жившие в Иркутске, приписаны были к другим поселениям. Однако с уверенностью можно утверждать, что еврейская молельня в городе существовала, по крайней мере, с середины 1860-х годов.

Объединил иркутских евреев, стал их духовным лидером почти за 20 лет до появления официальной синагоги купец 1-й гильдии, меценат Яков Савельевич Домбровский. Он нанял специальный дом под молитвенные собрания, где собирались на молитву несколько десятков иркутских евреев. Завёл, как и положено в молитвенном доме, метрические книги. С ним в Иркутск прибыл, по-видимому, первый синагогиальный резник Евсей Рябкин, который прослужил иркутской общине три десятка лет. Для местных евреев, оторванных от «черты», предприимчивый, активный, интеллигентный Яков Домбровский был, конечно, исключительной фигурой. К нему тянулись люди. «Это подлинно был первый и долгое время единственный еврейский интеллигент на всю Сибирь! Еврей, знающий все обряды еврейской религии, знающий Библию и смыслящий даже в Талмуде...», – так Яков Домбровский характеризовался в книге В.С. Войтинского и А.Я. Горнштейна «Евреи в Иркутске». Однако непростой,

авторитарный характер Домбровского привёл к тому, что солдаты-евреи, составлявшие немаловажную часть иркутского иудейского сообщества (они были иркутянами, в отличие от многих евреев, представителей предпринимательского сословия, приписанных в иных местах), отделились и создали свою общину и даже наняли дом под молельню на 2-й Солдатской.

По Уставу Духовных дел иностранных исповеданий, губернское начальство могло разрешить открыть синагогу в городе или селении, где насчитывалось более 80 домов евреев. Открытие молитвенного дома сопровождалось соответствующей клятвой: «Я, нижеподписавшийся, обещаю и клянусь Господом Богом Израилевым с чистым сердцем, а не по иному скрытому во мне смыслу, что... занимаемая нашим молитвенным обществом синагога (или школа) будет навсегда посвящена исключительно одному богомолию, совершению обрядов веры и чтению книг нашего закона, чтобы кроме сего в оной никакого другого собрания, противного общественному спокойствию, распоряжениям местного начальства и полицейскому порядку производимо не было, и никаких других вещей, кроме священных для еврея списков Торы, свёртков, книг и утвари, к богомолию и совершению обрядов веры принадлежащих, в оной сохраняемо не было».

«Евреи строят в Иркутске обширный молитвенный дом», – сообщила газета «Сибирь» в мае 1878 года. 9 апреля 1878 года министр внутренних дел Российской империи удовлетворил ходатайство солдатской еврейской общины Иркутска о постройке еврейского молит-

венного дома. Как отмечено в работе Л. Кальминой «Еврейские общины Восточной Сибири до 1917 г.», решение было получено с условием, чтобы «молельня эта не была именуема ни синагогой, ни молитвенной школой».

Существовало и второе ходатайство, но от иркутской купеческо-мещанской общины, не получившее поддержки, так как уже было удовлетворено первое. Министр посчитал, что для Иркутска одной синагоги достаточно. Сложилась парадоксальная ситуация: солдаты имели разрешение на постройку синагоги, но почти не имели средств, а купцы владели деньгами, но не имели разрешения. В результате иркутские евреи объединились, избрали строительный комитет, в который вошли обе стороны. 10 мая 1878 года был утверждён план на строительство каменной синагоги. Считается, что проект разработал иркутский архитектор В.А. Кудельский. Здание Иркутской синагоги, имевшее Т-образный план, завершала шестиконечная звезда.

К этому моменту в Иркутске проживало 1100 евреев, или 2,89% населения города. С 1863 года число евреев в губернском центре выросло практически в три раза. В.Ю. Рабинович в статье «История еврейской общины в Иркутской губернии XIX – начала XX вв.» пишет: «Евреи играли заметную роль в промышленности Иркутска и губернии, которая к тому же была тесно связана с их торговой специализацией. Им принадлежало почти всё мыловаренное производство города, которое обслуживало не только губернию, но и весь Приленский край. Первым иркутским мыловаром был еврей – Ли-

вернберг. Первый дрожжевой завод и первое производство минеральных вод в Иркутске были открыты Перцелем. Евреям принадлежали три четверти краскотёрочных заводов Иркутска. На них изготавливались тёртые краски, олифа, замазка, которая поставлялась от Красноярска до Читы». Евреи владели значительной частью слесарных, меднолитейных мастерских. Было много ремесленников: портные, башмачники, слесари, ювелиры, часовщики. С 1870 года евреи получили доступ в сибирскую золотопромышленность, поэтому к середине 1870-х годов среди фамилий сибирских золотопромышленников уже встречаются: Хейсин, Лейбович, Мильштейн, Вульфович, Кальманович, Шепелевич, Фризер, Риф, Тонконозовы, Флееры, Бронштейны, Новомейские (История еврейской общины в Иркутской губернии XIX – начала XX вв. // Сибирский еврейский сборник. 1992. № 1).

Купцы-евреи занимались благотворительностью, просветительской деятельностью. В 1878 году Иркутская общественная библиотека опубликовала список полученных ею в 1877 году журналов и книг. Среди крупных дарителей оказался купец Ицко Виник, который передал в пользование всех жителей Иркутска пять томов историко-литературного сборника «Еврейская библиотека», издававшегося с 1871 года.

Евреи играли заметную роль и в культурной жизни. «Зимой нынешнего года на улицах Иркутска красовались полусаженные театральные афиши с заглавием какой-то драмы на еврейском языке. Такою драмой бенефицианты рассчитывали привлечь особенно еврей-

скую публику. Уже этого одного факта достаточно для того, чтобы судить, что Иркутск не может пожаловаться на отсутствие евреев в городе, – писала газета "Сибирь" в мае 1878 года. – Сколько именно евреев в Иркутске, да и во всей Сибири, трудно сказать. Приблизительно же можно высчитать еврейское население Иркутска следующим образом: евреи строят в Иркутске обширный молитвенный дом. Таким образом, допустив, что в Иркутске существует 100 семейств евреев-домовладельцев и каждая семья состоит из 5 человек, получим для Иркутска цифру 500 человек евреев, или почти 2% всего населения» (Евреи как колонизаторы Сибири // Сибирь. 1878. 28 мая. С.1). Сейчас уже известно, что автор статьи ошибся в два раза. Если брать официальные данные губернского статистического комитета за 1875 год, в Иркутске насчитывалось 1007 лиц еврейской национальности (данные «Памятной книжки Иркутской губернии на 1881 год»). В целом по Иркутской губернии в 1879 году жили 2 тысячи 356 лиц иудейского закона (Иркутские губернские ведомости. 1879. 19 июня).

5 апреля 1879 года в здании только что отстроенной синагоги была совершена молитва за государя Александра II. «Сего дня, в 10 часов, проходило торжественное служение и молитва за ГОСУДАРЯ в иркутской еврейской Синагоге, на котором, по приглашению еврейского городского общества, присутствовал Генерал-губернатор со своею свитою и другие административные лица, – сообщала газета "Иркутские губернские ведомости". – Заменяющий должность раввина при богослужении произнёс глубоко прочувствованную

речь, исполненную великой благодарности евреев ЦА-РЮ-ОСВОБОДИТЕЛЮ, за всё, всё сделанное для евреев в ЕГО дорогом для них царствование. Синагога была полна народом».

Однако этому зданию не суждено было простоять долго. 22 и 24 июня 1879 года в Иркутске случилась серия пожаров, которые уничтожили значительную часть города. Полностью выгорело 75 кварталов с 918 дворами, 105 каменными, 3418 деревянными постройками. Среди прочих сгорел и только что отстроенный Еврейский молитвенный дом. По данным газеты «Иркутские губернские ведомости» за 18 июля 1879 года, исчезли с лица города: «5 каменных православных церквей, 1 деревянная, 2 домовых православных, 1 лютеранская деревянная, 1 католическая деревянная, 2 еврейские синагоги (одна из них большая каменная с богадельнею и училищем)».

Город после пожара представлял собой страшное зрелище. «На улицах валялся скарб, разные вещи, обломки мебели, опрокинутые экипажи, – писали "Иркутские губернские ведомости". – Берег Ангары был переполнен приютившимися погорельцами, которые не могли достать места на судах, лодках, плотках и стать на якорях среди Ангары, или переплавиться на противоположный берег или острова. Река представляла живой город. Иерусалимская кладбищенская гора покрылась народом, импровизированными шатрами из опрокинутых телег, шкафов, натянутых шалей, ковров, простыней. Речка Ушаковка была буквально запружена жителями, большею частью бежавшими из негорев-

шей части города... Плач и крики детей, стоны женщин представляли разрывающую душу и не поддающуюся никакому описанию картину...». Ущерб от пожара составил более 30 миллионов рублей. Еврейские купцы, как и другие жители города, всеми силами старались помочь обездоленным.

Когда второй, самый разрушительный пожар, охватил улицу Большую, многие купцы, обнаружив, что склады и магазины не спасти, открывали их и раздавали содержимое на разграбление. Это усилило хаос и панику, потому что люди бросались за продуктами, за спиртным и тут же начинали есть и распивать и домашний самогон, и напитки со складов. Торговцы в отчаянии выкатывали спиртное бочками под крики толпы. В результате среди погорельцев оказалось много пьяных людей, которые мешали тушению пожара и усиливали ощущение судного дня. Купец Леонтий Лейбович, поняв, что его винные склады вот-вот сгорят, удержался от того, чтобы открыть подвалы, опасаясь, что люди потеряют адекватность. Ведь уже наблюдалась ужасная картина: прямо напротив складов Лейбовича бочки с вином из подвалов выкатывали народу – пусть все пьют, раз уж не уберечь. И среди обезумевшей от горя толпы гоготали пьяные. Позже власти вынесли Лейбовичу особую благодарность в «Иркутских губернских ведомостях» за то, что он не поддержал страшный пьяный разгул во время трагедии, охватившей весь город.

«Щедрая правительственная помощь, как бы она велика и значительная ни была, всё-таки не может удовлетворить всем насущным потребностям насто-

ящего, столь тягостного для Иркутска времени, – обращался к жителям Иркутска через газету генерал-губернатор Фредерикс. – Твёрдо надеюсь, что частная благотворительность зажиточных и достаточных классов городского населения быстро и ревностно поспешит в этом деле на помощь несчастным погорельцам, доставляя свои пожертвования деньгами, платьем, бельём, обувью и съестными припасами во всех видах». Крупные купцы-евреи откликнулись на эту просьбу со всей сердечностью, понимая, что сами потерпели убытки, но участь неимущих горожан была ещё хуже. Лейбович и Мордохович предоставили в полное распоряжение горожан 43 пуда 26 фунтов ржаной муки. Комитет подаяния помощи погорельцам объявил купцам в числе прочих жертвователей свою сердечную благодарность. Мука была очень нужна городу, поскольку из неё пекли хлеб и раздавали погорельцам.

Напомним, сам император Александр II пожертвовал Иркутску 40 тысяч рублей, действительный статский советник И.И. Базанов – 50 тысяч рублей, почётный гражданин Я.А. Немчинов – 50 тысяч рублей, 10 тысяч рублей дал Московский биржевой комитет. Не остались в стороне известные евреи, которые жили за пределами Иркутска, но на трагедию откликнулись, как на свою собственную. Братья бароны Гинцбург, представители известного российского рода еврейских банкиров, предпринимателей и меценатов, прислали погорельцам, по отчётам комитета, с 29 июня по 1 сентября 1879 года 4 тысячи рублей, а к концу сентября – 3 тысячи рублей. С Иркутской губернией их связывало управление

ленскими приисками – Гораций Гинцбург был одним из основных пайщиков Ленского золотопромышленного товарищества.

Гинцбурги стали одними из самых крупных жертвователей на восстановление Иркутской синагоги. Евзелью Гинцбургу многие евреи России были благодарны и поминали его добрым словом. С 1862 года он хлопотал перед властями, отстаивая мысль, что среди российских евреев необходимо распространение просвещения. Именно благодаря стараниям Гинцбурга в Санкт-Петербурге появилась Хоральная синагога, и была основана столичная еврейская община. Гинцбург создал Общество распространения просвещения среди евреев России, финансировал его на свои деньги. В Иркутске это общество тоже активно работало. Гинцбурги в своё время внесли 10 тысяч рублей на строительство Иркутского городского театра.

Наряду с крупными жертвованиями были и небольшие, но каждый вклад был бесценен. Например, иркутский еврей Михаил Моисеевич Розенбаум в сентябре 1879 года собрал для неимущих то, что смог: разное поношенное платье и бельё.

Как отмечает в своей работе Л. Кальмина, пожар 1879 года уничтожил не только почти готовую, но неосвящённую синагогу, но и все, находившиеся в ней, бумаги. В их числе было разрешение на постройку. Однако староста общины Яков Перцель нашёл засвидетельствованную копию документа иркутского губернатора от 27 июня 1877 года «по ходатайству проживающих в Иркутске евреев из нижних чинов о позволении

построить молельню с хозяйственным правлением». Л. Кальминой удалось отыскать отчёт Торгового дома братьев Лейбович. В нём сказано, что в общей сложности до пожара и после него было собрано 96 922 рубля 88 с половиной копейки, из них на устройство молитвенного дома истрачено 37 380 рублей 47 копеек до пожара и 32 848 рублей 55 копеек – на отстройку.

В июне 1880 года приговором иркутской общины от 20 мая были избраны 18 человек, которые должны были заниматься всеми вопросами по молитвенному дому. Тогда же было принято решение начать продажу мест в будущей синагоге, поскольку иначе нужная сумма не набиралась. «Предполагалось, что их (молитвенных мест. – *Авт.*) будет около 30 и продаваться они будут в потомственное владение (купившие их и имеющие на то соответствующий документ уже никогда не могли быть лишены права владения ими). Но деньги за них должны были быть внесены авансом и полностью – до 1 июля 1880 года. Задержка с оплатой грозила лишением права иметь вечное место, а частично внесённые деньги не возвращались и оставались в распоряжении молитвенного дома» (Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири до 1917 г. 2003. С. 357). Как указывает Л. Кальмина, собранная за места сумма составила 29 212 рублей 50 копеек.

Есть и другое свидетельство. Согласно книге В.С. Войтинского и А.Я. Горнштейна «Евреи в Иркутске», изданной в 1915 году хозяйственным правлением Иркутской синагоги, на постройку молитвенного дома иркутские евреи потратили до и после пожара 77 284 рубля. От

Страхового общества в качестве компенсации за сгоревшее в пожаре здание было получено 16 476 рублей. Однако предстояло собрать более 60 тысяч рублей. На Иркутскую синагогу было пожертвовано 22 374 рубля, 22 495 рублей поступило за места, купленные в вечное владение, 2625 рублей – за места временного владения. В молитвенных домах Иркутска, солдатском и мещанском, было собрано 4092 рубля, позаимствовано из капитала Данишевского 3584 рубля, из средств, собранных на училище, – 2436 рублей. Л. Лейбович дал займы 3362 рубля.

Места в первом ряду были выкуплены бароном Гинцбургом, купцами Яковом Домбровским, Леонтием Лейбовичем, Вениамином Каминером, Борисом Патушинским. Во втором ряду – Исаем Файнбергом, в пятом – Семёном Кальмеером. 22 тысячи рублей были собраны с 28 человек. Иркутская синагога была освящена в 1881 году.

Как отмечает Л. Кальмина, на протяжении многих лет молитвенный дом был единственным официально утверждённым местом моления евреев. В 1895 году иркутский губернатор докладывал в канцелярию иркутского генерал-губернатора: «...кроме города Иркутска молитвенных учреждений нигде не имеется» (Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири до 1917 г. 2003. С. 358). Неофициально синагоги существовали, более того, даже в неофициальном статусе их могли внести, например, в «Памятные книжки». По данным «Памятной книжки Иркутской губернии на 1881 год», в городе насчитывалось два Еврейских мо-

литвенных дома (Памятная книжка Иркутской губернии. 1881 год / Под ред. Д.Д. Ларионова. С. 252).

Каким же образом в те времена жил обычный иркутский верующий еврей? Как он молился, как часто бывал в синагоге? Следов того, ушедшего мира почти не осталось, тем удивительнее, что сохранились очень подробные воспоминания главного санитарного врача Новосибирска Самуила Израилевича Шапкайца, детство которого прошло в Иркутске. Воспоминания были написаны в 1972 году, более трёх десятков лет хранились в семье (Шапкайц С. Жизнь, мечты и труд: Автобиографический очерк / Публикация правнучки Елены Буториной. <http://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer6/Shapkajc1.htm>). Самуил Шапкайц появился на свет в семье Израила и Цвили Шапкайц, которые в середине XIX века вместе с родителями были сосланы в Сибирь. «Родился я 17 февраля 1887 года в городе Иркутске, о чём сохранилось удостоверение за № 173 от 1897 года, выданное раввином Медведниковым», – сообщал о себе Самуил Израилевич. Семья была религиозной.

«Отец мой был малограмотным, мать безграмотной. Старшие дети в школе не учились, только случайно освоили чтение по-русски, а по-еврейски и вовсе не знали букв, – вспоминал Самуил Шапкайц. – Да и младшие, кроме меня, не получили полноценного школьного образования. Зато всё поглощалось религиозным духом. Каждое утро до выхода на работу отец шёл в синагогу молиться, захватывая старших сыновей, а мама и бабушка молились дома. Читать по-еврей-

ски никто не умел, но молитвы знали наизусть. Перед каждым приёмом пищи, произведя омовение рук, они читали молитвы. Перед сном и после сна – тоже. Такой порядок был обязателен для всех в семье. Ну а суббота была священна и сопровождалась праздничными обрядами, которые неукоснительно выполнялись всеми. В пятницу в 12 часов дня начинались приготовления. Отец заканчивал работу, в чём ему никто из работодателей не чинил препятствий, потому что отец всегда отработывал в воскресенье. Придя домой, он забирал мальчиков, брал чистое бельё и уводил нас в баню. Потом мыться шли мать и девочки.

В сумерки папа, мама, бабушка и мальчики уходили в синагогу. К нашему возвращению сёстры торжественно оформляли стол к вечерней трапезе: белая скатерть, надраенные до блеска металлические подсвечники с количеством свечей по числу детей. Мама зажигала свечи и совершала над ними молитву-благословение и поздравляла нас с хорошей субботой. На столе перед отцом обязательно были положены белые булки (халы), покрытые белой салфеткой, и стоял бокал красного самодельного вина из изюма. Папа проносил над ним молитву, отпивал часть вина и передавал бокал маме и бабушке. Затем за стол садились все члены семьи, и начиналась праздничная трапеза, где кушанья резко отличались от нашей повседневной пищи. Сначала была фаршированная рыба, потом суп, морковный цимес с черносливом и наконец компот или кисель. Во время трапезы между блюдами пели застольные религиозные песни. Заканчивалась трапе-

за благодарственной молитвой, а затем мы все пели Песню Песней царя Соломона. После этого все уходили читать молитвы перед сном».

Субботнее утро в семье Шапкайц начиналось всегда одинаково: простенько, но чисто одетые все шли в синагогу на большую службу, которая длилась около трёх часов. «Синагога в Иркутске была хорошая, хоральная, и нам было очень интересно туда ходить, – вспоминал Самуил Израилевич. – В результате многие мелодии, исполнявшиеся кантором и хором, запоминались, и мы их часто пели дома. Из синагоги мы шли домой и садились за стол, трапеза напоминала субботнюю, только перед компотом добавлялся ещё вкусный кугл. Затем мы пели песни религиозного содержания – "Змиройс", и на этом праздник заканчивался».

Самуил Шапкайц вспоминал и иркутский хедер, в который он попал в шестилетнем возрасте. «Высокий седой человек посадил меня рядом с собой, разложил крупно напечатанный лист с буквами еврейского алфавита и, показывая на буквы, предлагал повторять за ним. А мама в это время незаметно сбрасывала маленькие леденцы и приговаривала, что это ангелы посылают прилежным ученикам. Недалеко за длинным столом сидели человек 15 детей в возрасте от 6 до 12 лет за книжками – молитвенниками, псалмами и упражнялись в заучивании заданных им уроков. Ребе был добрым, и хотя плётка висела на видном месте, но он ею очень редко пользовался, чаще только для угроз шалопаям. Иногда ребе в перерыве между занятиями брал скрипку и играл нам еврейские мелодии – молит-

венные, застольные, народные. Так проходило наше время с 9 утра до 4 дня.

...Русских праздников мы никогда не справляли, зато каждый еврейский праздник, овеянный легендами библии и историей, ожидался нами как радостное событие. Все обряды резко отличали эти дни от обыденной жизни. До сих пор помню в Песах – грецкие орехи, в Пурим – маскарадные игры и обмен подарками, в Хануку – зажигание восковых свечей и игры с самодельными волчками, в Суккот – устройство ёлочных кущей, в Симхас-Тойре – торжественное ношение Торы... И только один праздник – Йом-Кипур всегда ожидался нами с трепетом. Мама благословляла каждого перед уходом в синагогу. Читалась особая молитва, в которой говорилось, что в этот день предопределяется судьба, кому в этом году жить, а кому умереть. Да и сам обряд абсолютного голода в течение 24 часов не радовал ребят. Особенно тех, кому уже исполнилось 13 лет, и для кого пост был обязателен. Зато как мы собой гордились, когда пост заканчивался, и мы с полным правом приступали к трапезе! Не могу обойти и ещё один обычай, который наши родители свято соблюдали: на каждый праздник к трапезному столу приводили троих гостей из синагоги из числа бедных людей. Это воспитывало у нас чувство доброты и уважения к окружающим».

Формирование правления иркутской еврейской общины

Об официальном правлении иркутской еврейской общины можно говорить, скорее всего, с 1877 года. Первый староста общины Яков Перцель вспоминал, что впервые выборы духовного правления общины состоялись в июне 1877 года, в этом же году губернский совет утвердил две должности – старосты (габа) и казначея (неймана). Третья обязательная должность – учёного еврея, который должен был разъяснять возникающие сомнения при исполнении обрядов, не была утверждена. Первым официальным резником общины стал Е.И. Рябкин. Обычно духовное правление избиралось закрытым голосованием на три года из самих членов общины. Решения в общине принимались двумя третями законных членов. Обязательное условие – взносы. В Иркутске, по предложению губернатора И.П. Молле-риуса, минимальная сумма ограничивалась 10 рублями. В 1895 году генерал-губернатор Горемыкин, излагая свои предложения Министерству внутренних дел, предлагал 5 рублей минимального взноса.

Купец Яков Моисеевич Перцель был старостой иркутской общины с 1879 по 1881 год, казначеем – купец Штамбок. С 1881 года старостой становится купец Леонтий Осипович Лейбович, должность казначея отдана Михаилу Яковлевичу Домбровскому, сыну прославленного Якова Домбровского. 30 ноября 1881 года Лейбович умер, и Михаил Домбровский занял его место. Учёным евреем был избран купец Борис Григорьевич Патушинский, а крупный иркутский торговец Исай Матвеевич Файнберг стал казначеем. В 1884 – 1887 го-

дах старостой был ещё один сын Якова Домбровского, Гдалией Яковлевич, обязанности казначея исполнял Павел Яковлевич Маркевич. Поскольку казначей часто болел и в связи с этим был вскоре уволен со своей должности, а Гдалией Яковлевич тоже на время отошёл от дел общины, делами старосты, казначея и даже учёного еврея занимался старый резак Е.И. Рябкин. С 1888 года старостой согласился служить иркутский купец Соломон Глятер, но впоследствии от должности отказался. Община пыталась выдвинуть на эту должность Бориса Клементьевича Ямпольского, но он не был утверждён.

В итоге в 1887 году казначеем молитвенного дома был избран на основании приговора общины небогатый мещанин Борис Леонтьевич Горфин, подвизавшийся на многочисленных подрядах в Иркутске. Горфин был сыном синагогиального шамеса, и потому его избрание вызвало много вопросов. Однако губернское правление Горфина утвердило. «Принимая во внимание первое: что при избрании в 1882 году старосты Еврейского молитвенного дома подписи на приговоре об этом были засвидетельствованы помощником пристава, подписи же на представленном приговоре заверены самим правлением молитвенного дома, второе: что относительно этого заверения полицейской властью никакого указания в законах не содержится, и третье: что г-н Горфин под судом и следствием не состоял и не состоит, как об этом сообщила Иркутская мещанская управа, – я нахожу, что сделанное еврейским обществом избрание г-на Горфина казначеем Молитвенного дома не противоречит 1070 п. ст. XI т. I ч. Дух. Д. иностр.

испов., а потому полагал бы представить означенный приговор на усмотрение и утверждение Иркутского губернского правления», – сообщил член управы М.О. Качалов (ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 2184. Л. 3-Зоб.). Губернское правление также не имело возражений при утверждении Горфина. И это серьёзно сказалось на отношениях внутри общины. Через незначительное время с должности старосты ушёл Гдалий Домровский, Гофрин с 1888 года волей-неволей стал совмещать должности казначея и старосты Иркутской синагоги. Это вызвало возмущение крупного купечества, которое не желало иметь в качестве старосты человека без достаточного общественного веса. Не очень богатое еврейство, наоборот, было радо «своему» старосте. Купцы перестали интересоваться делами общины и, естественно, её финансировать. Годовые доходы Иркутской синагоги упали за три года – с 1887 по 1890 год – с 7 до 2,5 тысячи рублей.

В результате, на отсутствие в Иркутской синагоге раввина обратил внимание даже губернатор. Александр Горемыкин стал настаивать на том, чтобы раввин был избран. В 1890 году Исай Файнберг был избран учёным евреем, а Матвей Прейсман – казначеем. Ещё в апреле 1891 года Иркутская синагога получила предписание немедленно избрать казённого раввина. В газете «Иркутские губернские ведомости» за 17 апреля 1891 года сохранилось обращение Матвея Прейсмана: «Г-да прихожане Иркутского еврейского молитвенного дома, Иркутское губернское правление, от 9 числа сего апреля за № 7189, на основании предложения г-на

Иркутского губернатора от 8 апреля за № 2156, предписывает немедленно распорядиться об избрании соответствующих лиц на должности казённого раввина и его помощника, о чём немедленно донести Его Превосходительству. Уведомляя об изложенном всех сообщественников своих, ввиду неотлагательного исполнения помянутого предписания, покорнейше прошу Вас, милостивые государи, пожаловать в синагогу во вторник 23 апреля, в 11 ч. утра, для выбора помянутых лиц. За старосту Иркутского еврейского молитвенного дома казначей Матвей Прейсман». Однако апрельское избрание, по-видимому, не состоялось. В мае 1891 года «Известия Иркутской городской думы» сообщили, что общее присутствие Иркутской городской управы на заседании в апреле 1891 года предписало: распорядительному отделению «препроводить в Иркутское губернское правление все документы, представленные казначеем Еврейского молитвенного дома М. Прейсманом, на предмет утверждения нижеуказанного 1-й гильдии купца М.М. Шейниса в должности старосты молитвенного дома» (Известия Иркутской городской думы. 1891. № 10. С. 85.) Так старостой Иркутской синагоги стал Михаил Меерович Шейнис. Именно ему было поручено в сентябре 1891 года вновь инициировать избрание раввина.

И вот 20 октября 1891 года иркутская община выбрала своего первого общественного раввина. Им стал витебский мещанин Дон-Хаимов Медведников, до Иркутска учительствовавший в еврейском казённом училище Симферополя. В Государственном архиве Иркутской

области есть дело иркутского городского полицейского управления «О не разрешении (так в документе. – *Авт.*) проживать в г. Иркутске витебскому мещанину Медведникову Дону Хаимовичу», датированное 2 августа 1888 – 14 августа 1889 годов. Тем не менее, уже в 1891 году еврей, которому не было разрешено проживать в Иркутске, был избран первым раввином Иркутска. В ГАИО хранится копия Общественного договора, подписанного членами иркутской еврейской общины:

«1891 года, октября 20 дня. Мы, нижеподписавшиеся прихожане Иркутского Еврейского Молитвенного дома, в числе двух третей, имеющих право голоса на выборах, были сего числа на общем собрании в помещении при Иркутском Молитвенном Доме. И слушали предложение Иркутского Губернатора от 30 сентября сего года за № 6040 относительно выбора для Иркутского Еврейского Общества раввина соответствующего лица, при сём постановили: избрать на должность раввина Витебского мещанина Дона-Хаимова Медведникова, соответствующего требованию 1083 ст. XI I ч. Устава духовного иностранных вероисповеданий... (неразб. – *Авт.*) подписей Иркутского Еврейского общества. На подлиннике написано, что настоящий приговор составлен в числе двух третей прихожан Молитвенного дома и подписано семьюдесятью одной (71) подписью, имеющих право голоса на выборах...».

8 ноября 1891 года староста М. Шейнис направил в Иркутскую городскую управу официальный документ, в котором сообщал: «Витебский мещанин Дон-Хаимов Медведников, утверждённый в должности Иркут-

ского раввина, сего числа (7 ноября. – *Авт.*) принял установленную присягу, которому мной объявлено явиться в Иркутское Общее Губернское Управление за получением установленного свидетельства на звание раввина». О Доне Медведникове сведений совсем немного. Предполагается, что его фамилия произошла от названия деревни в Оршанском районе Витебской губернии – «Медведники». Жители деревни получали фамилию «Медведник», которая позже была преобразована в Медведников. Как сообщает Л.В. Кальмина в своей работе «Еврейские общины Восточной Сибири», Медведников имел свидетельство Витебской еврейской училищной комиссии, ранее был учителем в еврейском казённом училище в Симферополе и приехал в Иркутск по собственной воле. Известно, что его сын, железнодорожник, инженер, начальник депо и участка тяги Верхнеудинского узла Меер Донович Медведников был казнён в числе 10 служащих станции Верхнеудинск, участвовавших в революционных событиях 1905 года. В 2018 – 2019 годах в ходе работ на старом еврейском кладбище Иркутска в Лисихе была вновь обретаена, восстановлена и облагорожена могила Дона-Хаимова Медведникова.

Однако тогда, в конце XIX века, по-видимому, не всех устраивал мещанин Медведников в качестве раввина, а Шейнис – в качестве старосты. Иначе бы власти не получали прошения от членов общины назначить раввином вовсе не Медведникова, а учёного еврея. Им был купец, местный авторитет Исай Файнберг. Он был оскорблён репликами старосты Шейни-

са во время обсуждения кандидатуры претендента на должность раввина и написал большое письмо на имя начальника Иркутской губернии. Как сообщал Файнберг, на собрании прихожан Иркутского молитвенного дома в числе прочих обсуждался вопрос «чисто религиозного свойства». «Посему я, в качестве Учёного еврея, обязанного по силе 1075 ст. XI ч. I (Уст. Иностр. исп.) разъяснить все сомнения, касающиеся обрядов Веры, тут же на проходившем собрании постарался объяснить прихожанам, как следует смотреть на означенный религиозный вопрос. Присутствовавший тут же на собрании член Молитвенного Дома Староста г-н Шейнис, чуждый вообще всяких религиозных вопросов, и на сей раз не дал мне возможности выполнить лежащую на мне как на Учёном Еврее обязанность истолкования возникших религиозных сомнений. Не знаю, в силу каких причин: оттого ли, что он лично никогда не выполнял затронутого мною религиозного обряда, или же от других причин, но г-н Шейнис сверх всякого моего ожидания и решительно без всякого на то с моей стороны повода, возвысив от своего голоса до неприличия, в присутствии массы прихожан, стуча кулаком по столу, стал кричать, обращаясь ко мне: "Молчать!", "Я заставлю вас молчать!" и среди массы других оскорбительных для меня оскорблений между прочим назвал меня "доносчиком". Такое обращение со мной со стороны г-на Старосты Шейниса, естественно, вызвало в обществе недоумение. Все, а главным образом я, насколько растерялись, что проступок г-на Шейниса прошёл безнаказанным. Сообщая

об изложенном факте Вашему Превосходительству, я почтеннейше прошу Ваше Превосходительство согласиться со мною, что... по означенного инцидента положение моё среди евреев-прихожан как Учёного Еврея становится и физически, и морально невыносимым. Оно физически невыносимо потому, что такое грубое вмешательство Старосты в сферу моих специальных обязанностей может повториться не один раз, и тогда отправление мною законных обязанностей Учёного Еврея, обязанного толковать религиозные вопросы, – сделается лишь номинальным, не переходя в фактическое осуществление, оно невыносимо тем более и морально потому, что с точки зрения большинства еврейской черни одного такого оскорбления, нанесённого мне публично, совершенно достаточно для полного дискредитирования моего авторитета как Учёного Еврея. Вот почему, сообщая о случившемся 20-го числа на собрании инциденте Вашему Превосходительству и оставляя за собой право преследовать г-на Шейниса в уголовном порядке, я осмеливаюсь почтительно просить Ваше Превосходительство уволить меня от занимаемой мной при Еврейском Молитвенном Доме обязанности Учёного Еврея...». Файнберг сообщал, что обязанности учёного еврея вполне можно возложить на раввина. На собрании 24 ноября прихожане Иркутского молитвенного дома проголосовали за то, чтобы оставить Исаю Файнберга в качестве учёного еврея. Но, по-видимому, купец всё же добился увольнения, так как в книге «Евреи Иркутска» говорится о том, что он покинул эту должность в 1893 году. Обязанности учё-

ного еврея стал исполнять раввин Дон-Хаимов Медведников.

Несмотря на то, что внутри общину тревожили распри, дела синагоги с избранием руководства стали идти лучше. С 1 сентября 1891 года по сентябрь 1892 года Иркутский еврейский молитвенный дом сумел собрать более 8,8 тысячи рублей. При этом за места было получено 2903 рубля 80 копеек, за призывы – 754 рубля 50 копеек. На сам молитвенный дом было сдано 319 рублей 25 копеек, бедным на Песах собрали 1243 рубля 50 копеек. Около 1,6 тысячи рублей поступило на содержание раввина и хора, 698 рублей собрал концерт в пользу бедных детей евреев. Из собранных средств около 1,7 тысячи ушло на содержание самой синагоги и её служащих, на ремонт молитвенного дома – около 711 рублей, на жалование раввину – 500 рублей, резке Рябкину – 450 рублей, кантору – 200, жалование хору составило – 469 рублей. Более полутора тысяч рублей синагога отдала на ежемесячные пособия, около тысячи – бедным на Песах, и 1,1 тысячи ушла в виде дополнения к сбору Л.А. Винокурова на беднейших детей.

В 1895 году на три года старостой общины был избран Абрам Маркович Розенберг, который от должности отказался, а его обязанности фактически исполнял всё тот же Михаил Шейнис. Матвей Абрамович Прейсман оставался казначеем, Дон-Хаимов Медведников продолжал служить раввином. В 1895 году Григорий Леонтьевич (Гирш Лейбович) Юдалевич возглавил новую структуру Иркутской синагоги – хозяй-

ственное правление. 24 августа 1895 года иркутский генерал-губернатор направил в Иркутскую городскую управу свои предложения по поводу правил работы синагоги. 30 ноября Министерство внутренних дел утвердило Временные правила для еврейской молельни в городе Иркутске.

А 20 января 1896 года управа получила соответствующие «временные правила». Документ гласил, что все евреи, имеющие право жительства в Иркутске и вносящие не менее 10 рублей в год на хозяйственные нужды молельни, имеют право принять участие в избрании трёх членов хозяйственного правления и трёх кандидатов.

При процедуре избрания обязательно присутствовал чиновник, командированный губернатором «для наблюдения за правильностью и законностью выборов». Утверждал избранных иркутский губернатор, а уже потом утверждённое правление избирало председателя. Казённый раввин был членом правления по должности. Срок работы правления составлял три года. Однако каждый год третья часть правления обновлялась: уходили один член правления и один кандидат, два года новые члены избирались по жребию, затем по очереди. Выбывшие могли быть вновь избраны. Ежегодно проходило общее собрание, на котором правление обязано было представить отчёт на русском языке. Рассмотрением отчёта занималась ревизионная комиссия из трёх человек, избранных на общем собрании. Обязательно в синагоге существовали кассовые книги прихода и расхода, книга для записи имён

жертвователей.

В марте 1898 года Павел Маркович (Файвиш Мордухович) Хоммер был избран прихожанами Иркутской еврейской молельни общественным раввином на три года. Хоммер – сын цехового Мартехеля (Мордуха, Марка) Хаимовича Хоммера. Его второй сын Павел, по образованию агроном, прослужил в должности общественного раввина по начало 1901 года, потом его сменил самый известный среди раввинов Иркутска – Соломон Бейлин. Павел Маркович Хоммер же с 1908-го по 1916 год был коллежским секретарём, контролёром 3-го участка 1-го Акцизного управления. На Дальнем Востоке позже стал известен ещё один представитель этой семьи – брат Павла Хоммера, Илья Хоммер. Врач по профессии, он создал первую на Дальнем Востоке «школу повивальных бабок», а в 1921 году основал школу акушерок. А Павел Хоммер запомнился нам как второй иркутский раввин.

В середине марта 1898 года община избрала нового члена хозяйственного правления, коллежского секретаря Александра Бенедиктовича Воллернера, статус кандидатов получили действительный студент Самуил Семёнович Кальмеер и иркутский купец Зундель Иосифович Помус. На 1900 год председателем правления был Арон Шепшелевич, членами Лазарь Пастернак, Леонтий Таубер, Яков Брегель, З. Помус, Арон Самсонович.

С конца XIX века две официальные фигуры определяли жизнь и существование Иркутской синагоги. Это духовный раввин Ицхок Нотель Б. Машевицкий и об-

щественный раввин Соломон Хаимович Бейлин. Оба они были выходцами из города Новогрудок Гродненской области Белоруссии. Новогрудок – традиционное место проживания евреев с XV века. Уже в 1867 году здесь действовало шесть синагог. В 1868 году тут работало пять религиозных школ. К 1910 году в городе было 16 молитвенных домов евреев, еврейское частное мужское училище, еврейское кладбище.

Ицхок Машевицкий, судя по оставшимся архивным документам, приехал в Иркутск как раз из Новогрудка. В метрических книгах Иркутской синагоги за 1900 год есть документ об установлении законности рождения дочери киренского мещанина Лазаря Горбоноса. В числе поручившихся за Горбоноса евреев указано имя мещанина Минской губернии города Новогрудка Исаака Мошавицкого (написание сохранено, как в документе. – *Авт.*). Косвенно на происхождение именно оттуда указывает и фамилия Ицхока Машевицкого, поскольку в Новогрудском уезде есть местечко Машевичи (Мошевичи).

Ицхок Машевицкий прослужил в качестве духовного раввина и старшего резака Иркутской синагоги вплоть до весны 1914 года. В апреле 1914 года он скончался, а 20 апреля Иркутск похоронил Машевицкого. По информации о похоронах, опубликованной в газете «Сибирь», служил Машевицкий общине почти 35 лет. Значит, его активная деятельность в сообществе иркутских евреев началась примерно в 1880 году. «Отдать последний долг усопшему собралась вся местная еврейская община, – писала газета. – Печальная процессия от квартиры покойного шла до синагоги, отту-

да – к еврейскому общественному училищу, после чего похоронный кортеж направился к новому еврейскому кладбищу. На могиле общественный раввин С.Х. Бейлин в тёплых прочувствованных словах охарактеризовал покойного... Добрый пастырь, ровно и внимательно относившийся к общинникам, отдавший несколько десятков лет служения нуждам общины, – покойный вполне заслуженно пользовался всеобщим уважением местного еврейского населения, скорбь о смерти которого вместе с осиротелой семьёй делит вся община. "Лично я, – сказал С.Х. Бейлин, – как общественный раввин лишился в покойном духовном раввине старшего сотоварища по работе, знатока еврейской религии и письменности, своего рода – открытую книгу...". Иркутская община не оставила семью Машевицкого после его смерти и назначила ей пособие.

Соломон Бейлин. Общественная и научная работа, семья

Уроженец Новогрудка С.Х. Бейлин прибыл в Иркутск в 1901 году. Учёный-фольклорист, обладатель энциклопедических знаний, он был поистине выдающимся человеком, известным далеко за пределами Иркутской губернии. Биография Соломона Бейлина была приведена в книге «Иркутск еврейский: двести сюжетов из жизни 200-летней общины» (2018), однако, ещё очень много белых пятен в его судьбе.

Известно, что С.Х. Бейлин был одним из 10 детей состоятельной семьи иудеев Бейлиных, живших в Ново-

грудке. «Согласно "Ведомостям о домовладельцах города Новогрудка польского происхождения и евреях", датированным 1866 г., евреи были собственниками 452 домов, римо-католики – 99, – пишет в статье "Новогрудок – карта историко-культурного наследия" кандидат исторических наук И.В. Соркина. – Самыми богатыми зданиями, принадлежавшими евреям, названы: дом купца 2-й гильдии Хаима Бейлина и его жены (оценивался в 8000 руб.), Мовши Гаркави (6000 руб.), два дома купца Мейера Пикера (6350 и 3750 руб.). Вместе с тем количество еврейских домов, стоимость которых превысила 1 тыс. руб., составляла лишь 6% (28 домов) от их общего количества. Абсолютное же большинство – 358 домов (около 80%) – были отнесены к бедным» (<http://shtetlroutes.eu/ru/navahrudak-cultural-heritage-card/#osnovnye-istoricheskie-sobytiya>). С.Х. Бейлин всю свою жизнь помнил о родине, об этом свидетельствуют воспоминания, выпущенные им в 1909 году, названные «Летняя прогулка (воспоминания детства)». Он подписал это произведение «Бейлин-Новогрудский».

Десять лет, с 7 февраля 1891 года по апрель 1901-го Соломон Бейлин служил казённым раввином Рогачевского молитвенного дома Могилёвской губернии. Достаточно сказать, что к 1897 году в этом городе проживало более 9 тысяч жителей, а более 5 тысяч составляли евреи. Покинув свою общину в Рогачеве, в 1901 году Бейлин приехал в Иркутск. Согласно формулярному списку о службе, хранящемуся в ГАИО, в феврале 1901 года Соломон Бейлин был избран на должность общественного раввина Иркутской синагоги, а с 10 мая приступил

к своим обязанностям (ГАИО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2-а). Избирался он на трёхлетний срок служения шесть раз.

В семье Соломона Бейлина к моменту его прибытия в Иркутск подрастал сын от первого брака Малкиэль, рождённый 12 мая 1892 года, и дети от второго брака с Розой Исааковной Бейлин. Это дочь Анна, родившаяся 21 июня 1894 года, дочь Зинаида-Зельда (17 декабря 1895 года) и Либе-Любовь (октябрь 1897 года). В Иркутске, насколько известно из послужного списка, родились сын Исаак (21 октября 1902 года) и дочь Ципора-Ципа-Цицилия (11 марта 1905 года). Роза Исааковна Бейлин готовила еврейских девочек по курсу женских гимназий и мальчиков по первым четырём курсам мужских средне-учебных заведений, преподавала французский и немецкий языки. «А по еврейским предметам могут обучаться у мужа моего (местного общественного раввина)», – сообщала она в одном из газетных объявлений 1904 года. В 1912 году она получила разрешение на открытие частного 2-классного еврейского училища в Иркутске.

В архиве ГАИО хранится свидетельство Соломона Бейлина на звание меламеда, выданное Иркутской дирекцией народных училищ на 1912 и 1913 годы. Свидетельство давало право проводить обучение еврейских детей законам их веры, чтению и письму по-еврейски в частных школах, или частных домах, или на дому раввина. Соломон Бейлин преподавал в училище своей жены, там же преподавателем работал его старший сын Малкиэль.

Соломон Бейлин

как лектор и автор иркутской прессы. Переписка с Потаниным

В Иркутске Соломон Бейлин начал активную исследовательскую деятельность, отголоски которой проникали и в местную прессу. Первое, найденное нами, упоминание С. Бейлина в официальной прессе Иркутска сразу же показывает, какими глубокими познаниями в области мирового фольклора он обладал.

В декабре 1902 года он напечатал в разделе «Маленький фельетон» газеты «Иркутские губернские ведомости» заметку «Приверженцам чарки в назидание». В ней он сравнивал народный рассказ графа Толстого, грузинскую легенду, напечатанную в газете «Казбек», и рассказ из синагогиально-учительного сборника «Мидраш Танхумо». В январе 1903 года Бейлин продолжил знакомство читателя с аналогичными легендами в газете. Тогда же, в январе 1903 года, вышла его заметка «Сходственные черты из жизни Александра Македонского и царя Давида. Историческая параллель». А уже в марте 1903 года он опубликовал статью «Арабско-еврейский элемент в бытине о Чуриле», разбирая текст русского народного произведения и отыскивая в нём еврейские мотивы. В апреле 1903 года читатели увидели большой перевод немецкого автора L. Erbach «Обстоятельства, влияющие на творчество композиторов», сделанный Бейлиным.

Соломон Хаимович известен и своими публичными лекциями. Первая из них, отмеченная газетами, состоялась в декабре 1904 года и называлась: «О

странствующих (всемирных) повестях и рассказах в древнераввинской письменности». Список источников, которыми пользовался раввин, потрясает: Талмуд, Мидраш, «Панчатантра» (памятник санскритской повествовательной прозы), «Калила и Димна» (арабское переложение «Панчатантры»), славяно-русский Пролог (церковно-учительный сборник), сочинения Святого Кирилла, «Римские деяния» (средневековый сборник легенд на латинском языке), сочинения доминиканского проповедника Габриэля Барлетта, итальянца Лорентиуса Абстемиуса, Лафонтена, Геллерта. Бейлин сопоставлял различные фольклорные сюжеты, которые отражались в разных литературных памятниках, произведениях писателей, поэтов, и доказывал, что многие мотивы изначально бытовали в еврейской мифологии и литературе. В иркутских газетных архивах сохранилась полная программа лекции, которую мы приводим ниже:

Программа лекции Соломона Бейлина «О странствующих (всемирных) повестях и рассказах в древнераввинской письменности».

«I-е отделение.

Определение странствующих, или переходящих сказок и повестей. Значение сказок и назидательных повестей из древнераввинской письменности (Талмуда и Мидраша) как древнего, или первичного сказочного материала. Главные распространители странствующих сказок и повестей с востока на запад. Посредническая роль евреев, как и древнераввинской письменности, в передаче сказочных и повествовательных сюжетов

между востоком и западом. Значение некоторых странствующих сказок и повестей из Талмуда и Мидраша как первоисточников. Двойной интерес древнераввинских повестей и сказок (по содержанию и побочным обстоятельствам).

"Сказка о хитром должнике" по псковскому преданию, сервантовской шутке, мусульманской легенде о суде царя Давида и по Габриэлю Барлетте. Юридическое значение подобных сказок. Талмудический и мидрашский рассказ о костыле Раввы (Кавио д. Ровво).

"Сказка о слепом и фонаре" – по школьным хрестоматиям и Талмуду.

II-е отделение.

"Сказка о чудной травке" – по школьным хрестоматиям, Талмуду, Мидрашу и одной исторической характеристике.

"Притча о хромце и слепце" – по школьным хрестоматиям, Геллерту, русской народной сказке, Талмуду, Мидрашу, слову св. Кирилла Туровского, прологу 1001 ночи и Gesta Romanorum.

III-е отделение.

О необходимости трудиться для потомства; взгляд еврейских моралистов на занятие земледелием. Наглядный пример приёма и метода еврейской гомилии (истолкования драша). Первоисточник басни Крылова-Лафонтена-Абстемиуса "Старик и трое молодых" – легенды о вековом успении (сне). Сравнение сюжетов.

Главнейшие теории по фольклору (народному творчеству); "теория литературного заимствования" и теория "антропологическая"» (Иркутские губернские ве-

домости. 1904. № 3926. 11 декабря).

Бейлин сам предложил все, собранные на лекции, деньги поделить пополам: половину отдать в пользу братства вспомоществования недостаточным воспитанникам Иркутской духовной семинарии, а вторую половину – на пополнение книгами по юдаике и гебраике библиотеки Иркутской синагоги. Побывавшие на лекции С.Х. Бейлина вспоминали, что он методично, скрупулёзно зачитывал сказку за сказкой, толковал их, показывая связи еврейской культуры с мировыми литературными сюжетами. Лекция затянулась на три с половиной часа, и некоторые зрители даже не выдержали и покинули зал Общественного собрания. Хотя, как замечали ценители, лекция иркутского раввина такого к себе отношения не заслужила, потому что обладала большой глубиной, редкой даже для именитых и приезжих лекторов.

Соломон Бейлин был членом Еврейского историко-этнографического общества в Санкт-Петербурге, печатался в выпускаемом обществом журнале «Еврейская старина», был товарищем председателя Иркутского отделения Общества распространения просвещения между евреями в России. Бейлин был хорошо знаком с Григорием Николаевичем Потаниным. В фондах Красноярского краеведческого музея сохранилась переписка С.Х. Бейлина с Потаниным.

В сентябре 1901 года, спустя несколько месяцев после прибытия в Иркутск в качестве казённого раввина, Соломон Бейлин уже начал налаживать связи с местной интеллигенцией. 14 сентября 1901 года он при-

гласил Г.Н. Потанина к себе в дом на обед, сохранилась карточка, на которой рукою Бейлина начертано: «Многоуважаемый Григорий Николаевич! От имени жены моей и также моего имени, милости просим Вас не отказать пожаловать к нам на обед...». Завязалась переписка, обмен книгами. В декабре 1901 года Бейлин написал Потанину письмо с благодарностью за прочтённую книгу немецкого фольклориста Феликса Либрехта «Zur volkskunde» и интересовался, есть ли в библиотеке учёного ещё ряд книг на немецком и русском языках, и что можно прочесть по теме.

Г.Н. Потанин и Бейлин, по-видимому, почувствовали взаимный интерес. Для Г.Н. Потанина Бейлин был незаменимым источником знаний о мировом фольклоре, иудаике. Для С.Х. Бейлина Г.Н. Потанин – человек, который мог дать профессиональную оценку трудов, помочь в публикации материалов по всемирному или сравнительному фольклору. Насколько глубоким было общение двух исследователей, свидетельствуют те вопросы, которые обсуждались в письмах. Бейлин консультировал Г.Н. Потанина по вопросам иудейской истории, мифологии, литературы. В сентябре 1904 года он направил Потанину письмо, в котором сообщал, что отправил ему журналы «Будущность», где были напечатаны его работы. И просил обязательно прочесть, так как напечатанное «вдвое больше», чем тот материал, который автор зачитывал в здании музея в сентябре 1901 года. Это была сказка Геродота о кольце, материалы по которой Бейлин собирал два года и наконец опубликовал. В этом письме он сообщил и о важном собы-

тии – при Иркутской синагоге открылась библиотека.

С 1902 года продолжалась их переписка по одному интересующему Потанина вопросу. Бейлин написал письмо Потанину, в котором говорил, что помнит о его интересе к Toldoth Jeschu (Толедот Йешу) (известное средневековое произведение иудейской культуры, памфлет на христианские евангельские истории). И рекомендовал ему книгу профессора иудейской теологической семинарии Вены Самуэля Краусса «Das Leben Jesu Nach Judischen Quellen» («Жизнь Христа по еврейским источникам»). Спустя несколько лет, в письме за 3 декабря 1906 года он сообщил, что сам получил из магазина ту самую книгу С. Краусса и в связи с этим опять вспомнил об интересе Г. Потанина к историям жизнеописаний Иисуса. Бейлин поделился с Потаниным собственными воспоминаниями 40-летней давности, когда он ходил в хедер. Именно в хедере он слышал один из вариантов такого жизнеописания, из Toldoth Jeschu. Это рассказ о мальчике Иошодо (Иисусе). В письме, датированном 2 января 1907 года, отвечая на вопрос Потанина о времени создания Toldoth Jeschu, Бейлин сообщил, что вопрос этот ему малознаком, так как он не успел до конца прочесть книгу Краусса. «Большой свет могли бы пролить те места из Талмуда, которые говорят о первых христианах. Не всё... (неразб. – Авт.) как полагают, выброшено с давних времен как цензурами, так и самими евреями из опасения гонений...», – писал он коллеге.

Общение двух учёных было не только профессиональным. Например, в ноябре 1906 года Бейлин, напи-

сав о рабочих вопросах, поделился с Потаниным своей болью об утрате: ушёл из жизни академик А.Н. Веселовский, которого Бейлин считал своим учителем. Насколько были широки его связи, и как далеко они простирались за пределы Иркутска, можно судить по тому, что в 1911 году по его инициативе иркутская община поздравляла с 50-летним юбилеем научно-литературной деятельности ориенталиста Абрама Яковлевича Гаркави, также выходца из Новогрудка, как и Соломон Бейлин.

12 февраля 1908 года Бейлин в письме к Г.Н. Потанину сообщил о создании специальной комиссии, которая начала собирать материалы об иркутской еврейской общине, чтобы в будущем создать описание истории первых поселений евреев в городе. «У нас при Синагоге теперь составилась комиссия из 5 чел., которая собирает материалы для истории Иркутской еврейской общины. Пока собираем материалы по воспоминаниям старожилов, общественным и синагогальным протоколам, надписям на кладбищен. памятниках и т.д., – сообщал С. Бейлин. – Когда материал будет сгруппирован по отделам: история первого поселения в Ирк. и окрестностях, история возникновения общины, синагоги, кладбища, училища, богадельни, библиотеки и проч. благотворит. и просветит. учреждений, постараюсь по мере сил сделать извлечение из всего этого для Сиб... (неразб. – Авт.)».

Рабочая переписка раввина Бейлина

Конечно же, занятия фольклористикой, страстное увлечение иркутского казённого раввина, не мешало его основной, общественной, задаче. А работы у него было очень много. Насколько она была разнообразна, можно судить по метрическим книгам Иркутской синагоги, которые хранятся в ГАИО. Раввин вёл записи рождений, смертей, выдавал разрешение на бесплатные, за счёт общины, погребения, подтверждал факт родственных связей между родителями и детьми, если сами евреи не имели соответствующих бумаг. Он же представлял в суде по установлению родственных связей, приводил солдат-иудеев к присяге, помогал военным, заключённым.

Случаи, по которым обращались к раввину, были самыми разнообразными. «Г-н Раввин! Прошу вас вычеркнуть из метрических книг сына моего Самуила, высылаю вам копию с удостоверения о смерти...», – писал в 1912 году еврей-музыкант, иркутский мещанин Янкель Альперт, уехавший в Барнаул. Поскольку новорождённый Самуил был обрезан в 1894 году в Тюмени и записан в метрические книги Иркутской синагоги ещё раввином Доном Медведниковым, то и своё прошение отец слал именно в Иркутск. Как оказалось, трагедия произошла ещё в 1895 году, но отец в тот момент нужным образом не засвидетельствовал смерть, и Самуил много лет числился в метрических книгах Иркутской синагоги.

Евреи, отправленные в ссылку, часто не могли вписать в метрические книги своих детей, поскольку на месте ссылки не было казённого раввина. И тогда до-

казывать отцовство и материнство нужно было через Иркутский окружной суд. В бумагах иркутского раввина, хранящихся в ГАИО, таких решений суда – десятки. Например, в 1910 году суд рассматривал прошение Аврума Ламберта и его жены Хаи Ривы Ламберт о том, чтобы признать законнорождёнными их детей Рахиль-Лию, Эстер Малку, Иосифа и Давида. Иркутский раввин поднимал свои метрические книги и смотрел – есть ли запись о браке, совершённом по иудейскому обряду. Это свидетельство он предоставлял в суд. К документу прилагался опрос свидетелей по месту ссылки, что супруги жили по Моисееву закону, и у них родились дети. Только после этого суд признавал детей законными, и их вписывали в метрические книги по месту жительства. В документах раввина остались десятки посланий из Иркутского тюремного замка. Когда умирал заключённый-еврей, смотритель тюремного замка передавал тело раввину для погребения.

Были и очень трогательные письма. Мать 11-месячного больного мальчика Татьяна Борисовна Фельдман писала в 1911 году в Иркутск из Зимы: «Милостивый государь господин раввин! В прошлом году в январе месяце у меня родился сын, чрезвычайно мало жизнеспособный (едва 5 ф. весом), так что акушерка и врач, принимавшие его, возлагали очень мало надежд на него. Совершение обряда обрезания признано было слишком угрожающим для жизни малютки, и оно было до поры до времени отложено...». Мать, судя по всему, была ссыльной, поскольку она писала о том, что приехать сама не может, на любую отлучку она вы-

нуждена просить разрешения тюремного инспектора, который отвечал или через полгода, или не отвечал совсем. «У Вас в прошлом году наводили справки, возможно ли записать ребёнка, не совершившим обряда. И Вы утвердительно ответили. Сообщите, пожалуйста, как можно скорее, какие документы надо представить Вам, чтобы записать ребёнка не обрезанного», – писала мать. На все послания раввин исправно отвечал.

Печальна история заключённого Иркутской губернской тюрьмы Шнеера Гершевича Соколовского. Осуждён он был 22 сентября 1911 года по ст. 1647 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных за кражу со взломом и по ст. 1651 за кражу сундуков, чемоданов, тюков с почтовых повозок. Получил два года и девять месяцев. Когда Соколовский попал в тюремный замок, ему было 75 лет. Остаётся загадкой, что же такое мог взломать 75-летний старик. На Песах 1912 года раввин Бейлин побывал в камере для евреев Иркутского тюремного замка. Там он увидел больного Соколовского и обещал помочь ему. В чём заключалась просьба, документы умалчивают. Видимо, пожилой Соколовский надеялся на облегчение своей участи, может быть, помощь врача.

2 апреля в Иркутскую синагогу пришло письменное прошение от него: «В бытность Вашу во время еврейских праздников Пасхи в Иркутской тюрьме, в камере для евреев, Вы обещали мне поддержку со стороны еврейского благотворительного общества. Настоящим умоляю Вас, г-н Раввин, сделать зависящее от Вас и поддержать меня, больного 75-летнего старика. Наде-

юсь, моя просьба будет согласно Вашему обещанию удовлетворена». За неграмотного старика письмо писал другой арестант. Однако спустя пять дней несчастный Соколовский скончался, и тело его было передано в Иркутскую синагогу для погребения.

Значительно возросло количество забот у раввина с приближением праздника Песах. Ещё задолго до него к раввину шли многочисленные письма от заключённых, солдат, которые надеялись получить помощь к празднику от общины. Поскольку синагога, где служил казённый раввин, в те годы была единственной на огромный край, то просьбы шли и с Прибайкалья, и с Забайкалья. Вот так к раввину обращались каторжане в январе-феврале 1912 года (письмо было написано задолго до Пасхи с тем, чтобы оно успело дойти до Иркутска): «Милостивый Государь и духовный наш наставник! В Нерчинской каторге, в Казаковской тюрьме, нас, заключённых евреев, находится двадцать человек, которые обращаются к Вам, Милостивый Государь, с великой для каждого еврея просьбой: Не в далёком будущем наступит наш праздник Пасхи, а здесь, вблизи нас, совсем не замечается присутствия еврейского населения, хотя бы в лице (неразб. – *Авт.*) представителей, которые в великий наш праздник могли бы помочь нам исполнить правила нашего закона и не допустили бы, чтобы мы потребляли в пищу "хомец"...». Заключённые просили иркутского раввина помочь им справить праздник так, как полагается настоящему еврею. Писали и люди из Кадаинской каторжной тюрьмы Нерчинской каторги. «Просим Вас, Господин Раввин,

похлопотать перед еврейским Обществом помочь (не разб. – Авт.) исправить праздник Пасхи. В Кадаинской тюрьме находится евреев 24 ч., мужчин, женщин и детей. Надеемся, что не оставят нас без помощи, за что будем Бога молить за Вас, за всё Общество. Остаюсь с почтением к Вам Израиль Гингольт». «Обращаемся к вам как к Духовному Отцу, – писали в декабре 1911 года заключённые Мальцевской тюрьмы Нерчинского округа. – Так как настаёт у нас Великий праздник Пасхи, так как мы находимся в тюрьме 13 человек без никакой поддержки. Так покорнейше просим вас как Духовного Отца принять нашу просьбу ввиду того, что мы хотим исполнять свою Пасху, затем просим вас. Духовный Отец, извините нас, что мы посылаем доплатное письмо, потому что мы не имеем никаких средств».

Сам раввин ещё до начала Песаха писал собственные обращения и в Иркутский тюремный замок, и в Александровский централ... «Его Высокоблагородию начальнику Иркутского тюремного замка. Честь имею просить по случаю приближения Еврейской Пасхи (с 19 [апреля] вечера по 27 апреля включительно) не отказать прислать хозяйственному правлению Иркутского Еврейского Молитвенного Дома в возможной скорости полный список о числе лиц евреев, находящихся в замке и пересыльной тюрьме, желающих получить общественную пасхальную пищу». Списки готовились ещё в феврале, чтобы можно было заблаговременно приготовить пасхальное угощение. Интересно, что начальник тюрьмы довольно быстро, уже 26 февраля 1912 года, представил список из 54 человек – бро-

дьяг, пересыльных, заключённых замка. Вот несколько имён: Илья Гордон, Борис Гольдштейн, Роза Ровенская, Рахиль Левенсон, Иосиф Новомейский... Община заготовила на всех мацу, пасхальные угощения. По опыту, еду для заключённых готовили с запасом. На официальном списке Иркутского тюремного замка, содержащем всего 54 фамилии, рукою раввина Бейлина позже была сделана надпись: «Во 2-й день Пасхи лично арестанты заявили, что всего 72 челов.». В этот же год в Александровском центре нужно было поздравить более 80 человек.

А ведь были ещё и солдаты. Перед Песахом раввин писал прошения командиру 26, 27-го Сибирских стрелковых полков, 5-го Сибирского сапёрного батальона, 7-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, чтобы те предоставили списки солдат и офицеров-иудеев и сведения, где они будут столоваться во время праздника. Многие солдаты предпочитали быть отпущенными на праздник к родне, если таковая имелась в Иркутске. Часто в архивных списках встречаются пометки: «Будет отмечать Пасху у родных», «у дяди», «при еврейской семье». Последнее означало, что семья пригласила бедного солдата к себе, чтобы отметить праздник вместе. Солдату предоставлялось увольнение на праздник, и выдавались деньги, так называемые «кормовые», «на улучшение пищи в Пасху». К примеру, в 1912 году полковое начальство 26-го стрелкового полка выдало «приварочный оклад» по 40 копеек на каждого нижнего чина-иудея. Некоторые получали больше. Например, иудеям 7-й роты 26-го стрелкового

полка на Пасху выдали по 1 рублю и 40 копеек. Солдат, попадая в семью, получал готовый кошерный стол и мог, если хотел, частично возместить расходы хозяев. Если взять пасхальный список полка за 1912 год, то увидим – не менее трёх десятков солдат получили приглашения от иркутских еврейских семейств разделить с ними пасхальный обед. В архивах есть свидетельства самих семейств, которые принимали солдат: «Два солдата были у нас на Пасху 26-го полка 15-й роты. Кармель и Руссаков. Заплатили пять рублей», – отчитался Соломон Фаерштаг, что жил на Горной, в доме № 17. Однако многим солдатам было некуда пойти, и потому их радушно принимала за столом Иркутская синагога. Тогда полковое начальство перечисляло «кормовые» на счёт синагоги. А синагога, со своей стороны, выделяла собственные деньги, чтобы сделать хороший пасхальный обед и, если есть возможность, оставить солдатам «кормовые» деньги. В архивах сохранился благодарственный адрес иркутских евреев-солдат Иркутскому еврейскому обществу, датированный 29 марта 1912 года:

«Мы, евреи-солдаты, земно кланяемся Иркутскому Еврейскому обществу за Его заботы и хлопоты по устройству общей столовой в дни Великого Праздника Пасхи. Оторванные от родной семьи, в кругу чужих, далёких людей, с приближением Великого Праздника мы особенно больно чувствовали полное своё одиночество, свою полную оторванность от родного угла. В эти минуты уныния Общество и пришло нам на помощь, делаясь своим участием, трудом, своими средствами.

Из рассеянных по полкам одиноких солдат-людей усилиями Общества была создана, хотя и временно, дружная семья, связанная общей радостью наступления Великого Праздника. Горячие молитвы воссылаем мы Господу Богу – да ниспошлёт Он Благодать Свою на труды Общества и впредь даст развиваться доброму делу. Честь и Слава чуткому и отзывчивому Обществу! Честь и Слава добрым, сердечным людям!» Письмо подписали 160 солдат-евреев 27-го Сибирского стрелкового полка.

Раввин занимался и приведением солдат-иудеев к присяге. «Прошу сообщить, можете ли Вы прибыть во вверенный мне батальон 11-го сего апреля к 2 часам дня для привода к присяге молодых солдат. В утвердительном случае сообщите, куда и к какому времени выслать лошадей», – просил в апреле 1913 года командир 5-го Сибирского сапёрного полка.

В обязанность Иркутского раввина входила и вычитка избирательных списков на выборах гласных городской Думы. В 1913 году Иркутский городской голова направил официальное письмо Соломону Бейлину, в котором указывал: «Ввиду того что Городской Управой в настоящее время составляется список избирателей гласных Иркутской Городской Думы на 4-летие 1914 – 1917 гг. и принимая во внимание, что на основании ст. 24, примеч. 3, Городового Положения 1892 г. евреи не допускаются к участию в городских выборах, почтеннейше прошу Вас не отказать в своём содействии к проверке составленного Городской Управой чернового списка избирателей, с отметкой ошибочно внесён-

ных в него евреев-домовладельцев гор. Иркутска...». Авторитет иркутской общины был настолько высок, что к Соломону Бейлину обращались из других городов Сибири, чтобы перенять опыт ведения дел. В 1913 году из Омска пришло письмо от господина Гаклина, очевидно, одного из активистов местной общины (в письме не указывается его статус), в котором он просил иркутского раввина поделить опытом устройства еврейского кладбища, взимания платы за погребение. В архивах сохранился черновик ответа омичам, где Соломон Бейлин даёт необходимые разъяснения.

Иркутскому раввину писали письма со всей России и часто – из-за рубежа. В январе 1913 года в Иркутскую синагогу пришла весточка из Берна, что в Швейцарии. Уроженец Иркутска Моисей Борковский задумал жениться и обнаружил, что венчание невозможно. Старики-родители, жившие в Иркутске, на письма не отвечали. А ведь именно они должны были заявить, что не имеют возражений. Потому Борковский обратился к иркутскому раввину с покорнейшей просьбой всё-таки дать «свидетельство», разрешающее брак. В архиве хранится и такое забавное свидетельство: для того, чтобы крестьянка Томской губернии Шейна Мейсельман, дочка отставного николаевского солдата, могла вступить в брак в далёкой Вене, свои подписи под удостоверением «первого брака» у нотариуса поставили евреи, проживавшие в Иркутске.

Хаим Мойша Пинхасзон из Харбина писал раввину о своей судьбе: генерал-губернатор лишил его права проживания в Иркутске, и он вынужден был уехать с

маленьким детьми. «Живя в Иркутске, я держал у себя внушек Хаю и Риву Шмиль Аншеливы Барон, которые обе ходили учиться в Талмудторе и где находятся от них метрические свидетельства. Но уезжая из Иркутска, я не успел взять метрическое свидетельство для Ривы Барон, которую я взял с собою. Но теперь оказывается, что необходимо иметь для неё метрики, потому прибегаю с просьбой к вашей милости...». Из Качуги раввину писала молодая пара, собиравшаяся венчаться. Видимо, денег на поездку в Иркутск у них не было, и они просили Соломона Бейлина дать разрешение фельдшеру Локшину, который был знаком с иркутским раввином, совершить обряд венчания.

А вот из Томска пришло в 1913 году письмо от обиженной, брошенной женщины. Её муж, Александр Шпрах, сбежал из семьи пять лет назад, и супруга узнала, что живёт он в Иркутске, и даже принял православие. «Мне бы хотелось получить развод», – написала женщина. Такие просьбы были не единичны. В архивах сохранилось письмо от немировского раввина. «Обращаюсь к вам по делу сохранения нравственности, которое одинаково обязательно для нас, как все вообще служебные обязанности, – писал раввин. – Дело в следующем: в Иркутске проживает некий Шлема Иоселевич Лазебник 28 лет. Он оставил в Немирове жену Гитлю Вольховну, урождённую Синьхов, и уже несколько лет он не отзывается о своём существовании, она, молодая бедная женщина, здесь и не знает что делать. Ввиду сего прошу Вас, милостивый государь, призвать к себе упомянутого Шлема Лазебника и по возможно-

сти повлиять на него, чтобы он взял жену к себе как всякий честный человек, или если он никоим образом не согласится взять её к себе для совместного сожительства, то пусть он пришлёт ей установленный развод по еврейскому обряду». Бейла Ройтман из Житомира писала раввину в Иркутск, поскольку не знала, кого ещё найти в сибирском городе. Её сын, Лейба Ройтман, так и не получив права на временное проживание в Иркутске, оказался в Кузнецовской больнице, страдал психическим заболеванием. «Прошу Вас, милый человек, дайте совета хорошего», – просила женщина. Она умоляла раввина посоветовать ей еврея-иркутянина, который бы пусть даже за плату смог сходить к сыну в больницу, поговорить с ним, написать родным в Житомир. Под письмом стояла подпись: «Несчастливая Бейла Ройтман». На письме сохранилась пометка почерком раввина, что он ответил, подробностей нет, но ясно, что просьба не пропала в кипе канцелярских бумаг.

Иногда в письмах раввину открывались целые судьбы несчастных. В декабре 1913 года в Иркутскую синагогу прилетело письмо из Каркаралинска Семипалатинской области от Абрама Исаевича Дебогана. Сын николаевского солдата 1856 года набора, участник русско-японской войны, получивший боевое ранение, обращался к иркутскому раввину. «В городе Каркаралинске не имею возможности найти работы, переживаю нечто ужасное, – писал бывший солдат. – Продолжать так жить, как мне живётся в настоящее время, не хватает моих сил... В августе с/г я получил письмо из гор. Петропавловска, где находятся родственники моей жены,

в котором мне предлагается переехать на жительство в гор. Петропавловск, где я мог бы, безу-словно, заработать и иметь на пропитание моей семьи, которая состоит из жены и трёх детей». Абрам Дебоган получил отказ от омского генерал-губернатора в ответ на прошение о переезде в Петропавловск и хотел обратиться в Сенат. А поскольку рядом не было «сведущего лица», способного дать нужные указания, Дебоган написал иркутскому раввину «как к уважаемому еврейскому деятелю». Бывший солдат просил не только человеческого совета, но и профессионального, поскольку раввин был человеком учёным и сведущим: стоит ли обращаться в Сенат, в какой департамент, на какие законы ссылаться, каков размер гербового сбора. Самое трогательное, что письмо сопровождалось ещё одним прошением. За Абрама Дебогана просил Г.М. Гинцбург, аттестуя товарища, как «честного и трудолюбивого человека». «Вы, Соломон Хаимович, сотворите величайшее благо и дадите человеку необходимые наставления», – писал он. Гинцбург был сыном уроженца местечка Городец Рогачевского уезда Мордуха Гинцбурга и надеялся, что Соломон Бейлин, прослуживший много лет в Рогачеве, вспомнит отца, и не оставит вниманием просьбу сына. И раввин действительно ответил. Само письмо не сохранилось, но на полях послания Абрама Дебогана есть черновик, сделанный рукою Бейлина. Раввин даёт совет, как поступить человеку и куда обратиться.

Часто помощи раввина просили люди, которые едва освоили грамоту. Такое письмо иркутскому раввину пришло в феврале 1913 года из Тырети (орфография

сохранена): «Милыстивый гусударь гаспадинъ равинъ, будьте так добры и любезны не отказать моей прозьбы выдать мне метрической документъ, или либо какія нибудь бумаги, что я проживаю на станція тырэтъ балагансково уезда и могу быть приписан балагансково уезда (неразб.) волости. Виду этова я васъ прошу убедительно ниоткозвать мне, потому что мне нидоють проживать в моемъ округе, виду этова я надеюсь что ваша госпотствующая милость ни откажить менъ, потому что урядникъ ни любить евреевъ и он ни хотить потъ писатца. Потписываютьца Григорий... (неразб.) судить, Энохъ Эфроимовичъ Кренгаузъ». И на это письмо раввин исправно ответил.

В Иркутской синагоге бывали и необыкновенные встречи. Соломон Бейлин и не подозревал, кем в будущем станут младенцы, над которыми совершал он необходимые обряды. 22 ноября 1909 года в Иркутскую синагогу принесли мальчика. Он был обрезан Ш.Б. Башуком и наречён раввином Моисеем. Это был родившийся 9 ноября сын иркутского купца 2-й гильдии Сруля Шмулевича Миля и его первой жены Малки Хаимовны Миль, урождённой Шейнерман, будущий легендарный конструктор вертолётов Михаил Леонтьевич Миль. Запись о его обрезании и наречении Моисеем до сих пор хранится в Государственном архиве Иркутской области, в метрической книге Иркутской синагоги за 1909 год (Ф. 789. Оп. 1. Д. 70. Л. 60). Интересно, что в мае 1978 года копия этой записи была направлена в Москву в нотариальную контору Гагаринского района. Видимо, кто-то из потомков Миля решил

восстановить его родословную уже после его ухода из жизни. До сих пор в официальных биографиях авиаконструктора пишут, что его отец, Леонтий Самойлович Миль, был железнодорожным служащим, а мать, Мария Ефимовна – зубным врачом.

Довелось Соломону Бейлину провести и ещё один необычный обряд, на этот раз это было венчание. В самом обряде не было ничего удивительного, но жених был весьма необычной личностью. 27 июля 1916 года Бейлин провёл в Иркутской синагоге обряд обручения «Хупо» для 28-летней девицы-мещанки из местечка Райгород Гайсинского уезда Подольской губернии Ада-сы-Симы Боруховны Заславской и ссыльнопоселенца села Малышевского Балаганского уезда 32-летнего Давида Абрамовича Трилиссера. Это был брат знаменитого революционера Меера Абрамовича Трилиссера, имя которого до сих пор носит одна из улиц города. В Государственном архиве Иркутской области хранятся личные дела обоих братьев с пометой «ОЦ» – особо «ценные». Давид Трилиссер был членом Санкт-Петербургской организации РСДРП, осуждён на пятилетнюю каторгу за работу среди войск в Самаре в 1907 году и в Финляндии, где готовил восстание. Отбыв часть наказания в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, был направлен в 1911 году на поселение в Сибирь, в Иркутскую губернию, в село Мартыновское Киренского уезда. Его брат, Меер Трилиссер, также был членом РСДРП, точно также осуждён по делу Финляндской военной организации РСДРП(б), в 1909 году приговорён к пяти годам каторги, как и брат, был в Шлиссельбургской крепости.

В 1914 году, отбыв срок полностью, он тоже по этапу, в кандалах отправился в Иркутскую губернию. За несколько лет до этого их мать, Мина Трилиссер, написала письмо иркутскому тюремному инспектору с просьбой перевести Давида Трилиссера ближе к Иркутску, так как он был слаб здоровьем. Это подтвердил и врач. Так Давид Трилиссер в 1913 году попал в поселение Малышевское Балаганского уезда. Когда стало ясно, что Меер едет в Иркутскую губернию, Давид направил прошение иркутскому губернатору, чтобы тот поселил Меера в Малышевское. Так оба брата оказались вместе.

А уже в 1914 году, ссылаясь на необходимость поиска работы «в наиболее культурных и промышленных пунктах» губернии и консультаций у иркутских врачей по поводу хронического заболевания среднего уха, Давид ходатайствовал о беспрепятственном передвижении в Балаганском и Иркутском уездах и о возможности пребывать в Иркутске. В июне 1915 года Давид Трилиссер уже просил у иркутского губернатора разрешить проживание в Иркутске, поскольку ему предложили работу в транспортной конторе Фризера. Точно такое же прошение написал и Меер Трилиссер, и Фризер также готов был предоставить ему работу, если тот получит разрешение на жительство в Иркутске. Видимо, братьям в Иркутске всё же жить не разрешили, поскольку в этом же году Давид Трилиссер пытался устроиться в Баргузине у инженера Моисея Новомейского, но и там ему было отказано.

Но факт остаётся фактом – в 1916 году Давид венчался в Иркутской синагоге, и обряд провёл Соломон

Бейлин. Оставалось чуть более года до Октябрьской революции. Дальнейшая судьба братьев известна: в 1917 году Меер стал членом Центрального исполкома советов Сибири, управляющим делами Сибирского СНК, членом сибирской ЧК и членом Военно-революционного комитета Сибири и Забайкалья. Давид был членом иркутского Совета, уехал в Петроград, занимал различные должности в советских органах власти. Соломон Бейлин, когда-то венчавший каторжника Трилиссера, не мог и предполагать, где он увидит своего новобрачного в 1917 году.

Судьба семьи Соломона Бейлина после революции

После революции С.Х. Бейлин некоторое время продолжал служить раввином. Известно, что в феврале 1918 года он ещё совершал службы в Иркутской синагоге. 16(3) февраля 1918 года в синагоге было заупокойное моление по скончавшемуся в Лондоне доктору Членове – видном деятеле сионистов в России. «Перед молением были произнесены речи памяти покойного раввина С.Х. Бейлиным и Л.Г. Мелицевым» – сообщила местная газета (Сибирский край. 1918. № 3. 17(4) февраля).

Старший сын раввина, Малкиэль Соломонович Бейлин, до революции работал преподавателем, как и отец. В 1916 году был одним из руководителей иркутской детской площадки общества «Просвещение». В 1921 – 1926 годах – председатель Иркутской

губернской комиссии по делам несовершеннолетних, Комнеса (Власть труда. 1921. № 602. 18 ноября; 1923. № 129. 14 июня; 1926. № 18. 24 января). Занимался проблемами беспризорности, детской преступности. Вёл многочисленную общественную работу. В 1922 году – уполномоченный от губоно детского «Театра Тёти Лики», организатор экскурсий на Байкал. В 1924 году – член временного правления общества «Друзья детей» (Власть труда. 1924. № 237. 14 октября). В 1925 году был участником 2-го Всероссийского съезда социально-правовой охраны несовершеннолетних в детских домах. В 1930 году, согласно ежегодному «Справочнику по Иркутску и Иркутскому округу», являлся членом коллектива защитников при Иркутском окружном суде.

Однако в 1930 году Малкиэль Бейлин неожиданно покинул Иркутск. В «Восточно-Сибирской правде» 31 октября 1930 года появилось короткое объявление: «Не имея возможности лично проститься с друзьями за выездом на Урал, шлю всем привет. Малкиэль Бейлин, Свердловск, почтовый ящик № 25». Далее его следы затерялись.

Второй сын С.Х. Бейлина, Исаак Соломонович Бейлин, участвовал в Великой Отечественной войне. Он был призван в Красную Армию Советским РВК города Москвы в июне 1941 года. С 1941 по 1943 год воевал на Западном фронте, в 50-й армии, затем на 2-м Белорусском фронте. Награждён медалью «За оборону Москвы» (1944), орденом Красной Звезды (1945). Старшина Бейлин был бригадиром по ремонту танков

62-го отдельного танкоремонтного батальона. В апреле 1945 года его бригада выполнила план на 200%. «Товарищ Бейлин умело руководит работой своей бригады, благодаря ему она систематически перевыполняет задания командования. Является первоклассным танкистом-ремонтником, высокодисциплинированным и исполнительным. За отличные показатели неоднократно премировался», – значится в наградном листе, который находится в открытом доступе ОБД «Мемориал».

Судьбы дочерей немного проясняются, если обратиться к воспоминаниям физика, члена-корреспондента АН СССР Давида Абрамович Киржница, внука Соломона Бейлина, сына Любови Бейлин. Часть этих воспоминаний в своей книге «Сказки забытого раввина» цитирует Е. Берман. Давид Киржниц в интервью с Г. Гореликом, записанным в 1995 году, сообщил: «У матери было три сестры. Жили они в Иркутске. И дед мой, который прятал у себя беглых ссыльных, когда случилась революция, выдал своих троих дочерей за трёх прятавшихся у него одновременно ссыльных. Один был большевик, самый большой дурак, другой был бундовец, поумнее, – это мой отец. А третий, самый умный, – меньшевик, Юлий Станиславович Вайнберг. Когда он бежал с каторги, ему пришлось переплыть холодную Ангару. Он был здоровый, сильный человек, но через десять лет его хватил паралич, он лишился фактически ног, пролежал по существу всю жизнь. Поэтому его не трогали в 1937 году. Он был самый умный и самый просвещённый. Он работал переводчиком, и через его руки проходили какие-то иностранные газе-

ты. И я помню рефрен, буквально с моего десятилетнего возраста, когда за столом собиралась вся семья, он говорил: "Нами правит шайка бандитов, нами правит шайка бандитов"» (Давид Абрамович Киржниц: Беседа с Г. Гореликом 5 июля 1995 года дома у Д.А., под мучительный аккомпанемент его кашля. Текст авторизован в ноябре 1995 года (<http://ggorelik.narod.ru/OralHistory/Interviews/DAKirzhnits.htm>)).

Именно за Юлия Станиславовича Вайнберга вышла первая дочь Соломона Бейлина – Анна. Он был одним из активистов меньшевистского движения. К 1917 году ссыльный Вайнберг оказался в Иркутске, сбжав с каторги, вошёл в круг С.Х. Бейлина. В 1917 году печатался в газете «Единение». В частности, в № 135 за 12 ноября 1917 года была опубликована его статья «В Германии. Кризис социализма и социал-демократии». У них была дочь Ноэми Юльевна Ильина (Вайнберг).

В 1914 – 1915 годах 19-летняя Зинаида (Зельда) – вторая дочь Соломона Бейлина была библиотекарем библиотеки-читальни иркутского отделения Общества для распространения просвещения между евреями в России (согласно протоколам ОПЕ, хранящимся в ГАИО). А в 1926 году она числилась ординатором иркутской акушерской клиники на Подгорной, 38 (Спутник по городу Иркутску и Иркутской губернии за 1926 г.). Капитан же медицинской службы З.С. Бейлин прошла войну, служила в военно-санитарном поезде № 315. 24 декабря 1945 года она в числе десяти других медиков поезда была награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»

(Центральный архив Министерства обороны, данные базы «Подвиг народа»). Далее судьба её неизвестна.

Третья дочь Любовь (Либе) Соломоновна Бейлин, выпускница гимназии, поступила на исторический факультет Иркутского университета, однако не закончила обучение, сообщает в своей книге Е. Берман. Любовь вышла замуж за Абрама Давидовича Киржница, революционера-бундовца. Родилась дочь, затем была Гражданская война (Берман Е.А. Сказки забытого раввина. С. 23 – 24). «Во время колчаковщины вместе с дочерью и мужем она эмигрировала в Харбин, откуда семья собиралась уехать в Америку (были даже куплены шифскарты). Однако вместо этого все они вернулись в Иркутск, затем до 1924 года жили в Новониколаевске (Новосибирске) и потом окончательно осели в Москве», – рассказывал сын, Давид Киржниц (Интернат. Метлино. Война: Электронный вариант сборника воспоминаний (<http://berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer7/Merzon1.php>)).

Супруг Любви Бейлин, публицист, журналист, историк, библиограф Абрам Киржниц родился в 1888 году в Бобруйске Минской губернии. Был исключён из Белостокского коммерческого училища за революционную деятельность. Активный бундовец, с 1906 года печатался в русской прессе Минска, Гомеля, Бобруйска, еврейской периодике. В 1915 году был сослан в Сибирь за революционную деятельность. Согласно книге «Иркутская ссылка: сборник Иркутского землячества», Киржниц был одним из инициаторов создания и вошёл в бюро Иркутской бундовской группы, сформиро-

ванной в сентябре-октябре 1915 года (Иркутская ссылка: Сборник Иркутского землячества / Под редакцией и с предисловием В.В. Бустрема. 1934). Одной из задач этой группы было участие в подпольных социал-демократических группах для совместной революционной работы. Одновременно он завязал связи с иркутским еврейством, в частности – с семьёй раввина Соломона Бейлина. Уже в начале 1916 года руководство ОПЕ (Общество для распространения просвещения между евреями), в которое Киржниц вошёл, предложило ему стать библиотекарем еврейской публичной библиотеки-читальни при синагоге и провести каталогизацию книг на еврейском языке. Киржниц много выступал с лекциями, читал, например, лекции в Еврейском комитете помощи жертвам войны, в Обществе ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России. В январе 1918 года он участвовал от Бунда в больших митингах, требовавших созыва Всероссийского еврейского съезда. Стал активным членом реорганизованной Иркутской еврейской общины.

А.Д. Киржниц был причастен к работе в Иркутске Сибирской лиги еврейской культуры «Цукунфт», которая была создана Бундом в противовес Национальному совету общин. Рабочий клуб «Цукунфт» был создан в Иркутске 17 ноября 1918 года и размещался на углу Ямской и Ланинской, рядом с еврейским училищем. «Основанный в самом разгаре сибирской реакции, когда политические организации рабочих были загнаны в подполье, клуб «Цукунфт» во всё время колчаковщины был единственным боевым центром иркутских ев-

рейских пролетариев, вокруг которого группировались все живые и сознательные элементы их, откуда велась планомерная и систематическая борьба как с общеполитической реакцией, так и с национальной – с чёрно-голубым сионистски-буржуазным блоком», – писал А. Киржниц в газете «Власть труда» к двухлетнему юбилею клуба (Власть труда. 1920. № 306. 17 ноября). В декабре 1920 года Киржниц участвовал в создании Еврейского культурного совета «Цукунфта». Киржниц – автор книг «Ленин в Сибири», «У порога Китая», «В годы империалистической войны: Очерк рабочего движения в России», «Еврейский рабочий», «Еврейская пресса в Советском Союзе» и других. Киржниц был одним из руководителей Общества землеустройства еврейских трудящихся.

В 1924 году семья Любви и Абрама Киржниц переехала в Москву. Дочь раввина Бейлина занималась журналистской деятельностью, затем занимала должности культработника в различных медучреждениях. Абрам Киржниц работал в газете «Дер Эмес», трудился её корреспондентом в Биробиджане. В 1938 году был арестован, но реабилитирован. Умер в 1940 году в Москве вскоре после освобождения.

За несколько лет до войны Любовь Киржниц стала культработником в психиатрических больницах. «Эта работа была далеко не простой и требовала помимо чисто профессиональной, литературной, художественной, музыкальной и актёрской культуры, ещё и определённых психологических и медицинских знаний, интуиции и быстроты реакции, простого человеческо-

го мужества (работать приходилось и с буйными больными), – вспоминал сын. – Во время войны она работала медицинским статистиком и вела учёт всего, что относилось к раненым (так тогда называли раненых), в госпиталях – сначала в эвакогоспитале № 3881 в Нижнем Кыштыме, затем в эвакогоспитале № 3116 на озере Увильды» (<http://berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer7/Merzon1.php>). Любовь Киржниц ушла из жизни в 1977 году.

Судьба четвёртой дочери, Ципоры Бейлин, остаётся неизвестной. Сам Соломон Бейлин покинул Иркутск, очевидно, в конце 1920-х годов. Существует протокол собрания погребального братства от 2 декабря 1925 года, где Бейлин открыл собрание и попросил освободить его от работы в текущем году. Он, по-видимому, активно сотрудничал с YIVO, или Исследовательским институтом идиша, основанным в 1925 году в Вильно (с 1940 года институт работает в Нью-Йорке, США). Архивы Бейлина, как отмечает Е. Берман, хранятся там. Его собственная судьба пока неизвестна. Считается, что он вернулся в Иркутскую область и скончался в 1943 году. Однако в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) имеется документ: «Списки лиц, подлежащих суду Военной коллегией Верховного суда Союза ССР» от 15 сентября 1937 года. 103 человека в Белорусской ССР были осуждены, согласно этому списку к ВМН – расстрелу. Под номером 6 – Соломон Хаимович Бейлин. Возможно, это просто полный тёзка иркутского раввина, поскольку к 1937 году иркутский Бейлин должен был быть уже в очень

преклонном возрасте, чтобы попасть в расстрельные списки. Однако стоит учесть тот факт, что в этом списке есть видные представители интеллигенции, к коим Бейлин, безусловно, относился. Версия требует проверки.

Синагога в период расцвета

В 1901 году группа верующих евреев Иркутска подала прошение об открытии в городе второго молитвенного дома, поскольку в праздничные дни Иркутская синагога не вмещала всех желающих. Для молитв был нанят специальный дом, но он оказался маленьким, а когда была совершена попытка снять новый, власти заявили, что делать этого не надо, сославшись на отзыв хозяйственного правления Иркутской синагоги о том, что теснота наблюдалась только в праздники, всего 22 дня. К этому моменту в Иркутске было 144 дома евреев, а по Уставу духовных дел достаточно было 80 домов, чтобы иметь в городе синагогу. Число вдвое большее, казалось бы, позволяло претендовать на второй молитвенный дом. Однако иркутский губернатор И.П. Моллериус посчитал, что две синагоги для Иркутска – это слишком много, поскольку «коренных жителей Иркутска иудейского вероисповедания не столь значительное количество, чтобы встречалась необходимость иметь в округе кроме уже существующей молельни помещение для богослужения, большинство же евреев составляет временное его население и не может быть принято во внимание при рассмотрении вопроса

об устройстве настоящего помещения для молитвы» (Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири до 1917 г. 2003. С. 359).

Однако мест в Иркутской синагоге действительно не хватало. Если прочитать правила поведения в синагоге, утверждённые правлением в период служения раввином Павла Хоммера (1898 – 1901), то станет понятно: зачастую молитвенный дом не вмещал всех желающих. Согласно правилам, все прихожане должны были занимать отведённые им места, «отнюдь не занимая чужих и не толкаться посреди здания, загораживая другим дорогу». Запрещалось стоять на одном месте более чем одному лицу. Естественно, часть мест в синагоге выкупалась во временное пользование состоятельными евреями. Бедных же просили не занимать места в прихожих, раздевальнях и площадях, прилегающих к главному фасаду здания по Саломатовской улице. «Правление покорнейше просит маленьких детей держать при себе, чтобы они не производили шума, и в особенности, чтобы в женском отделении дети не перегибались через барьер, грудных же детей с собой не носить».

Был и ещё один пункт правил, связанный с особенностями молитвы евреев старшего поколения. «Во всё время пребывания в здании Молитвенного дома, все прихожане приглашаются соблюдать порядок и тишину как во время литургии, так и в остальное время, как приличествует в Божьем храме, – гласили правила. – Самые же молитвы произносить тихо, не кричать и не петь, что мешает сосредоточиться молящимся». Дело

в том, что многие евреи-старички были обучены в определённых случаях молиться вслух вместе с кантором и хором. Привычка эта выработалась с детства.

В Томской синагоге в 1902 году произошёл по-своему печальный случай с молением, удостоившийся описания в иркутской газете (Иркутские губернские ведомости. 1902. № 254. 14 ноября). Еврей-старичок Шапель во время богослужения запел вместе с кантором и хором. Трапезник попросил его перестать, но тот не слышал, не услышал он и старосту Иосифа Фуксмана. По приказанию старосты, в синагогу вошли двое городских и увели Шапеля. Его обвинили в буйстве и отправили в мировой суд. Как оказалось, старик с детства привык некоторые молитвы петь вместе с кантором. Фуксман же пояснил, что в старой синагоге Томска, где не было хора, все действительно молились вслух. А с постройкой новой синагоги были введены другие правила: когда поёт хор и кантор, прихожане молчат. В правилах, составленных раввином Томской синагоги, говорилось: «кто возвысит свой голос выше голоса кантора, тот – невежа и ханжа, и неверующий еврей». Правила эти, как и в Иркутской синагоге, были напечатаны и развешаны по стенам молитвенного дома. Надо сказать, что Шапель сумел-таки выиграть дело, да ещё и подал встречный иск, по итогам рассмотрения которого Фуксман был приговорён к пяти суткам тюрьмы за самоуправство. А иркутское же правление в правилах особо отметило: лучше соблюдать предписания, дабы не пришлось прибегать к репрессивным мерам.

Уже к 1912 году Иркутский еврейский молитвенный

дом собрал 12,7 тысячи рублей дохода. Более 7 тысяч рублей из этой суммы – это выкупленные состоятельными иркутскими евреями места в синагоге. Более 11,2 тысячи рублей молитвенным домом было потрачено. 481 рубль был отдан на пособия неимущим, 100 рублей традиционно – на пополнение синагогиальной библиотеки. Содержание общественного раввина обошлось в 2,4 тысячи рублей, 900 рублей в год получал секретарь-письмоводитель, 130 рублей – надзиратель синагоги, 600 рублей было выплачено временному кантору, более 3 тысяч отдали регенту и синагогиальному хору. На отопление синагоги ушло 457 с лишним рублей, освещение – 231 рубль, 490 рублей – на работу сторожей. 27,9 тысячи рублей собрали в 1912 году все остальные учреждения иркутской общины. 21,9 тысячи было потрачено. Прихожане синагоги собрали 2 тысячи рублей на пожертвования бедным еврейским семьям к празднику Песах. 158 бедных еврейских семейств, состоящих из 742 душ, получили к празднику мацу на сумму более 822 рублей. 472 рубля 36 копеек синагога раздала беднякам наличными. Помощь была оказана 150 солдатам, 107 заключённым Александровской каторжной и пересыльной тюрьмы, 72 заключённым иркутского тюремного замка и 55 старикам еврейской богадельни. «Ревизионная комиссия, проверившая отчёт, в докладе своём констатирует, что последний составлен правильно. И смета 1912 года по молитвенному дому выполнена с увеличением поступления на 1927 р. 42 к., благодаря чему удалось не только избежать ожидавшегося дефицита, но и закончить отчётный год

с увеличением остатка кассы на 1451 р. 76 к.». По смете на 1913 год, хозяйственное правление планировало собрать не менее 10,7 тысячи рублей, а израсходовать 11,4 тысячи. Для сравнения, смета десятилетней давности показала доход около 9 тысяч рублей.

В Иркутской синагоге, как и в любой другой синагоге мира, очень ценились канторы. В 1885 году Гдалиль Яковлевич Домбровский создал при синагоге хор певчих. Леон Абрамович Ротенберг управлял хором, был синагогиальным кантором с 1884 по 1906 год. Женат был на Сарре Фейги Гринберг, внучке знаменитого купца Якова Домбровского. В 1906 году семья эмигрировала в Америку, но в Иркутске Ротенберга помнили и чтили, когда в 1914 году из Нью-Йорка пришла весть о смерти Леона Ротенберга, в Иркутской синагоге была отслужена заупокойная молитва. Собрались все члены общины, раввинат и люди, когда-то работавшие вместе с Ротенбергом. Сам Ротенберг, будучи ещё кантором Иркутской синагоги, пел и в других городах Сибири.

Любили иркутские евреи принимать приезжающих канторов у себя. Примечательна заметка, найденная в газете «Сибирь» за 26 октября 1906 года. «В здешней синагоге будет молиться с хором приезжий кантор Ямпольский в пятницу 27 вечером (начало службы в 4 ч. 30 м.) и в субботу, 28 утром (начало 8 ч. 30 м.)».

В августе 1913 года хозяйственное правление синагоги поместило объявление в «Иркутских губернских ведомостях» о том, что приглашает «опытного хорального кантора с музыкальным образованием из среды сибирских евреев или лиц, имеющих право житель-

ства в Сибири». Это было связано с тем, что бывший кантор Иркутской синагоги Калманович скончался. В срок с 15 августа по 15 октября иркутский губернатор разрешил синагоге пригласить временно иногороднего кантора: приближались осенние праздники, а кантора не было. Насколько серьёзным было дело избрания кантора, свидетельствует один документ из переписки иркутского раввина Соломона Бейлина, датированный 26 ноября 1913 года. В Иркутск писал кантор из Харбина Самуил Пейсахович Клейман: «Многоуважаемый раввин Соломон Хаимович! Извиняюсь за беспокойстве, но время своё берёт. Вам известно, что правление приняло мою кандидатуру 1-й и до сих пор я не удостоен никаким ответом, что меня сильно беспокоит, конечно, если дело ещё должно терпеть известное время, я ничего не имею, но меня всячески интересует, работается ли в этой области и в каком положении оно находится, или совершенно выпущено из вида и заглохло, как Вам известно, я человек семейный и каждый семейный человек должен что-либо предпринимать и искать, а потому моя искреннейшая и глубокая просьба к Вам, добрейший Раввин, во имя человеколюбия не поставьте себе в труд сообщить мне, имею ли я право рассчитывать на когда-нибудь и ведутся ли хлопоты в мою пользу, за что премного буду Вам благодарен. С совершенным почтением и глубоким уважением кантор С.П. Клейман». В ответ Соломон Бейлин сообщил, что хозяйственное правление в настоящее время ни о ком не хлопочет, поскольку ведёт переписку с разными кандидатами и наводит о них справки.

Большинством голосов община решила, что ей необходим кантор с высшим специальным музыкальным образованием, и только после выбора нужного кандидата начнутся хлопоты перед начальством о канторе. Безусловно, Клейман стал хорошим кантором для Иркутской синагоги. Любовь к музыке в этой семье передавалась из поколения в поколение. Уже в советское время Самуил Клейман покинул Харбин, перебрался в Омск, его сын Давид Самуилович учился в Красноярске и организовал в лесотехническом институте большой джазовый оркестр. В 1937 году он был расстрелян. А тогда, в 1913 году, его отцу, кантору, не повезло с Иркутском. Община спустя несколько месяцев выбрала другого кандидата.

28 июня 1914 года в Иркутскую синагогу по приглашению общины прибыл новый кантор Н.А. Горелик. Горелик получил музыкальное образование в Милане, у одного из итальянских профессоров. До Иркутска в качестве кантора он служил в одной из хоральных синагог Одессы, затем 10 лет в Воронеже и наконец в одной из синагог Санкт-Петербурга. Помимо участия в богослужениях в Иркутской синагоге, Н.А. Горелик ежегодно планировал давать по два духовных концерта. Об этом 28 июня 1914 года также сообщала газета «Сибирь».

Еврейская общественность Иркутска была одной из самых образованных, потому иркутские евреи живо реагировали на приезд в город, например, театральных знаменитостей. В марте 1910 года в Иркутске, который никогда не славился антисемитскими настроениями, произошёл странный случай. В город с гастрольями

приехал известный артист Императорских театров, драматург Григорий Григорьевич Ге. Ставил он на сцене городского театра в числе прочих спектакль «Шейлок». Ге играл характерные роли, в том числе одной из его удач был образ еврея-ростовщика Шейлока из «Венецианского купца». Артист время от времени гастролировал в провинции с собственными постановками. И вот 7 марта господин Ге направил в газету «Сибирь» письмо, озаглавленное: «Ответ Г.Г. Ге авторам анонимного письма»: «Милостивый государь г-н редактор! Впервые за мою долголетнюю артистическую деятельность я, едва приехав в Иркутск, получил письмо такого ошеломляющего содержания, что вынужден ответить на него печатно, ибо письмо исходит "от публики" без подписей и без адреса. Мне грозят скандалом за то, что осмелился поставить на анонс Шейлока, пьесу, несимпатично рисующую известную национальность. И меня просят во избежание скандала снять пьесу с репертуара. Не выслушав артиста, не познакомившись с толкованием, которое он придаёт одному из гениальнейших произведений Шекспира, не обратив внимание – или даже не желая обратить внимание на то, что "в репертуаре этого артиста стоит "Сатана""", пьеса, рисующая идеального человека той же национальности, что в первом же спектакле, я, дебютируя и как актёр, и как автор, рисую гений той же национальности – меня грозят "встретить свистками и проводить свистками". Господа! Да неужели вы думаете, что мало-мальски уважающий себя артист, художник, музыкант, писатель смутится перед подобной угрозой и отступит от своих

прямых задач служить не лицам, не группам, не партиям – а единому всемогущему богу – богу искусства! Да если найдётся такой артист, то имя ему – раб! Я не политик. Я только артист, но склонять своё знамя в ту или другую сторону под гнётом страха, угроз и насилий – я не стану! Вы не знаете, кто я, вы меня ни разу не видели и не слышали, – что же даёт вам право заранее выносить мне ваш приговор? Пасквильянство на сцене постыдно, и постыдно артистам принимать в нём участие. Но паки и паки постыдно обвинять в пасквильянстве Шекспира! Это значит не знать его, не знать одного из прекраснейших перлов шекспировского гения – монолога "ужасного" Шейлока о том, что и жид, прежде всего, человек, не знать последнего акта – венецианского судилища – этой пародии на справедливость!» Выпад анонимов был очень странным, потому что в репертуаре Г. Ге были произведения, рисующие в лучшем свете евреев, например, пьеса «По заветам Торы», которая выпущена была во время еврейских погромов и осуждала человеконенавистничество. «Я играл эту вещь по всей России в самую тяжёлую эпоху нашего внутреннего брожения, играл её и в Одессе, несмотря на протесты "Союза русского народа", грозившего мне физическим возмездием...», – рассказывал господин Ге, лично пришедший в редакцию газеты «Восточная заря».

Образ Шейлока считается одним из самых многогранных в истории драматургии. В частности, Шейлок в пьесе произносит такой монолог: «Он меня опозорил... насмеялся над моими убытками, издевался

над моими барышами, поносил мой народ... А какая у него для этого была причина? То, что я еврей. Да разве у еврея нет глаз? Разве у еврея нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей?.. Если нас уколоть, разве у нас не идёт кровь?.. Если нас отравить, разве мы не умираем? А если нас оскорбляют, разве мы не должны мстить?» Господин Ге заявил, что выйдет на сцену, если даже он будет освистан. А в редакцию газеты «Сибирь» он прислал то самое анонимное письмо. Редакция назвала этот документ «печальным», поскольку авторы легко причислили великого Шекспира к антисемитам. А Иркутск показал, что здесь не хватает образовательных и просветительных учреждений.

С ответом от имени всех иркутских евреев выступил писатель И. Гольдберг. Под его письмом подписались многие иркутские евреи. Оно было не столь эмоциональным, как у Григория Ге, но ёмким, сдержанным и полным достоинства: «Выражая своё негодование против такого некультурного выступления, мы позволим себе, однако сомневаться в принадлежности протестантов к еврейской нации (хотя уважаемый артист, по-видимому, в этом не сомневается): подписаться словом "еврей" и быть им – далеко не одно и то же. Во всяком случае, мы, подписывающиеся под этим письмом евреи гор. Иркутска, заявляем, что: во-первых, не находим бессмертного произведения Шекспира антисемитским и, во-вторых, не считаем уважаемого артиста и писателя способным на какой-нибудь антисемитский выпад. Анонимные "евреи" показали

только, по-нашему мнению, весьма некрасивые уши, в чём, однако, благоразумно не расписались». Авторы готовы были, если это потребует, собрать подписи «всего грамотного еврейского населения Иркутска». Господин Ге заявил в ответном письме, что его прежнее разочарование иркутянами «совершенно затушено прекрасным письмом г-на Гольдберга». Более того, анонимы отправили Ге второе письмо, где взяли назад своё обещание устроить скандал актёру. Гастроли Ге прошли успешно, и «Шейлок» собрал полный зал.

Библиотека Иркутской синагоги

Знаменитая библиотека Иркутской синагоги, считающаяся одной из богатейших библиотек дореволюционного Иркутска, начала собираться в середине 1890-х годов. Её создателем был Иуда Леонтьевич (Лейбович) Нейман, владелец мыловаренного завода в Знаменском предместье, иркутский купец 2-й гильдии. Иуда Леонтьевич, по-видимому, был весьма образованным человеком, поскольку его статьи выходили в журнале «Еврейская старина». Например, во втором номере за 1915 год вышла его статья «О субботниках на Амуре», в третьем-четвёртом – «Как прикрепили сибирских евреев к местам приписки». Как указывают авторы книги «Евреи в Иркутске», основной целью создания библиотеки было «служить – особенно молодому поколению – для ознакомления с историей, бытом, духом и современным состоянием еврейского народа. А удачный подбор книг должен будить соответствующий

интерес в тех слоях иркутских евреев, которые всё более удаляются от еврейства вообще и своей общины в частности». Основное собрание библиотеки формировалось за счёт пожертвований как самими книгами, так и деньгами. «На комплектование фонда ежегодно ассигновалось 100 руб. от хозяйственного управления еврейской общины» (Полищук Ф.М. Библиотека Иркутской еврейской синагоги // Летопись Иркутской губернской библиотеки: Из воспоминаний Н.С. Романа. 1861 – 1931 гг. Иркутск, 2008).

В 1907 году правление молитвенного дома через газету «Сибирь» обратилось ко «всем тем, кому еврейская наука дорога». Синагога нуждалась в расширении своей библиотеки и в этом ей требовалась помощь. Правление попросило горожан прийти на помощь и приобрести или пожертвовать издания по юдаике и гебраике. В газете назывались конкретные сочинения, которые были нужны молитвенному дому. Это вся актуальная на тот момент периодика, занимавшаяся еврейским вопросом и издававшаяся в Одессе и Петербурге: журнал русских евреев «Рассвет» 1860 года, преемник «Рассвета» «Сион» 1861 года, «Вестник русских евреев» (1871 – 1873), русско-еврейская газета «День» (1869 – 1872). Особо в статье указывалось, что «День» – газета, в которой печатались статьи Ильи Григорьевича Оршанского, занимавшегося вопросами общественно-экономического статуса русских евреев, юридическими аспектами их положения в Российской империи. Газета была официальным органом Одесского отделения Общества распространения просвещения

между евреями в России, и в Иркутске хорошо знали редакторов – С.С. Орнштейна, И.Г. Орнштейна, косвенное указание на это есть в обращении молитвенного дома в газете «Сибирь». Интересно, что газета «День» в своё время была закрыта, так как активно выступала за гражданские права евреев и отреагировала на еврейские погромы. Сибирские евреи чувствовали связь с единоверцами запада России, и включение этих изданий в список синагогиальной библиотеки, конечно, было не случайным. Элита синагоги, просвещённые иудеи хотели восстановить всю историю борьбы за права евреев в периодической печати. Для комплектации библиотеки они просили у иркутских евреев выкупить или подарить синагоге комплект еженедельного еврейского журнала «Рассвет», издававшегося в 1879 – 1883 годах в Санкт-Петербурге, петербургского же «Русского еврея» (1879 – 1884), «Восхода» (1880 – 1887), приложения к «Восходу» – «Недельная хроника Восхода» (1881 – 1887, 1890 – 1891), издававшихся автором «Еврейской библиотеки», выпускником Виленского раввинского училища Адольфом Ефимовичем Ландау. Иркутская синагога выразила желание иметь в своей библиотеке и русско-еврейский журнал «Еврейские записки», выходивший в столице Лифляндской губернии Российской империи Риге. В синагоге были хорошо знакомы с деятельностью еврейского писателя и общественного раввина Арона-Элиягу (Арона Илия) Пумпянского, который был редактором этого журнала, автором исследования «Евреи в Лифляндской и Курляндской губерниях». Журнал издавался только один

год, и поэтому вызывает восхищение кругозор иркутского составителя списка, который, живя на окраине империи, был в курсе всех новинок еврейской периодики. Синагогиальная библиотека должна была пополниться и комплектами «Еврейского обозрения», и сборником «Западнорусец», изданным в 1881 году в Киеве Николаем Дмитриевичем Шигариным.

Составители библиотеки Иркутской синагоги просили жителей Иркутска подарить им или выкупить большой список сочинений на немецком языке. Синагоге были интересны сочинения еврейско-немецкого философа, переводчика библейских текстов Мозеса Медельсона, основателя европейского движения хаскала («еврейское просвещение»). Библиотека хотела иметь книги Леопольда (Иома Това Липмана) Цунца, знаменитого еврейского учёного XIX века, одного из основателей «науки о еврействе» («Wissenschaft des Judentums»). В Иркутской синагоге должны были появиться работы выдающегося учёного и проповедника Иехиеля Михаила Закса, арабиста, гербраиста Морица Штейншнейдера, который всю жизнь занимался еврейской библиографией, описанием еврейских рукописей в библиотеках Германии. Иркутские евреи надеялись пополнить свою библиотеку сочинениями немецкого филолога и философа Хеймана Штейнталя, ученика Вильгельма фон Гумбольдта, немецкого философа и психолога Морица Лазаруса, еврейского теолога, раввина, проповедника Авраама Гейгера, учёного-гебраиста Захарии Франкеля, учёного Шнеера Закса. Это был неполный список, полный, по-видимому, да-

рители могли получить непосредственно в Иркутской синагоге. Составитель списка надеялся, что у иркутян в личных библиотеках хранятся экземпляры научных немецко-еврейских журналов и газет, начиная с 1830-х годов XIX века. Или же состоятельные жители города помогут в закупке этих журналов. Энциклопедизм составителя списка, эрудиция, а также специфика интересов позволяют предположить, что списком занимался раввин Соломон Бейлин. Как указывает в своей работе «Библиотека Иркутской еврейской синагоги» Ф.М. Полищук, вместе с обращением к горожанам, правление Иркутской синагоги приобрело «значительное по тем временам количество литературы в книжных магазинах».

22 декабря 1913 года, выступая на организационном собрании ОПЕ (Общества просвещения между евреями в России), раввин С.Х. Бейлин остановился на том, что библиотека-читальня – важный фактор распространения просвещения в еврейской среде (Ф.М. Полищук, сообщая об этом, ссылается на – ГАИО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 7. Л. 32). К этому моменту в Иркутской синагоге было уже значительное книжное собрание, но иркутским евреям отказали в открытии библиотеки-читальни (ОПЕ с 1913 года уже пользовался книгохранилищем синагоги в читальном зале и библиотеке). В госархивах сохранился протокол заседания ОПЕ от 17 февраля 1914 года, из которого видно, что 30 января в Санкт-Петербургское ОПЕ было выслано письмо с исходатайствованием об открытии библиотеки-читальни и запрос в Томское отделение с просьбой рас-

сказать, как томичи открыли читальню у себя. 17 марта комитет ОПЕ постановил обратиться с прошением к губернатору о выдаче разрешительного свидетельства на открытие библиотеки-читальни. Ответственным лицом назначался П.Г. Шнейдерман. На августовском заседании общества С.Х. Бейлин сообщил, что разрешение об открытии библиотеки получено. В сентябре была избрана библиотечная комиссия, в которую вошли: Ю.Л. Помус, Ш.А. Брегель и Я.Д. Фризер. Комиссия обязана была следить за деятельностью библиотеки и имела возможность привлекать посторонних лиц, сведущих в библиотечном деле. Нанимался платный библиотекарь, которому назначалась плата сначала 15 рублей, потом 10 рублей. Сама библиотека должна была быть открыта три раза в неделю, читальня – каждый день. Плата за пользование книгами – 15 и 30 копеек в месяц.

Осенью библиотека была открыта. Всё имущество синагогиального книгохранилища, как пишет Ф.М. Полищук, было передано в библиотеку-читальню в пользование. Переговоры об этом с хозяйственным правлением синагоги провёл Я.Д. Фризер. Продолжительное время было неясно, где будет размещаться библиотека. Канцелярия раввина для этого не подходила. Рассматривалось помещение при еврейской богадельне. В итоге библиотека расположилась в самой синагоге. В ноябре 1914 года ОПЕ приняло решение пригласить сведущего человека для приведения библиотеки в порядок и назначения ему платы в 25 рублей. На заседании 17 ноября 1914 года член библиотечной комис-

сии Ш.А. Брегель сообщил, что с карточной системой устройство библиотеки обойдётся в 271 рубль 50 копеек, без неё – в 177 рублей 50 копеек. Комитет в итоге решил обойтись книжной системой, ассигновал на библиотеку 200 рублей. Ежегодно хозяйственное правление и погребальное братство выделяли по 100 рублей. В качестве платной библиотекари была приглашена Зинаида (Зина) Соломоновна Бейлин, проработавшая около года, ей на замену была приглашена госпожа Гамза, трудившаяся до весны 1916 года.

«К началу 1914 г. фонд библиотеки состоял из 4000 томов книг на сумму 6300 руб. и 46 свитков Сейфер-Торы на 6155 руб., – пишет Ф.М. Полищук. – Основой библиотеки была беллетристика на русском и разговорно-еврейском (иначе – жаргон. – Ф.П.) языках». По протоколам ОПЕ, в сентябре русский отдел библиотеки был полностью готов, а формирование еврейского – заканчивалось.

Нит Романов в своей летописи указал: «В конце 1915 года открыта библиотека-читальня Иркутского отделения общества распространения просвещения между евреями в России. Изданий на русском языке 2,5 тыс., на древнееврейском 1,5 тыс., на разговорном еврейском 500 книг».

На заседании ОПЕ 11 февраля 1916 года на замену госпоже Гамза, исполнявшей всё это время обязанности библиотекаря, была предложена кандидатура А.Д. Киржница. Абрам (Авром) Киржниц – известная персона в среде евреев-бундовцев, публицист, журналист, библиограф. В Иркутск был сослан. Он составил

полный каталог еврейских книг для библиотеки. А уже после революции, в 1919 году, вошёл в состав Сибирского библиотечного общества (Полищук Ф.М. История Иркутской областной библиотеки. Ч. 2: Октябрь 1917 – 1961 / Ред.: Л.В. Войлошникова и др. – М., 2006). Сфера интересов А.Д. Киржница касалась истории еврейских библиотек. В марте 1919 года он выступил на СБО с лекцией, где рассказал об истории еврейских библиотек на западе России, многие из которых ввиду стеснённого существования народа, работали долгое время нелегально. Широкое обследование еврейских библиотек, произведённое в 1908 году, выявило 300 легальных и более тысячи нелегальных еврейских библиотек. Виленские библиотекари издавали «Ежегодник еврейских библиотек», «Виленский библиотечкарь» (Мысль. 1919. № 17. 9 марта). Одной из лучших была библиотека в Бобруйске, откуда был родом сам Абрам Киржниц. Как сообщает Российская еврейская энциклопедия, перед Первой мировой войной Киржниц редактировал первое пособие на идише по библиотечковедению, поэтому он многое мог дать Иркутской синагоге в плане исследования и описания фондов на иврите и идише.

В марте 1916 года временной руководительницей библиотеки стала Г.Н. Дистлер. В библиотечной комиссии состояли: З.И. Помус, Я.Л. Кац, Н.А. Горелик, господин Герш, сотрудниками были Ерманок, Э.И. Гаськина, С.Г. Левенберг, С.А. Голлендер, В.А. Кукс, А.И. Бутлицкая, господа Гуревич, П.Н. Пешковский, студент Кантин. По инициативе раввина Бейлина было ассигновано 100

рублей на устройство книжного шкафа имени супругов Помус.

Книги в библиотеке располагались в 12 шкафах в систематическом порядке, пишет Ф.М. Полищук. Рукописный систематический каталог состоял из шести тетрадей. Постоянных читателей было не более 300 человек. К Октябрьскому перевороту в фонде библиотеки было 5080 томов (4541 название). В конце 1918 года библиотека подверглась первой реквизиции, была изъята 771 книга, ещё одна реквизиция проходила в начале 1920-х годов. Сейчас отдельные издания из этой библиотеки-читальни хранятся в Белом доме, библиотеке имени Молчанова-Сибирского. В «Молчановке», например, есть экземпляры таких книг: С.А. Бершадский «Русско-еврейские архивы и материалы для истории евреев» (1882), С.М. Дубнов «Всеобщая история евреев» (1901 – 1906), журналы «Восход», «Еврейская жизнь», «Еврейская старина». В отделе историко-культурного наследия хранится экземпляр Талмуда (Санкт-Петербург, 1904). Эта книга принадлежала Исаю Файнбергу, на ней есть надпись: «Принесена в дар Иркутской синагоге И.М. Файнбергом, 31 декабря 1904 г.». Книга эта была изъята в 1935 году из библиотеки Иркутского еврейского молитвенного дома.

Перед революцией

Как известно, на 1914 год духовным раввином Иркутской синагоги был Ицхок Нотель Б. Машевицкий, общественным раввином – Соломон Хаимович Бейлин. Резаком и оператором был Ш.Б. Башук, регентом синагогиального хора – М.И. Лифшиц, надзирателем – Ицхак Бродоцкий. Должность председателя хозяйственного правления занимал Я.Д. Фризер, казначеем значился З.И. Помус, члены правления: С.И. Белицкий, М.И. Авданович, Г.М. Калугский, М.М. Цукасов, секретарь – А.Б. Бак.

В 1915 году должность духовного раввина, после смерти Ицхока Нотеля Б. Машевицкого, была вакантной. Общественным раввином оставался Соломон Бейлин. В синагоге было два резака и оператора. На помощь Ш.Б. Башуку пришёл А.Л. Цейтлин. По-прежнему управлял хором М.И. Лифшиц, а надзирателем был всё тот же И. Бродоцкий. В хозяйственном правлении М.М. Цукасова сменил И.Б. Ерманович, секретаря А.Б. Бака заменил А.Я. Горнштейн, один из авторов знаменитой книги «Евреи в Иркутске». Известен список правления погребального братства 1915 года. Этими работами занимались Е.М. Брамзон, Л.Е. Кофман и С.И. Белицкий.

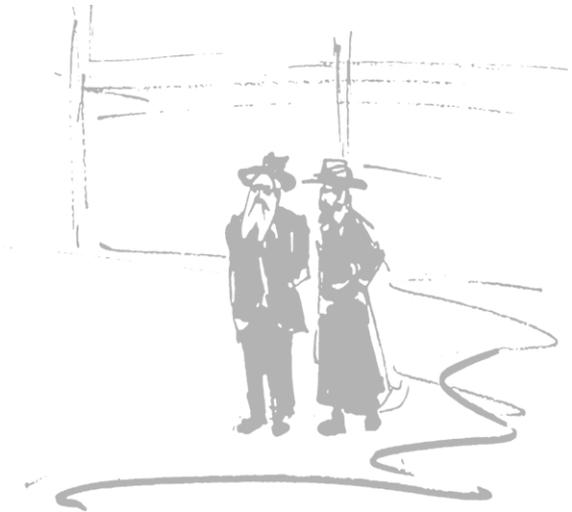
...Духовным раввином и шойхетом Иркутской синагоги до 1918 года был Натан (Нота) Олевский (1871 – 1966, Москва). Поскольку ещё в 1915 году, как свидетельствуют официальные документы, в синагоге место духовного раввина оставалось вакантным, можно говорить, что Олевский пробыл в этой должности около 3 – 4 лет. Сведений о нём очень мало, однако по

информации, хранящейся в ГАИО, был он рождён не в 1871, а в 1873 году, имел полное имя Нота Срулевич Олевский, появился на свет в местечке Словечны Волынской губернии (ГАИО. Ф. Р-504. Оп.5. Д. 58). После революции, когда институт раввинов был упразднён, на 1923 – 1925 годы Олевский исполнял обязанности резника, проработал в Иркутске до 1932 года. Позже уехал в Москву, трудился в синагоге в Марьиной Роще. До революции и после в Иркутской синагоге много работал шамес и надзиратель Ицхак Цви Иосифов Бродоцкий. Именно он много лет занимался выпуском Иркутского календаря и оставил после себя обширную переписку с различными иешивами мира, включая иерусалимские иешивы, варшавские, Любавичей, Одессы, Лидского ешибота и другими. «Настоящую переписку за номером 26 передаю в распоряжение архива Иркутской синагоги, где она должна содержаться в полной сохранности под замком в "Хедер-Шейни" и ждать грядущего исследователя нашей истории в Сибири, наравне с остальными документами, собранными мною в течение моей жизни и выдаче на дом никоим образом не подлежать», – написал он на папке с документами, которая ныне хранится в Государственном архиве Иркутской области. Революцию иркутские евреи встретили, будучи сильной и богатой общиной...

Часть II

ИСТОРИЯ
ИРКУТСКОЙ СИНАГОГИ
с 1917 по 1940 год

Святотатство в синагоге

В конце июля 1917 года иркутская организация Бунда с согласия томской, омской, харбинской и маньчжурской организаций начала собирать в Иркутске конференцию всех групп Бунда в Сибири. В числе прочих вопросов, которые предстояло обсудить на конференции, был и вопрос реорганизации еврейской общины (Голос социал-демократа. 1917. № 25. 23 июля). Об этом «бундовцы» в противовес Комитету еврейских общественных организаций начали говорить ещё в июне 1917 года, требуя реорганизации общины до осени. Опасения их оказались не напрасными. Времена становились всё тревожнее.

Осенью 1917 года в Иркутской синагоге было совершено святотатство. На город надвигался голод, народ был взволнован из-за нестабильности, была высока вероятность начала погромов. 16 – 17 ноября в Совет депутатов пришли толпы взволнованного народа, которые были уверены, что где-то в городе скрыты запасы продовольствия. На продовольственных складах, в учреждениях, в частных домах начались полулегальные обыски, власти спешно организовывали бригады для обыска, чтобы предотвратить разворачивание стихийных погромов. И вот в один из таких дней во время обысков толпа и солдаты пришли в синагогу. Было сделано то, чего делать ни в коем случае нельзя –

вскрыт шкаф со свитками Священной Торы. 17 ноября к представителю синагоги явилась группа солдат, около 20 человек, «с большим числом женщин» и заявили о своём желании осмотреть синагогу. Затем куда-то скрылись. 18 ноября вечером в синагогу прибыл помощник комиссара милиции Юхновский и заявил о том, что синагогу нужно осмотреть. По его словам, сделано это было с целью предотвращения эксцессов со стороны прибывшей с ним толпы народа. В это время в синагоге шло богослужение и были молящиеся. Здание наполнили вооружённые солдаты. «Увидя стенные шкафы, Юхновский полюбопытствовал, что в них находится, – приводила слова одного из гласных Думы Иркутска газета "Единение" 1917 года. – Представитель синагоги ответил, что там лежат предметы богослужения. Когда шкафы были открыты, то Юхновский там увидел пузырь вина. На вопрос, зачем здесь хранится вино, представитель синагоги сообщил, что виноградное вино употребляется при богослужении. При открытии шкафа, где оказалось вино, кто-то из вошедших в храм для обыска крикнул: "Ага, здесь есть выпивка!"».

Как оказалось, во время обыска в доме Пешковского кто-то сообщил Юхновскому, что в синагоге «попрятаны товары». Тогда часть отряда без ведома Юхновского направилась в синагогу. Юхновский пришёл следом, чтобы предотвратить форменный погром. Когда толпа явилась к воротам синагоги, то там проехала телега с тюками, что дало повод толпе закричать, что в синагоге скрыты товары. Однако никаких товаров в синагоге так и не нашли.

Святотатство так возмутило иркутских евреев, что дело синагоги рассматривалось на заседании Думы Иркутска, и представитель сионистов Кац заявил: «Этот обыск был направлен исключительно против еврейства. В стенах синагоги даже при царском режиме не было таких возмутительных, надругательных обысков. Это оскорбление всему еврейскому народу. Здесь поруганная честь еврейского народа». Городской голова Н.А. Чичинадзе также подтвердил: «...Окраска всего этого движения носила погромный и антисемитический характер. Я сам был в толпе, и каждое пятое слово из слышанных мной было: "жид", "жидовский комитет". Нет сомнения, что здесь антисемитизм самого зоологического типа». В итоге депутаты приняли резолюцию: «Дума протестует против кощунства производящихся обысков в синагоге и считает, что организации, допустившие такое кощунство, покрыли себя самым тяжким позором». Поскольку милиция на инцидент не отреагировала, прокурору Иркутского окружного суда было поручено лично произвести расследование о том, имел ли место отмеченный прессою случай обыска в еврейской синагоге, и если имел, то кем именно и при каких обстоятельствах этот обыск был произведён. 19 ноября 1917 года на объединённом заседании Совета рабочих и солдатских депутатов в электротeatре «Глобус» некто Ковнер от имени Бунда высказал публичный протест против инцидента в синагоге. Было обсуждение, и в результате Совет вынес по синагоге особую резолюцию.

События 1918 года, организация антибольшеви-

ского подполья, постепенно нарастающее недовольство советской властью – всё это заставило иркутскую еврейскую общину уйти в тень. Нет сомнений, что часть членов общины участвовала в подполье. Показательно, как летописец Нит Романов зафиксировал настроения значительной части жителей Иркутска после падения большевистского режима в городе: «Радость наполняет сердца. Завтрашний Петров день будет для иркутян днём отдыха от прожитых треволнений за время большевизма и комиссарства». После ухода большевиков иркутская еврейская община открыто поддержала Временное сибирское правительство, тем самым показав свою антибольшевистскую позицию. Резолюция была опубликована в начале августа в газете «Сибирь». «На последнем заседании Совета иркутской еврейской общины была принята следующая резолюция по текущему моменту: Приветствуя Врем. Сибир. Правительство, освободившее Сибирь от большевистского гнёта, Совет Иркутской Еврейской Общины, избранный еврейским населением г. Иркутска на основе всеобщего прямого равного и тайного избирательного права, выражает твёрдую уверенность, что Правительство автономной Сибири, избранное Сибирской областной Думой, опираясь на все живые силы страны, восстановит все попраные большевиками политические и гражданские свободы, обеспечит полную свободу национального самоопределения на основе национально-персональной автономии всех народов, населяющих Сибирь, и приведёт Сибирь к Всесибирскому Учредительному Собранию. Совет Иркутской

Еврейской Общины твёрдо верит, что призывы Врем. Сибир. Правительства о восстановлении правопорядка и истинного народовластия найдут горячий отклик и всемерную поддержку среди всего еврейского населения г. Иркутска». При этом сионистская фракция общины вместе с «Цеирей Цион» («Молодёжь Сиона») внесла поправку о согласованной работе Временного правительства с Сибирской областной Думой, но поправка была отклонена 12 голосами против 10. Отдельно выступили и представители социалистического блока общины И. Розенгарт, Г. Кофф, Грохер, которые воздержались от голосования, поскольку не прошло их предложение отложить обсуждение (Сибирь. 1918. № 21. 7 августа; № 25. 11 августа).

Должность казённого раввина с введением в стране органов ЗАГСа была упразднена, как и хозяйственное правление. Вместо этого был организован Совет иркутской еврейской общины 1-го созыва от внепартийных избирателей. Бывший раввин С.Х. Бейлин вошёл в состав Совета (Берман Е.А. Сказки забытого раввина. С. 21). В газетных архивах остался протокол заседания Совета еврейской общины Иркутска от 4 сентября 1918 года. Согласно ему, после реорганизации при общинной управе состояли: культурно-просветительский отдел, социально-экономический отдел, ведающий делами внешкольного образования, самопомощи трудящихся, переселения и эмиграции, содействия Палестинской эмиграции. Был сформирован отдел по религиозным делам, который заведовал вопросами культа, при нём же состояло погребальное братство.

При общине были ещё и финансово-хозяйственный отдел, отдел здравоохранения, общественного призрения и отдел статистики и метрикации (Дело. 1918. № 28. 8 сентября). Он же на заседании 4 сентября выступил с предложением разработать инструкции по реорганизации других общин губернии и разослать нуждающимся, поскольку в Иркутскую синагогу поступают обращения. В эти дни синагога активно занималась вопросами реорганизации детского приюта, помощи беженцам и эмигрирующим. В составе группы, занимавшейся вопросами общинной жизни и комиссии по беженцам, были Г.М. Кофф, М.И. Дубников, Г.М. Розенгарт, Л.С. Цыбин. В синагоге продолжались службы. Например, в сентябре 1918 года было принято решение обратиться к евреям с амвона в праздничные дни с призывом «усиленно жертвовать на дело помощи беженцам и эмигрантам» (Там же).

В октябре 1918 года иркутская еврейская община, несмотря на нестабильное положение в городе, даже сумела немного увеличить ставки служащим. Раввин получил 750 рублей (ранее получал 500 рублей), регенту – 500 против 400 рублей, смотрителю синагоги – 500 рублей против 300 рублей, с предоставлением квартиры с отоплением и освещением. Плата первого резака повысилась с 300 до 450 рублей, второго – с 250 до 400 рублей (Дело. 1918. № 64. 29 октября).

В Совете общины в это трудное время происходили бурные дискуссии. На заседании 12 декабря 1918 года было предложено отпраздновать годовщину декларации о Палестине (Декларация Бальфура 1917

года, а именно письмо министра иностранных дел Великобритании лорду Уолтеру Ротшильду, в котором министр заявил: «Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели»). В синагоге планировалось торжественное богослужение по поводу годовщины, а в городском театре – торжественное собрание-концерт с участием симфонического оркестра. Однако социальная фракция общины выступила против проведения празднования, от её лица выступал А.Д. Киржниц (Наше дело. 1918. № 15. 14 декабря).

Суммы, которыми оперировали иркутские евреи в тот момент, были впечатляющими. Газета «Наше дело» писала, что президиум 3-го Всесибирского сионистского съезда получил пожертвование в 100 тысяч рублей от неизвестного лица в пользу Еврейского национального фонда. Деятельность Совета еврейской общины в эти непростые годы была очень активной. К примеру, 13 марта 1919 года Совет вместе с другими еврейскими общественными организациями провёл митинг протеста против еврейских погромов в Польше и Галиции.

Четыре иркутских синагоги

К началу 1920-х годов, как вспоминал иркутский старожил Исая Гухман, в Иркутске было четыре синагоги. Синагога на Саломатовской улице именовалась и в раз-

говорах горожан, и в официальной прессе «Большой», или «Главной» синагогой Иркутска. Исая Гухман хорошо запомнил своё 13-летие. Как раз в праздник Сукос ему доверили читать молитву – мафтир – в Главной синагоге Иркутска. А ещё трёх юношей раввин отправил в другие молельни города. Одного – в одноэтажное здание синагоги на улице Большой Блиновской, 4, второго – в синагогу, которая находилась между улицами Горная и Софьи Перовской. Там, как вспоминал Исая Гухман, в двухэтажном доме жил сам ребе с семьёй, а на втором этаже была небольшая синагога. Ещё один Еврейский молитвенный дом располагался на 1-й Красноармейской улице, в доме № 20. По воспоминаниям Исая Гухмана, эта синагога была при богадельне для немощных пожилых евреев.

Второй по величине синагогой Иркутска была синагога на улице Партизанской, или Большой Блиновской, располагавшаяся в доме № 4. Официально она именовалась «Синагога Хевро Эйн Иаков» (Хевро Аин-Иаков). Как и в Большой иркутской синагоге, здесь шли богослужения, отмечались все праздники, проходили крупные события. 24 апреля 1920 года «Власть труда» сообщила, что в здании синагоги по Большой Блиновской комиссия по еврейскому народному образованию организовывала митинг: «Проблемы еврейской трудовой школы». В декабре 1922 года, как сообщала всё та же газета, в синагоге происходило зажжение ханукальных свечей. В архивах ГАИО сохранился устав этой синагоги, согласно которому членами Хевро Эйн Иаков могли стать только мужчины старше 18 лет. Всё содержание

общины осуществлялось только за счёт добровольных пожертвований. Основной задачей верующие считали ежедневное вечернее преподавание «агады» из книг Айн-Яков. Делал это специально нанятый учёный еврей. В субботы и праздники прихожане изучали текущую главу Торы и устные проповеди «со значением праздников». Проповедовалась дружба между членами общины, помощь заболевшим, обязательное поминовение усопших. «Фамилии, имена и отчества, а также число и месяц умерших членов должны записываться в особую книгу пинкус, для того чтобы в день "ерцант" по ним читался эйл-моле рахмим», – гласил устав.

В синагоге на Большой Блиновской был и свой хор под управлением Самуила Исаевича Сарно. Газета «Мысль» сообщала в 1919 году, что еврейский хор, существовавший до революции, вновь воссоздан господином Сарно. Хор исполнял разные требы: пел на похоронах, свадьбах, панихидах, различных праздниках. «Хор доступен всему еврейскому населению, для бедных по усмотрению заведующего погребальным братством хор совершает требы бесплатно», – сообщал Сарно в газете «Наше дело» 9 сентября 1919 года. Хор ездил и по уезду. К 1927 году С.И. Сарно в газетах упоминался уже как «артист хора гортеатра». У него было несколько детей – Абрам Сарно, Донат Сарно, Лев Сарно, похоронены все они на Ново-Ленинском еврейском кладбище.

Согласно архивным данным, синагога на Большой Блиновской работала до 1929 года. Есть сведения, что ещё в 1924 году в ней ежедневно молились три раза в

день: утром с 7 до 8 часов, после обеда с 4 до 5 часов и от 6 до 7 часов вечера (ГАИО. Ф. р-727. Оп. 1. Д. 36). В фондах ГАИО сохранилось удостоверение, выданное губернским административным отделом правлению синагоги, разрешающее проведение общего собрания верующих 13 января 1924 года. 20 января этого же года группа верующих при синагоге была официально зарегистрирована в губадмотделе. В правление синагоги в 1924 году входили: Я.М. Окунев, слесарь 47 лет, 55-летний М.И. Ицкович, занимавшийся мелкой торговлей, его коллеги по торговым делам Н.Я. Герц 69 лет и Х.Л. Залкинд 62 лет. 45-летний жестянщик А.И. Гнечудский, занимавшийся столярным делом М.М. Пизов и Ш.В. Липшиц, портной 62 лет. Я.М. Окунев был председателем общины.

В 1929 году председателем общины стал Ш.Д. Городинский, членами правления: Лейб Хацкелевич Борщевский, Юда Гаврилович Гинзбург, Хаимбер Лейзерович Залкинд, Хаим Матвеевич Окунев, Берка Ицкович Цамок, Иосиф Песахович Калманович, Гедалий Григорьевич Кельман. Выяснить число прихожан не удалось. Здесь интересен Гедалий Кельман. Прихожанин Евгений Соломон передал в Иркутскую синагогу книгу воспоминаний М.И. Фришера, в которой рассказывается о братьях Гедалии Григорьевиче и Борисе Григорьевиче Кельманах. Дед Михаила Ильича Фришера, Борис Кельман, ходил в Иркутскую синагогу и соблюдал все еврейские праздники и обычаи. «В Пасху (Песах) или другой какой праздник он надевал свой коричневый костюм и непременно с жилетом, белую сорочку и в

сопровождении своего зятя (моего отца), прихватив меня, шёл в синагогу. Мне помнится, что тогда в Иркутске все называли синагогу Шулом. Я не знаю почему, но это было так. Можно, конечно, предположить, что название произошло от немецкого "Шуле" (школа). Это лишь моё предположение. В Шуле мы шли всегда пешком и возвращались тоже пешком. Под мышкой дед и папа несли в бархатных чехлах свои Талесы и молитвенники. В Шуле занимали всегда место в самом углу зала, за стареньким роялем. Дед считал, что место это самое удобное: было куда положить не только чехлы от Талеса, но можно было не держать всё время молитвенник в руках, положив тяжёлую книгу на рояль. Мне очень нравились все ритуалы духовной службы, особенно когда пел кантор. Домой возвращались всегда очень усталыми и голодными». Уже после войны, в 1947 году, в числе прихожан возрождённой Иркутской синагоги встречается имя Хаи Исаевны Фришер. «В Иркутске бабушка была уважаема многими, с кем ей приходилось сталкиваться, – вспоминал Михаил Фришер. – Регулярно посещая синагогу, она стала членом группы "Хевре Кадыше" (похоронной команды), а вскоре стала возглавлять её». Работала она в этой должности вплоть до отъезда в Москву. (М.И. Фришер. Воспоминания последнего из семьи Фришер // Живая история родов и семей иркутской еврейской диаспоры конца XIX – XX века. Москва, 2009. С. 19, 25 – 26).

В 1929 году синагога в доме на Б. Блиновской прекратила своё существование, но община ещё жила. Судя по документам, представленным общиной в Ир-

кутский городской административный отдел 4 марта 1929 года, молитвенный дом переехал на верхний этаж Главной иркутской синагоги. Председатель общины Ш.Д. Городинский сообщал, что всё имущество (б13 богослужебных предметов, мебель, книги) также было перевезено в Главную синагогу, «на верхний этаж», где верующие исчезнувшей синагоги получили право осуществлять собственное богослужение. Согласно описи, хранящейся в ГАИО, в Главную синагогу из закрытого молитвенного дома попали 15 свитков Торы. Каждый из них принадлежал конкретному человеку. Среди владельцев были: Елена Борик, семья Злотниковых, Гершенель Ицкович Ходос, Борис Исакович Цамок, Израиль Тенненбаум, Иосиф Калманович. Были свои владельцы и у скамеек, и шкафов для свитков Торы, и у остального имущества закрытой синагоги. К примеру, «Менейро ханукальная» принадлежала Мееру Абрамовичу Гоню, серебряная дощечка с надписью 10 заповедей с серебряной же цепочкой – Иосифу Когану, хупа для венчания – Соломону Литвину, разного вида порейхес (парохеты) – Школьникову, Кельман, Цалюку и другим. Свои книги для синагоги предоставили евреи Федерман, Ходос, Левин, Калманович, Городинский, Липшиц, Шапиро.

Архивы позволили прояснить судьбу ещё одной синагоги, которая находилась по той же, Большой Блиновской улице, но в доме № 25. Очевидно, именно о ней говорил старожил Иркутска Исай Гухман, когда рассказывал о двухэтажном доме «между Горной и Софьи Перовской», где на первом этаже жил ребе, а

на втором была небольшая синагога. По документам Иркутского окружного административного отдела, хранящимся в ГАИО, в 1923 году это религиозное учреждение именовалось Иркутским еврейским ремесленным молитвенным домом. Членом общины этой синагоги, как гласил устав, мог стать любой гражданин, который принадлежит к иудейской вере. В синагоге проводились молитвенные собрания, община имела право управлять культовым имуществом, а её члены – участвовать в съездах религиозных обществ. Как и другие синагоги, ремесленная жила только за счёт добровольных пожертвований. В 1926 году председателем общины был Соломон Абрамович Арбитман, кустарь-шапочник. В правление входили кустарь-шапочник Натан Григорьевич Бронер, кустарь-кожевник Моисей Лазаревич Грасс, извозчик Борис Ветрак, торговец Давид Моисеевич Коплик, мясник Иосиф Лерер, служащий Исай Ильич Коропов. В ревизионной комиссии работали Яков Исаевич Рейхбаум и Иосиф Михайлович Коган. Весной 1926 года в ремесленной синагоге было 65 прихожан. В основном это были безработные, кустари, чернорабочие, сапожники, маляры, извозчики, слесари, торговцы мясом.

Синагога была закрыта 7 декабря 1928 года решением президиума Иркутского окрисполкома. «Предложить окрадмотделу расторгнуть договор с Общиной верующих на аренду строения, находящегося в г. Иркутске по Б. Блиновской ул., № 25», – гласило решение. 12 января 1929 года вышло постановление начальника Иркутского окружного административного отдела Ша-

рашина, который расторг договор с общиной. Всё имущество синагоги было разделено на две части. Имущество, обозначенное литерой «А», так называемого «обиходного характера», было передано госфондам иркутского окрфинотдела. Имущество под литерой «Б» дозволено было забрать желающим верующим того же культа. Группа верующих евреев при синагоге просила отдать культовые вещи им в пользование. Сам молитвенный дом отошёл горкоммунотделу. Освящённое имущество было вывезено в Главную синагогу. Интересно, что в «обиходные вещи», которые не отдали верующим, наряду со столами, стульями и ящиками, попал, например, ханукальный подсвечник, иные серебряные подсвечники и бокальчики. И 488 молитвенных книг. В Главную синагогу удалось вывезти пять свитков Торы, четыре свитка «Мигило», один свиток «Мафтир», шкаф для хранения свитков Торы, стол для них, шесть костяных рогов шейфор, три парохета, ска-терти и другое культовое имущество.

Главная иркутская синагога 1920 – 1934 годы

Главная, или Большая синагога Иркутска прожила дольше остальных. 20 мая 1920 года граждане-евреи Иркутска заключили договор № 6 с отделом юстиции Иркутского губревкома, в лице его полномочного представителя службы особых поручений А. Свекриса. Договор гласил, что они приняли от иркутского Совета рабочих и крестьянских депутатов в бессрочное

бесплатное пользование двухэтажный дом синагоги и флигель во дворе по улице Саломатовской, № 19. Кроме того, были переданы два домика на кладбище, с богослужебными предметами по особой заверенной описи. Граждане обязывались хранить вверенное им имущество и пользоваться исключительно по назначению. По договору право пользоваться синагогой и её имуществом предоставлялось всем единоверцам в религиозных целях. В синагоге не допускалось проводить политических собраний, «враждебного Советской власти направления», произносить проповеди и речи против Советов, созывать народ посредством набатных тревог, чтобы «возбудить» его против действующей власти. Религиозные евреи, подписавшиеся под договором, обязаны были подчиняться всем распоряжениям местного Совета рабочих и крестьянских депутатов.

Оплата содержания дома синагоги, флигеля, домиков на кладбище, ремонт, отопление, долги, налоги, местные обложения – всё это ложилось на плечи самой общины. Она была обязана вести инвентарную опись всего богослужебного имущества. И беспрепятственно допускать в небогослужебное время к осмотру имущества уполномоченных Совета рабочих и крестьянских депутатов. Если бы имущество было утеряно или испорчено, община отвечала материально. За ней оставалась обязанность за плату осуществлять религиозные обряды для единоверцев. Если же указанные в договоре пункты не исполнялись, то подписавшие несли уголовную ответственность «по всей строгости революционных законов». «Никто из нас и все мы вместе не имеем

права отказать кому бы то ни было из граждан, принадлежащих к нашему вероисповеданию и не опороченных по суду, подписать позднее сего числа настоящий договор, принимать участие в управлении упомянутым в сём договоре имуществом на общих основаниях со всеми подписавшимися», – гласил договор.

14 июня договор был подписан избранным правлением Еврейского молитвенного дома. Иркутская синагога стала объектом пристального внимания, как и другие религиозные учреждения, после выхода декрета СНК от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и декрета ВЦИК от 16 (23 февраля) 1922 года об изъятии церковных ценностей. 28 февраля 1922 года в газете «Власть труда» было опубликовано обращение помощника начальника политуправления Восточно-Сибирского военного округа Сергея Кожевникова к Епископу Иркутскому. Кожевников требовал добровольно передать властям церковные ценности в пользу голодающих Поволжья. Изъятие ценностей предполагалось у всех конфессий и во всех храмах: православных, мусульманских, иудейских. 16 марта губернская комиссия по изъятию церковных ценностей опубликовала в газете «Власть труда» план «разрешения вопроса по изъятию церковных ценностей». Первыми 18 марта должны были открыть свои двери для членов комиссии Кафедральный собор и Иркутская еврейская синагога, далее – остальные храмы, день за днём. В еврейской синагоге по итогу изъяти 23 предмета весом 13 фунтов и 57 золотников серебра (около 6 кг). Ещё 9 фунтов и 81 золотник (око-

ло 4 кг) весили культовые предметы. По описи, сохранившейся в ГАИО, мы можем узнать, какие вещи были изъяты: это две короны, три скрижали, три медальона с цепочками, один указатель праздников, четыре подсвечника и две ручки-указки. Их синагога не могла отдать. Евреи взамен собирали серебро общей массой 14 фунтов 73 золотника и 48 долей (около 6,5 кг), однако эти с трудом сохранённые предметы неизвестные украли из синагоги 22 августа 1923 года.

Вывоз ценностей – половина беды. Иркутской синагоге угрожало полное закрытие. Она едва избежала участи, которая постигла другие религиозные учреждения СССР, когда в 1923 году их начали закрывать из-за ненадлежащего оформления документации о регистрации. 16 августа 1923 года вышло секретное циркулярное письмо ЦК РКП (б) «Об отношении к религиозным организациям». ЦК принято постановление о запрещении закрытия церквей, молитвенных помещений и синагог «по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации». Иркутская община оказалась передовой и сумела юридически оформить своё существование за два месяца до этого.

7 мая 1923 года иркутской еврейской общине было выдано удостоверение о её регистрации как религиозной группы в Иркутском губернском отделе управления. Согласно «Учётному листу» всех приходов и культов Иркутской губернии площадь синагоги Иркутска, располагавшейся на Карла Либкнехта (Саломатовской), № 19 была 250 квадратных сажений. Рядом стоял деревянный флигелёк 11 квадратных сажений.

В синагоге на момент составления анкетного листка совершались ежедневные богослужения, утром и вечером. При этом особо указывалось, что служители культа зданием синагоги в личных целях не пользовались. Здание и флигель были застрахованы в 1923 году и оценивались в 423 тысячи 279 рублей 55 копеек. Синагогиальное имущество застраховано не было, однако обязательная его опись имелась. Исполняющим должность духовного раввина Иркутской синагоги был в 1923 году Нота Срулевич Олевский, он же в анкетном листке указан как «резчик мяса». Резаком был Шлем Борухов Башук. Оба они, как указывалось в листке, служили в данных должностях ранее.

10 августа 1923 года в Иркутском губернском отделе управления был зарегистрирован Устав Иркутской еврейской общины, который ныне хранится в Государственном архиве Иркутской области. «Иркутская еврейская община имеет целью объединение граждан иудейского исповедания в районе города Иркутска с предместьями», – гласил Устав. Община должна была предоставлять возможность верующим евреям соблюдать и выполнять обряды своей веры. Она имела право устраивать молитвенные собрания, приглашать и назначать духовных лиц для выполнения религиозных обрядов и совершения богослужения. Ей предоставлялось право участвовать в съездах религиозных обществ, она «доставляла возможность исполнять кошер (кошерное мясо) со всеми относящимися к сему обряду требованиями». Община обязана была позаботиться об устройстве по правилам еврейской веры

«миквы». Актив синагоги снабжал «бедный люд из своих единоверцев на Пасхальную неделю мацой и другими продуктами питания согласно правил веры». При общине существовало добровольное братство под названием «Хевро-Кадидш», которое занималось исполнением религиозных обрядов, связанных с погребением евреев. Однако и само здание и его имущество управлялось общиной на основании договора с органами власти. Дозволялось заключать сделки частного характера, связанные с управлением культовым имуществом.

Согласно Уставу, членом общины мог стать любой совершеннолетний иудей, вне зависимости от пола. Достаточно было написать заявление, или устно объявить о желании стать членом общины, и твоя кандидатура выносилась на голосование. Если простое большинство было «за», ты становился членом общины. Выйти из общины можно было, написав заявление. Однако если еврей опорочил общину, или на него заведено уголовное дело, то его исключали. Для этого нужно было две трети голосов членов общины. Община существовала на добровольные пожертвования.

Раз в год проводилось общее собрание, на котором избирались члены правления и ревизионная комиссия простым большинством. Полномочия избранных длились только 12 месяцев. Возможен был и экстренный внеочередной созыв, если этого требовало правление или не менее 50% членов общины. В правлении избирался Председатель, его Товарищ, Казначей, Заведующий хозяйством и Секретарь. Правление имело право

пригласить платного Секретаря, не из членов правления. Кроме того, правление имело представителя в правительственных и судебных учреждениях, защищая свои интересы. Это мог быть как член правления, так и приглашённый человек.

«Всеми денежными суммами Общины заведывает Казначей, который несёт ответственность за все поступившие к нему капиталы, следит за своевременной записью и за правильностью отчётности и расходует суммы согласно постановлений и указаний Правления», – гласил Устав. В общине был свой заведующий хозяйством, который следил за исправностью и сохранностью имущества, ремонтом, чистотой в помещениях. Книги и денежная отчётность велись в общине по правилам бухгалтерии. Правление обязано было публиковать отчёт о своей деятельности за год в одной из официальных газет Иркутской губернии.

«Для отправления богослужения, равно для производства проповедей и речей касательно дел Общины с амвона, допускается не иначе как только с разрешения Правления или дежурного его Члена», – гласил Устав. Община прекращала своё существование, если в её составе было менее 50 человек, если две трети её членов проголосовали за ликвидацию и в случае, если такое решение примет Иркутский губернский отдел управления. В этом случае предписывалось правлению, любому её члену или секретарю в трёхдневный срок в присутствии властей составить опись имущества и передать список в Собес. Если община закрывалась по своему решению, то на ту же процедуру давали два месяца.

В списке членов правления иркутской еврейской общины на 1923 год значились: 60-летний Моисей Минеевич Цукасов (без определённых занятий), 48-летний служащий Григорий Борисович Ерманович, парикмахер Соломон (Шлем) Леонтьевич Гутман 52 лет, 69-летний Илья Григорьевич Шапкайц, 59-летний член трудовой артели Абрам Соломонович Гляттер, 48-летний служащий Миней Исаевич Дубников, торгующие братья Абрам и Семён Дороны, их коллега, торговец Моисей Аронович Ров. В ревизионной комиссии состояли бухгалтеры Рувим Исакович Хальфин, Абрам Лазаревич Розенцвейг и служащий Леонтий Самойлович Миль, отец знаменитого конструктора.

На 1924 – 1925 годы в Совет уполномоченных Иркутской еврейской общины входили: Илья Григорьевич Шапкайц, Хаим Самойлович Красных, Иосиф Абрамович Котел, Григорий Маркович Вильнер, Иосиф Абрамович Бронштейн, Матвей Яковлевич Нахманович, Эфроим Исаевич Гиечутский, Миней Лазаревич Розенцвейг. Нота Срулевич Олевский исполнял обязанности старшего резника, а Хаим Яковлевич Плоткин – младшего резника.

1 апреля 1925 года президиум Иргубисполкома постановил изъять всё имущество, находившееся в распоряжении Иркутской еврейской общины и добровольного братства «Хевро-Кадаш». Всё, что принадлежало иркутским евреям, объявлялось народным достоянием, и заведовать этим теперь предстояло отделу местного хозяйства (ОМХ). При этом богослужбное имущество «вероисповедального характера» предла-

галось передать в бесплатное пользование общины на основании договора. А вот то имущество, которое было отнесено «не к богослужбному», могло быть использовано для похорон и погребения евреев только при передаче его в аренду частному похоронному бюро.

15 Кислова 5686 года (2 декабря 1925 года) состоялось собрание погребального братства при иркутской еврейской общине. Председателем погребального братства был избран Ерманович, секретарём Беглинг. С 1 декабря 1924 года по 1 декабря 1925 года братство получило 2719 рублей 16 копеек. Расход составил 2667 рублей 27 копеек, остаток – 51 рубль 89 копеек. Член комитета Красных сообщил, что 5 июля 1925 года иркутские евреи праздновали 25-летний юбилей нового кладбища. 20 лет назад был организован комитет погребального братства. С 1922 года была отмечена уменьшающаяся смертность евреев Иркутска.

Иркутянин Исай Моисеевич Гухман, родившийся в 1912 году в Киренске и приехавший в Иркутск в начале 1920-х годов, вспоминал в интервью Е.Ш. Соломону о том, какой была Иркутская синагога в первые десятилетия XX века (Е. Соломон. Беседа с Исаем Моисеевичем Гухманом // Живая история десяти семей и родов Иркутской еврейской диаспоры. Выпуск пятый. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008). По бокам второго этажа синагоги были ложи, мужчины сидели внизу, а женщины – на втором этаже, вспоминал Исай Моисеевич. «Народу масса была в те годы, особенно в большие праздники... Места обычно продавались. Были канторы очень хорошие. Был в 1924 – 1925 году очень хороший кантор, вы-

сокий мужчина, интересный, с красивой бородкой. Он артист, голос прекрасный. И был хор мальчиков: подпевали ему. Я в этом хоре участвовал».

Как вспоминал старейшина иркутской еврейской общины Григорий Борухович Трубников, в общине и в послереволюционное время была развита традиция благотворительности. «Государство никогда ни копейки денег на религиозную общину не давало. Никогда, – рассказывал он в интервью Е. Соломону. – Всё было на благотворительности тех евреев... не только коммерсантов, но кустарей. Каждый приходил и бросал пятак. А ведь приходило не десять человек, как сейчас, а приходили сотни. Так сотни пятачков – это уже деньги» (Е. Соломон. Беседа с Григорием Боруховичем Трубниковым // Живая история десяти семей и родов Иркутской еврейской диаспоры. Выпуск пятый. – Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2008. С. 129 – 156).

Община обычно собирала средства и на похороны единоверцев. Извещал о смерти какого-нибудь еврея синагогиальный шамес. Он обходил прихожан с кружкой, и каждый что-то бросал в неё. «Тогда-то хоронить было очень сложное дело, – рассказывал Григорий Борухович. – Прежде всего, почему? Когда человек умер, он дома находился. Дома. Его мыть надо было. Женщины из двадцатки ходили, мыли. Помыли его, допустим, и в гроб? Нет, гробов не было. У нас в синагоге был сарай. В сарае стояла пролётка, стояли сани. Всё чёрное. Амуниция чёрная была. А лошади Ветрака, такой известный в городе Ветрак был, постоянный гробовщик, постоянно возил мёртвых на кладбище... Не

только евреев. Он на весь город был. Помню, низенький такой. Он лошадей запрягал, он же был извозчик. Он брал сани или пролётку. Одевал лошадей в чёрные попоны, сам одевал чёрную попону. Гроб был чёрный. Коляска вся чёрная. И умершего в доме брали, вытаскивали из материала, обычно простыни, на которой он лежал в тахрихиме (белое похоронное одеяние. – *Авт.*), и клали в гроб. У нас по традиции полагается, что представитель общины обязательно должен сопровождать процессию на кладбище...». При въезде на кладбище гроб ставили на специальный постамент. «Когда приезжали туда, совершали литургию,минальную молитву, эль мале рахамим, которую читают на кладбище. Дома эль мале рахамим читать запрещено категорически. В любом доме, любом. Разрешается читать только в синагоге и на кладбище. Больше читать нигде нельзя... Причём везли мёртвого закрытым покрывалом чёрным, заявляя таким образом, что мёртвый – это не кукла, что его обзреть [не] надо...».

Стоит пролистать хранящуюся в ГАИО опись имущества погребального братства 1920-х годов, переданного Похоронному бюро ОМХ. Евреи, как и было сказано выше, теперь пользовались имуществом на правах аренды. На новоеврейском кладбище имелся рессорный пароконный крытый катафалк на резиновых шинах, покрытый суконными портьерами, ещё один катафалк на железных шинах с «малыми портьерами». Был и третий, открытый одноконный катафалк на железных шинах. Кроме упряжи, как и рассказывал Григорий Борухович Трубников, в числе погребального

имущества имелись зимние и летние чёрные суконные попоны для лошадей. Вознице и сопровождающим работникам полагались чёрные халаты из сукна, чёрные кучерские шляпы, ермолки. В числе имущества был и стол для обмывания покойного, и другие необходимые обрядовые вещи. Погребальному братству принадлежали две картины, по-видимому, висевшие в домике на кладбище – портрет Герзони (по-видимому, Леонтия Герзони, создателя кладбища), карты «Миз-рах» и «Ламнацейах», шкаф «Боломет» (сохранена орфография источника – ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 57. Л. 3об.).

На староеврейском кладбище хранились многочисленные столы для обмывания, большие суконные покрывала для покойников, полотенца, холщовые фартуки, необходимый для обмывания инвентарь, пятисвечники.

К 1929 году ситуация с религиозными общинами в стране начала ухудшаться. В феврале 1929 года вышло письмо ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды», которое запустило процесс уничтожения религиозных объединений.

24 мая 1931 года в Иркутской синагоге состоялось эпохальное собрание верующих евреев, которое определило судьбу молельного дома. Собрание открыл председатель правления синагоги Стратиевский, председательствовал М.Л. Винар, секретарём выступил С.М. Тейман. От М.Л. Винара иркутские верующие евреи услышали ожидаемую, но всё равно ошеломившую их весть. Горсовет предложил общине передать ему здание синагоги. Власти к этому решению шли

давно.

Как сообщает А. Гаращенко в своей статье «Иркутская синагога. История (1878 – 1940)» (http://irkipedia.ru/content/irkutskaya_sinagoga_istoriya_1878_1940), с 1929 года, а может быть и ранее, общественные организации и государственные учреждения поднимали вопрос о закрытии синагоги. Обращения были в горком ВКП (б) и горсовет. 7 февраля 1930 года рабочие и служащие Кожзавода № 3 и избиратели участка № 50 в Маратовском клубе во время слушаний отчёта горсовета заявили, что требуют закрытия синагоги и передачи её «под интернациональный клуб». Об этом писала «Восточно-Сибирская правда» за 9 февраля 1930 года. Тем более что по области и в целом в стране прецеденты уже были. В июле 1929 года, к примеру, прекратила своё существование еврейская синагога в Знаменке Жигаловского района, здание было передано под врачебный пункт, в Чите в здании бывшей синагоги тоже уже планировали другое учреждение. К Иркутской синагоге власти начали подбираться со стороны погребального братства. 15 октября 1930 года Президиум крайисполкома принял решение о ликвидации еврейского погребального дома. Но вскоре пришло время и самой синагоги. На первом этапе власти не ликвидировали общину, а просто изъяли здание молельного дома.

А. Гаращенко так описывает события, предшествовавшие изъятию здания: «Горсовет решил получить от общины не просто здание синагоги, а вновь отремонтированное здание. С этой целью ещё в феврале 1931 г.

был произведён технический осмотр состояния помещения и составлен акт, по которому общине было настоятельно предложено произвести следующий ремонт: на первом этаже выровнять балки и частично перестелить полы, на втором этаже в женской раздевальне отремонтировать 2 голландские печи, выровнять балки, покрасить полы во всём здании, заменить водосточные трубы, покрасить крышу, капитально отремонтировать деревянные и каменные стойки ворот, заделать трещины в стене с западной стороны здания. В последующем был произведён ещё ряд технических осмотров, при которых отмечалось, что верующие ничего не делают для ремонта, и необходимо расторгнуть договор о бессрочном пользовании помещением через суд». Однако 24 мая 1931 года состоялось историческое собрание.

Присутствовавший на собрании иркутских евреев инспектор горсовета Росовецкий письменно подтвердил, что взамен синагоги община получит другое здание по улице 1-й Красноармейской, № 20. В документах ГАИО сохранился протокол собрания: «Обсудив всесторонне предложение Горсовета, хотя и трудно нам расстаться с этой святыней, которая так дорога нашему сердцу, которую нам оставили наши предки, всё же решили и постановили пойти навстречу Горсовету и передать Синагогу при условии: предложенное помещение Еврейской Общине, просить Горсовет разрешить осмотреть его, какое потребует переоборудование и для этого отпустить необходимые материалы за наш счёт», – гласило решение общины. Весь инвентарь,

находившийся в синагоге, община попросила выдать верующим, чтобы перенести в новое здание. Переговоры с горсоветом о судьбе синагоги вели Ф.Л. Стратиевский, И.Г. Шапкайц и Х.С. Красных. После того как помещение на Красноармейской было бы полностью переоборудовано под молитвенный дом, и перевезён весь инвентарь, историческая синагога должна была быть освобождена. Это было очень грустной вестью. Однако передача здания горсовету затянулась больше чем на год. А способствовало тому одно событие, которое вселило в иркутских евреев надежду.

10 июля 1931 года община получила радостную весть. Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов постановил отменить решение Восточно-Сибирского крайисполкома от 15 октября 1930 года о ликвидации погребального дома. «Дом оставить в пользовании верующих», – гласила выписка из протокола ВЦИК, направленная в прокуратуру республики, председателю Восточно-Сибирского крайисполкома по поручению и.о. секретаря ВЦИК Новикова. Это, по-видимому, давало призрачную надежду, что и здание синагоги можно будет отстоять и оставить за собой.

Но в мае 1932 года эта надежда рухнула. 4 мая вышло постановление Восточно-Сибирского краевого исполкома (ВСКИК) о закрытии синагоги, а 1 июля 1932 года и ВЦИК утвердил это решение. Эти документы, хранящиеся в ГАИО, впервые были обнаружены исследователями Л.В. Курасом и И.С. Цыремпиловой, которые в 2001 году в сборнике «Еврейские общины Си-

бири и Дальнего Востока...» опубликовали статью «К вопросу о закрытии Иркутской синагоги в 1932 г.». Иркутские евреи пытались отстоять синагогу. Правление общины 2, 12, 14 и 25 сентября 1932 года разослало письма во ВЦИК, ЦИК СССР и прокурору республики. Руководитель общины И.М. Коган просил пересмотра дела о закрытии синагоги, ссылаясь на то, что были нарушены статьи 37 и 38 постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года. Верующие евреи не были оповещены о закрытии синагоги за две недели. Узнали они о том, что ВЦИК принял решение о ликвидации молитвенного дома только 1 сентября 1932 года, через три месяца после подписания постановления. Коган привёл выдержку из интервью бывшего председателя Совнаркома А.И. Рыкова директору Американского телеграфного агентства Кину, в котором Рыков заявляет, что закрытие в СССР религиозных учреждений происходит только тогда, когда их численность превышает потребности верующих. В случае с Иркутской синагогой это было не так – на тот момент она фактически оставалась единственной на территории всего Восточно-Сибирского края, поскольку и в самом Иркутске, и в других городах и поселениях молельные дома были уже закрыты. В жалобе И.М. Когана особо подчёркивалось, что историческое здание не может быть заменено другим помещением, поскольку синагога специально устроена исключительно для отправления культовых потребностей. В ещё одной жалобе И.М. Коган заявил о том, что, узнав о закрытии синагоги слишком поздно, община

была лишена права обжаловать это решение в течение двух недель. Начальник Восточно-Сибирской краевой милиции Пацук заявил о том, что здание синагоги должно быть освобождено в течение 48 часов, тогда как И.М. Коган в жалобе указывал: они не могут уйти, потому что пока общине ещё не предоставлено новое помещение. Старым зданием воспользоваться не давали, 25 сентября 1932 года милиция намерена была опечатать синагогу. Ответов на две из четырёх жалоб – на имя председателя ВЦИК и прокурора республики – не было получено. Ещё год с лишним иркутские верующие евреи находились в «подвешенном» состоянии.

Однако чуда не случилось. 12 марта 1934 года вышло постановление Иргорсовета № 8, основанное на постановлении ВЦИК от 1 июля 1932 года, о закрытии синагоги. Иркутское еврейское общество, «верующие с их правлением и полным инвентарём культового имущества» были переселены из здания синагоги на Саломатовской улице в помещение бывшей еврейской молельни по адресу Красноармейская, № 20. Для чего здание пришлось изъять у ЖАКТа № 144. Переселение, очевидно, началось ранее, ещё осенью 1933 года. О чём свидетельствует сохранившийся в фондах ГАИО акт от 14 декабря 1933 года о перечне культового имущества, оставшегося в старом здании синагоги. Община вынуждена была оставить скамейки, шкафы для книг и шкафы киота, стулья, потому что часть мебели была встроена в стены, а часть – просто не поместилась в новую синагогу на Красноармейской. Судя по акту, к 14 декабря 1933 года всё основное имущество

молельного дома уже было вывезено из старой синагоги. Официальное закрытие исторического Еврейского молельного дома состоялось не позже 29 марта 1934 года (именно эта дата указана в заявлении правления иркутской еврейской общины на имя инспектора горсовета по культовым делам).

1934 – 1938 годы

Что же верующим удалось перевезти в здание на Красноармейскую, 20? В «Материалах о деятельности Иркутской синагоги за 1923 – 1933 годы», хранящихся в Государственном архиве Иркутской области, есть несколько недатированных описей имущества, находившегося в пользовании общины в эти годы. Описи разнятся. По одной из них в синагоге хранилось 43 свитка Торы «больших в одеянии», шесть малых в одеянии, 10 детских в одеянии, одна без одеяния и одна «с текстом Мафтир в одеянии», пять свитков «Мешлес Кеэлим и Рус» (написание воспроизводится в точности так, как записано в архивном документе. – *Авт.*). По другой описи этого же времени в распоряжении синагоги был 41 свиток Торы, оцененный государством в 615 золотых рублей, шесть свитков Пророков, пятьдесят одеяний для свитков Торы. Синагога обязана была пускать в свои стены ревизионные комиссии, их целью было выявить те предметы, которые верующие не указали в описи. Прятали евреи, как и любые верующие люди, самое дорогое. В одну из проверок было обнаружено, что иркутские евреи укрыли 16 не обозначенных в

описи свитков Торы, и 6 свитков пророков, серебряную корону и ханукальную лампаду. В одной из описей в синагоге значилось 15 серебряных украшений для свитков Торы, в другой – 4. Очевидно, что-то и прятали, а что-то и постоянно изымали, потому в описях разные цифры. Иногда рвение ревизоров доходило до смешного: в опись «укрытого» имущества занесли 4 лестницы синагоги, 2 чернильницы и 25 ермолок для хористов.

Между тем иркутская община пыталась спасти всё, что можно, из закрывавшихся одна за другой синагог губернии. В жалобе И.М. Когана, направленной в Москву в 1932 году с просьбой отменить решение о ликвидации синагоги, особо указывалось, что Иркутская синагога осталась единственной на весь Восточно-Сибирский край, и потому в неё свозилось имущество из закрытых ранее синагог. По подсчётам И.М. Когана, в Иркутском молитвенном доме на 1932 год хранилось около 300 свитков Торы, «многочисленные священные, талмудические книги, масса специальных культовых предметов, перенесённых из других мест края, из закрытых молитвенных зданий».

В синагоге хранились триста двадцать молитвенников «еврейских и талмудических», шестьсот книг религиозного содержания. В списке имущества указаны два хупе (балдахина) для венчания, девять покрывал для столов кантора и чтения Торы, физгармония «для обучения хора», 198 скамеечек со стенками для молящихся, 23 разных шкафа «для хранения книг и тайлесим». Описаны и пять рожков «шейфор» (ныне произносится как «шофар» – еврейский ритуальный духовой музы-

кальный инструмент из рога животного, в который тру-
бят во время богослужения в синагоге в определённые
праздники. – *Авт.*)

Интересно, что у некоторых предметов, хранивших-
ся в синагоге, в описи указаны дарители. Например,
одна из скатертей для стола у амвона была подарена
купцом Исаем Дубниковым, ещё одна, вышитая, –
одним из рода купцов Домбровских в 1881 году. По
этой описи мы даже можем частично восстановить
облик старой синагоги. Например, на одной из стен
молитвенного дома были рамы с вставленными в неё
молитвенными текстами «Вай и Биисейаоорум» и «Ей
и Роцеи» (названия воспроизводятся по тексту опи-
си. – *Авт.*). Была особая рама, в которой размещался
план мест в синагоге, а также рама с надписью: «Дар
синагогиальной библиотеке», и рама «с сотрудниками
еврейской газеты». На почётном месте были портреты
жертвователей: Я.С. Домбровского и Л.О. Лейбовича. В
канцелярии имела пишущая машинка «с еврейским
текстом».

В распоряжении синагоги было два киота для хране-
ния свитков (один из них в хедер Шейни), 10 покрывал
«Порейхес и Капорес» (парохет. – *Авт.*). В их числе –
чёрный парохет, шитый золотом, мишурой. Парохет из
коричневого бархата, розовый атласный парохет, об-
шитый золотым позументом, парохет из белого шёлка,
вышитый стеклярусом, парохет из белоснежной парчи,
с золотым позументом и чёрный бархатный с серебря-
ной вышивкой.

У трёх парохетов в описи указаны дарители. Чёрный

бархатный парохет с серебряным позументом был по-
жертвован неким Храмченко. Дата дарения не указа-
на. Возможно, это был Вульф Давыдович Храмченко,
имевший дом по улице Сухэ-Батора, бывшую гостини-
цу «Коммерческое подворье». Его могила сохранилась
на еврейском кладбище в Лисихе. Парохет из белой
парчи с золотым мишурным позументом был жертв-
вован человеком по фамилии Школьников. К сожален-
ию, инициалы и дата дарения также не указаны.

Особенно интересен чёрный парохет, шитый золо-
том и мишурой, так как у него указана и дата дарения –
1886 год, и даритель с полными инициалами – Ф.М.
Боннэр. Купцы Боннэр – одно из самых примечатель-
ных еврейских семейств Иркутска. Для нас, современ-
ников, семья эта интересна ещё и тем, что из неё вышла
Елена Георгиевна Боннэр, правозащитница, диссидент,
вторая супруга академика А.Д. Сахарова. Здесь уместно
сделать небольшое отступление, чтобы рассказать
о купцах Боннэр. «Я хорошо помню свою прабабушку с
материнской стороны. Её девичья фамилия – Самсоно-
вич. Звали её Елена Лазаревна, а мы – дети – называ-
ли её баба Еля», – писала Елена Боннэр в своей книге
«Дочки-матери».

Елена Лазаревна Боннэр (в девичестве Самсоно-
вич) – дочь Лазаря Ароновича Боннэра, имела два бра-
ка. Первый её муж Матвей Рубинштейн рано умер. «У
меня есть какое-то смутное воспоминание – чей-то рас-
сказ о нём, – что он был кантором в синагоге и очень
способным музыкантом», – писала Елена Боннэр. На
самом деле, Матвей Рубинштейн был купеческим сы-

ном. По данным газеты «Иркутские губернские ведомости» за 1894 год, Елена Боннэр (именно такое написание фамилии в газете. – *Авт.*) называется «опекуншей над именем и наследниками умершего купеческого сына Матвея Рубинштейна». Проживала она тогда в селении Евсеевском Балаганского округа. От этого брака родились Татьяна, Софья, Моисей и Александр (Исай). Моисей Рубинштейн – будущий создатель и первый ректор Иркутского госуниверситета. А Татьяна – бабушка Елены Боннэр. Вторым мужем Елены Лазаревны Рубинштейн был также представитель балаганских купцов Матвей Боннэр. «Кажется, он был купцом, хотя от мамы я этого ни разу не слышала. От этого брака тоже было четверо детей: Берта, Роня, Яков и Люба». Братом Матвея Боннэра был Рафаил Боннэр. Его сын – Григорий женился на Татьяне Рубинштейн, и от этого брака родились трое детей, в том числе в 1900 году мама Елены Боннэр, Руфь Боннэр.

Боннэры – выходцы из балаганского еврейского купечества. В дореволюционных газетах упоминаются балаганская 2-й гильдии купчиха Либа Моисеевна Боннэр, балаганский купеческий сын Григорий Рафаилович Боннэр (отец Руфи Боннэр), покончивший с собой в 1905 году. Есть упоминания о его брате Матвее Рафаиловиче Боннэре. Наиболее известен балаганский купеческий сын, а позже – иркутский купец 1-й гильдии Иосиф Лазаревич Боннэр, компаньон мучной торговли А.С. Патушинского. Боннэры, как упоминают в своём исследовании Жанна и Валерий Домбровские (http://irkipedia.ru/content/dombrovskiy_mihail_yakovlevich),

породнились с семейством купцов Домбровских. Одна из дочерей купца 1-й гильдии Михаила Яковлевича Домбровского, Ольга, вышла замуж за Иосифа Лазаревича Боннэра. Семейство Боннэр было религиозно, близко синагоге, занималось благотворительностью. В летописи Нита Романова за сентябрь 1905 года сообщалось: «20 сент[ября] состоялось открытие нового дома призрения престарелых евреев, построенного на месте старого приюта. Дом рассчитан на 25 кроват[ей]. На постройку израсходовано 16 т[ыс]., из них 5 т[ыс]. пожертвов[али] братья Абрамовы, Файнберг и Боннер по 1 т[ыс]., 6200 р. местное погребальное братство из остатков капиталов. Заведовал постройкой Кузнец».

Однако, кто же эта загадочная Ф.М. Боннэр, которая в 1886 году пожертвовала Иркутской синагоге чёрный, шитый золотом парохет? Если мы обратимся к «Иркутским губернским ведомостям» за 1 февраля 1894 года, то увидим сообщение о некоей купеческой жене Федосье Михайловне Боннэр. Однако пока остаётся тайной, чьей же женой она была? Но исторический факт налицо: именно семейство Боннэр преподнесло синагоге столь ценный подарок.

Культовые предметы изымали из синагоги и после переезда в молельню на Красноармейской, № 20. В июне 1936 года произошёл очередной «учёт ценностей и всего культового имущества», теперь уже в новом здании синагоги. Поскольку часть имущества была оставлена в старой синагоге, что-то поломалось при переезде, проверяли имущество не по описи, а по факту. Проверка проводилась с участием инспектора по

культовым делам Вешникова, инспектора Госфондов горфо Тюн, заведующего Антирелигиозным музеем Корнеева. Иркутскую еврейскую общину представляли Брамзон, Генич, Мерецкий. 15 июня 1936 года проверка была завершена. По её итогам община передала в горфинотдел Госфондов несколько дорогостоящих предметов культа. В акте, который хранится в ГАИО (Ф. Р-504. Оп. ОЦ. Д. 700), особо подчёркнуто, что предметы эти были списаны и переданы в Госфонд «по собственному желанию со стороны общины верующих». Серебро было передано государству «как не нужное к употреблению в религиозных обрядах в дальнейшем», хотя понятно, что общину вынудили сделать этот «дар». Самыми дорогими были две короны. Обе – «с выбитыми рисунками – львами, оленями и орлами». Первая с восьмью колокольчиками и двумя втулками весом 1 килограмм 422 грамма, изготовленная из серебра 84 пробы. Стоимость раритета в ценах 1936 года составляла 955 рублей 40 копеек. Вторая корона имела четыре колокольчика и весила меньше – 958 граммов, оценена была в 670 рублей 60 копеек. Изъяты были два серебряных подсвечника, каждый весом более 400 граммов и ценою почти 300 рублей. И два серебряных украшения паторы, одно ценою 532 рубля, второе – 512 рублей 40 копеек. Община «добровольно» передала государству ценностей на 3,3 тысячи рублей.

Благодаря архивам мы сегодня можем понять, кто управлял общиной в последние годы перед закрытием. В 1935 году правление иркутской еврейской общины возглавлял исполняющий обязанности председателя

кустарь-шапочник Моисей Минеевич Брамзон. В правление входили бывшие служащие Исай Иосифович Кузнецов и Яков Исаевич Рейхбаум. В статусе кандидатов в правлении выступали бывший рабочий-сапожник Матес Айзикович Пружанский и бывший служащий Яков Исаевич Ицкович. В ревизионной комиссии состояли иждивенец Леонтий Борисович Мерецкий, переплётчик Граждвоздухофлота Соломон Маркович Тейман и представитель торгсина Леонтий Иосифович Калманович. В 1936 году заместителем председателя правления стал бывший кустарь Меер Исаевич Генич, в члены правления вошёл Соломон Лазаревич Пологонкин и Иосиф Абрамович Котел. Исай Кузнецов перешёл из кандидатов в члены правления, к нему присоединились М.А. Гухман и Абрам Михайлович Давидович. Ревизионная комиссия осталась прежней.

Резаком Иркутской синагоги в последние годы был Лейзер Львович Хаёт, 1867 года рождения. «Всё время занимаюсь культом резаки», – написал он в своей анкете, подаваемой в органы власти. В другой анкете Лейзер Иосифович сообщил, что с 1914 по 1932 год он служил в разных местах Европейской России и Сибири резаком, а с 1932 года взят на службу резака в Иркутскую синагогу с вознаграждением 200 рублей в месяц.

Община свято соблюдала все традиции, хотя теперь это было сделать непросто. В Государственном архиве Иркутской области сохранился документ, который иллюстрирует, под каким «колпаком» были прихожане и правление общины. Для того чтобы провести общее собрание верующих в ноябре 1937 года, община обязана

была получить специальное удостоверение от Иркутского горсовета рабочих и красноармейских депутатов, где указывалось точное время проведения (с 6 часов вечера до 2 ночи), причина собрания (традиционный праздник «тэс вов кислов» погребального братства). Обязательно озвучивалась повестка дня: 1. Вечерняя молитва по усопшим. 2. Информация Отдела погребального братства о деятельности их за 1936/1937 г. 3. Утверждение и принятие вновь членов погребального братства. 4. Чаепитие. Обязательно было указать, сколько человек будут на собрании (200 евреев). Удостоверение действовало ровно с 6 часов вечера до 2 часов ночи, и ни минутой позже, за проведение праздника в иное время следовало наказание.

В 1936 году община готовилась к выпечке мацы к Песаху. Для того чтобы получить разрешение на выпечку, ещё зимой 1936 года заместитель председателя общины Меер Исаевич Генич устно обратился в Восточно-Сибирский крайисполком. Но общину попросили написать официальную бумагу за подписью председателя общины М. Брамзона. Без разрешения выпекать мацу категорически воспрещалось. Верующим надо было доказать, что «выпечка опресников "мацо" для праздника пасхи совершенно не преследует никакой торгово-промышленной цели, а таковая лишь связана с ежегодной традицией, употреблять мацу в течение пасхальной недели». Община заверяла, что будет печь мацу из своей муки в течение месяца перед пасхой «только для членов общества и их семей, без всякой цели извлечение прибыли из этого

предприятия». Мацу выпекали на кухне, которая помещалась в подвале под зданием молитвенного дома на Красноармейской, № 20. 20 января 1936 года Брамзон отправил обращение в крайисполком, и только 29 февраля был получен ответ: мацу выпекать разрешено в чётко оговорённый срок – с 5 марта по 12 апреля 1936 года.

Однако встаёт вопрос: был ли смысл в этих разрешениях на отправление религиозных действий, и было ли достаточно прихожан в Иркутской синагоге? Да, деятельность общины была востребована как никогда. В Государственном архиве Иркутской области хранится «Список верующих Иркутской синагоги на январь 1934 года» (ГАИО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1). Согласно этому списку, 523 еврея Иркутска посещали синагогу. Наверняка их было больше, просто многие делали это тайно, боясь пострадать от репрессий, которые власть осуществляла в отношении верующих. Тем не менее 523 человека открыто заявили о том, что синагога является для них важной частью жизни. Для многих стариков отречение от веры было и невозможно – они всю жизнь отдали молельному дому.

Если мы внимательно прочитаем список верующих, то увидим много славных фамилий. Например, 60-летний Миней Моисеевич Лонцих, брат купца 2-й гильдии Вениамина Моисеевича Лонциха, и 80-летняя Вера Исаевна Лонцих. Есть и представительница многочисленной семьи Прейсман – Лидия Лазаревна Прейсман. А ещё – 60-летний служащий Самсон Моисеевич Флейшер (до революции его полный тёзка был купцом 2-й

гильдии), а несколькими страничками дальше – Яков Хаимович Юцис, представитель известной купеческой семьи, построившей пассаж на Пестеревской. В числе прихожан записана пожилая пара – Наум Григорьевич и Екатерина Яковлевна Шур. Науму Григорьевичу было уже 76 лет, Екатерине Яковлевне – 68. Наум Шур – выходец из семьи золотопромышленников с севера Иркутской области. А Екатерина Яковлевна – дочь купца Якова Моисеевича Перцеля.

Были прихожанами Иркутской синагоги родственники знаменитого авиаконструктора Михаила Леонтьевича Миль – Моисей Соломонович Миль, Хая Соломоновна Миль (брат и сестра отца авиаконструктора, Леонтия Миль), Абрам Моисеевич Миль и Женя Яковлевна Миль. В списке верующих можно обнаружить Сарру Давыдовну и Гдалию Моисеевича Хейфец. Гдалией Моисеевич – брат предпринимателя, жестянщика Ильи Моисеевича Хейфеца, отца Героя Советского Союза Семёна Ильича Хейфеца. В синагогу приходили несколько представителей семьи Дриц, в том числе Александр Павлович Дриц, отец знаменитого иркутского педагога Иосифа Александровича Дрица. На 1 января 1935 года в иркутской еврейской общине числилось 506 верующих. 22 декабря 1937 года в Иркутском горсовете рабочих и крестьянских депутатов община получила новое удостоверение о регистрации, в нём значилось 314 верующих. Вероятно, многие евреи уже боялись открыто объявлять о том, что они связаны с религией.

Теперь и над самой синагогой на улице Красноармейской сгустились тучи. Здание в центре города очень

многим казалось интересным. Существуют сведения, что настойчиво добивался закрытия синагоги... городской автотоклуб. Он претендовал как раз на здание на Красноармейской, № 20. К закрытию готовились очень тщательно. По свидетельству летописца Юрия Колмакова, 27 января 1938 года президиум городского Совета возбудил ходатайство перед облисполкомом о расторжении договора с религиозными еврейским и римско-католическим обществами на аренду следующих помещений: здания, находящего по адресу 1-я Красноармейская, № 20 – еврейского молитвенного дома (синагоги) и здания римско-католического костёла Успения Божьей Матери по улице Красной Звезды, 4/30. Зимой 1938 года в синагоге отработала техкомиссия горсовета, которая составила к 7 февраля соответствующий акт. Основная его мысль: верующие плохо обращаются с арендованным помещением.

3 мая 1938 года президиум Иркутского городского совета постановил расторгнуть договор с еврейской общиной об аренде здания на Красноармейской, № 20. Сделано это было «ввиду бесхозяйственного отношения иркутской еврейской общины верующих к специальному молитвенному зданию». Горсовет просил облисполком утвердить это решение. Однако, по-видимому, это решение не было полностью поддержано облисполкомом, потому что в молитвенном доме евреи оставались хозяевами до осени. 5 октября 1938 года горсовет Иркутска всё же расторг с общиной договор о пользовании помещением, заключённый 6 октября 1937 года. Горсовет ссылался на своё же решение от 3 мая и

приводил новые факты, которые свидетельствовали о «проступках» верующих.

По мнению горсовета, община нарушила постановление НКВД РСФСР от 1 октября 1929 года № 329, в частности, статью 4 «О порядке регистрации религиозных объединений» и пункт 6 «О правах и обязанностях религиозных объединений». Во-первых, с 24 сентября 1938 года богослужения в синагоге вёл раввин, сведения на которого в горсовет не были поданы, и согласия на эту кандидатуру горсовет не давал. Во-вторых, в качестве резака при новом еврейском кладбище работал «под видом сторожа» некто З.Г. Вайнштейн, который также не был согласован горсоветом. Было установлено, что 26 сентября именно этот человек проводил в синагоге богослужебный обряд в качестве раввина. Кроме того, горсовет поставил общине в вину то, что она помогала прихожанам. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года общины верующих не имели права оказывать материальную помощь единоверцам. Иркутская еврейская община помогала своей пастве деньгами, устраивала на квартиры приезжающих, давала бедным людям одежду и питание, то есть, творя добрые дела, при этом злостно нарушала закон.

25 ноября 1938 года президиум Иркутского облисполкома принял постановление о закрытии Иркутской синагоги. А 17 января 1939 года горсовет потребовал от еврейской общины «к 9 часам 19/1-39 г.» выделить своих представителей для сдачи помещения и имущества (напомним, по законам того времени имущество

находилось в аренде у горсовета) – на сборы общине отвели 48 часов.

Однако, по-видимому, община защищала свои права. Документов, подтверждающих это, не найдено. Но косвенные свидетельства есть: передача имущества произошла только в апреле 1939 года. И в этот промежуток времени информационно-статистический отдел при секретариате Президиума Верховного Совета РСФСР пытался выяснить обстоятельства принятого горкомом и облисполкомом решения. В Иркутск был направлен запрос о том, на каком расстоянии от закрываемой находится ближайшая синагога, какое намечено переоборудование здания, стоимость и план использования, имеется ли смета и средства на переоборудование. «Просимые сведения необходимы для решения вопроса о закрытии синагоги на Президиуме Верховного Совета РСФСР», – сообщалось в запросе.

Запрос поступил 22 февраля 1939 года, и заведующий общим отделом облисполкома Литвин ответил: «В здании синагоги капитального переоборудования не потребуется за исключением незначительного ремонта. Предполагаем использовать помещение для областного автотоклуба под аудиторию для занятий автотолкубителей. Средствами автотоклуб располагает в полной степени для организации учебных классов. В г. Иркутске другой действующей синагоги нет. Убедительно просим ускорить решение настоящего вопроса».

И вот 26 марта 1939 года Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил решение облисполкома. «Зда-

ние синагоги передать Иркутскому городскому Совету для переоборудования под клуб» – гласила выписка из протокола заседания, направленная в Иркутский облисполком за подписью председателя Президиума Верховного Совета РСФСР А. Бадаева (ГАИО. Ф. Р-504. Оп. ОЦ. Д. 700. Л. 61). К передаче имущества приказано было приступить «немедленно».

11 апреля 1939 года инспектор по культурам горсовета Зелле принял от председателя еврейской общины Иркутска Л.Я. Новомейского всё имущество Иркутской синагоги, а именно 154 наименования. По акту, сохранившемуся в архивах ГАИО, мы сейчас можем понять, чем располагала синагога на момент её закрытия. В фонды были сданы 178 свитков Торы, 1503 книги религиозного содержания, серебряная корона с восьмью колокольчиками, три серебряных указателя для чтения Торы, украшения для Торы, венчальная хупа, серебряные бокалы, блюда, подносы, не менее двух десятков различных занавесей чёрного, бордового, синего бархата со скрижалями, менталы, скатерти, различные шкафы, скамейки, кресла, канцелярия, инвентарь погребального братства: катафалки, принадлежности для омовения усопших, проводов ушедших единоверцев в последний путь. Все предметы погребального братства перешли в ведение Иргорземлестреста. Еврейская община обязана была передать и деревянный домик на кладбище, и каретник для погребальных катафалков, и амбар для хранения топлива. Естественно, и само кладбище тоже уже не должно было принадлежать иркутским евреям.

Однако за него евреи ещё поборолись. 27 апреля на имя секретаря Иркутского облисполкома пришёл новый запрос от Верховного Совета РСФСР. Оказалось, председатель иркутской еврейской общины телеграфировал в Верховный совет, где уведомлял о неправильных действиях Иркутского горсовета при изъятии еврейского кладбища. Вот текст этой телеграммы, подписанный председателем Новомейским: «26 марта 1939 года № 650/51 Президиум Верховного Совета РСФСР постановил утвердить постановление исполкома (о) закрытии иркутской еврейской синагоги. Горсовет (на) основании этого расширяет эту ликвидацию на еврейское кладбище, отбирает погребальный дом, все принадлежности. Однако постановлением ВЦИК 10/7 1931 года № 13 постановлено погребальный дом оставить (в) пользовании верующих. Ссылаясь (на) это ваше постановление, просим приостановить изъятие еврейского кладбища и погребального дома». Москва попросила облисполком проверить дело «по существу» и принять меры для установления законного порядка. Облисполком ответил, что постановление ВЦИК от 1931 года не может быть исполнено, поскольку погребальный дом был передан общине иркутских евреев по договору вместе с арендой синагоги, который ныне расторгнут. Отдельного арендного договора на погребальный дом облисполком заключить не может, поскольку дом является частью кладбища. А кладбища могли находиться только в ведении местных органов коммунального хозяйства и в аренду их сдавать было нельзя. Так пришлось расстаться и с местом захороне-

ния предков.

Однако автотоклуб, судя по всему, не получил вожделенного здания синагоги. В газете «Восточно-Сибирская правда» летом 1939 года вышла заметка «Мытарства автотоклуба», где сообщалось, что горсовет, получив разрешение изгнать еврейскую общину из синагоги, здание на одном из своих совещаний передал... психбольнице. При этом официально горсовет постановил: «Возложить персональную ответственность на т. Городничева к 1 июня 1939 г. освободить помещение синагоги для автотоклуба». Но через пять дней появилось постановление облисполкома № 444, которое в корне всё меняло. Оно гласило: «Передать помещение бывшей еврейской синагоги в постоянное пользование психбольнице (под клинику)».

Что же стало с историческим зданием Главной синагоги по улице Карла Либкнехта, № 19? Имущество перешло в музей атеизма, а потом было направлено в областные художественный и краеведческий музеи. В бывшей Главной синагоге Иркутска был открыт клуб краевой милиции. В местных газетах так и писали: «Общедоступный вечер-концерт, клуб край-милиции (бывш. еврейская синагога)». В синагоге теперь играл популярный оркестр, были танцы, исполнялись романсы, шуточные песни, и работал буфет. Горсовету это помещение тоже было очень удобно – здесь проводились различные заседания, например, секция горсовета по коммунальным вопросам. Неоднократно синагога использовалась для партсобраний горкома ВКП (б), олимпиад художественной самодеятельности, слётов

ударников и даже совещания городских дворников. В 1937 году в газете «Восточно-Сибирская правда» появилось сообщение, что здание предложено передать городскому Осоавиахиму для организации «оборонной работы» (Восточно-Сибирская правда. 1937. 17 февраля). В предвоенные годы в синагоге был открыт «Первый городской физкультурно-спортивный клуб имени Карла Либкнехта и Розы Люксембург», в стенах синагоги занимались волейболисты, гимнасты, штангисты.

Летописец Юрий Колмаков упоминает такое событие: «4 февраля 1940 года здание бывшей еврейской синагоги, занимаемое с 1937-го 235-м конвойным полком НКВД, передано ему в арендное пользование решением Иркутского горисполкома».

Однако сибирские евреи во время Великой Отечественной войны получили мощный приток единоверцев, которые эвакуировались с запада СССР, многие из них были религиозны, соблюдали обычаи, и встреча с ними позволила после войны снова заговорить о возрождении общины.

Часть III

СИНАГОГА
ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Эпоха религиозного подъёма*

Не успел подойти к концу 1945-й, победный год, как иркутские верующие евреи приступили к восстановлению общины. «Иркутск был одним из немногих сибирских городов, где вновь возобновила свою работу синагога после закрытия в 1930-е годы», – говорит иркутянин, прихожанин Иркутской синагоги Александр Исаевич Сидоровский. По его словам, во время войны здесь находилось временное общежитие для эвакуированных из западных регионов страны евреев.

Есть и другие воспоминания о периоде, когда само здание было закрыто, но еврейская жизнь продолжалась. «После того как была закрыта синагога, в её здании на первом этаже был склад, а на втором – женское общежитие медицинского института, – вспоминает Эня Гуревич. – Мой дедушка, Энох Лейбович Хаскин, у себя дома сохранил книгу Торы, ритуальную утварь и другие книги, которые хранились в синагоге. В дни субботы и в еврейские праздники верующие собирались и молились в квартире моего дедушки в доме № 24 по улице Карла Либкнехта. Квартира находилась на первом этаже. Мужчины молились в комнате дедушки, а женщины на кухне. Так продолжалось до того,

* Архивные материалы для главы собраны и предоставлены Евгением Соломоном, обработаны Ю. Караваевой.

как синагога вновь открылась. Дедушка передал всё, что хранил, обратно в синагогу, и участвовал в деятельности синагоги до конца своей жизни. Он умер в 1959 году. Похоронили дедушку на Лисихинском кладбище. Хоронили его из синагоги и несли на руках до улицы Тимирязева».

Первую попытку восстановить работу синагоги иркутские верующие предприняли во время Великой Отечественной войны. Руководство страны во время Великой Отечественной начало обсуждать варианты нового курса в религиозной политике. При Совнарком был создан Совет по религиозным культурам. 12 августа 1943 года община направила уполномоченному Иркутского горсовета, завгоркомхоза И.М. Брикман заявление: «Еврейских верующих община просит дать разрешение на открытие еврейской синагоги, в связи с разрешением правительства на открытие таковой». К заявлению прилагался список верующих, «двадцатка»:

1. Хаскин Энох Лейбович 1868 г.р. Инвалид.
2. Меркулович Леонид Исаевич 1872 г.р. Инвалид.
3. Березовский Михаил Исаевич 1879 г.р. На иждивении.
4. (Неразб.) Хаим Шмулевич 1882 г.р. Часовой мастер, инвалид.
5. Халепский Залман Борисович 1875 г.р. Инвалид.
6. Меркулович Матвей Соломонович 1901 г.р. Инвалид.
7. Маевич Абе Юрьевич 1866 г.р. Иждивенец.
8. Шерман Рувим Иудович 83 года, или 1882 г.р. Рабочий завода имени Куйбышева.

9. Винников Файтель Михайлович 1877 г.р. Инвалид и на иждивении детей.
10. Тупик Рейза Александровна 1879 г.р. Иждивенка.
11. Круглянский Абрам Хаимович 1874 г.р. На иждивении.
12. Круглянская Тойба Иосифовна 1876 г.р. На иждивении.
13. Креп (неразб.) Григорий А (неразб.) 1869 г.р.
14. Гершевич Меер Осарович 1886 г.р. Инвалид.
15. Пружанский Михаил Исаевич 1866 г.р. Пенсионер.
16. Бронер Яков Григорьевич 1883 г.р. Кустарь.
17. Левина Фрейда Лейбовна 1878 г.р. Инждивенка.
18. Рубанович Фрейда Исаевна 1878 г.р. Иждивенка.
19. Быховская Анна Абрамовна 1874 г.р. На иждивении.
20. Суздальницкий Илья Абрамович 1875 г.р. Пенсионер (ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 3. «Уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Иркутской области. Материалы иудейской общины (справки, списки, протоколы и др.) (синагога) 1943 – 1954 годы на 215 листах». Л. 3, 5).

Списки «двадцатки», сохранённые в архиве, имеют различный состав. Вероятно, верующие пробовали разные варианты, поскольку существовали достаточно серьёзные требования к трудоустройству, судимостям, лишению избирательных прав. Некоторые верующие не знали русский, говорили и писали на идише, за них подписывались другие. Пожилые люди, включённые в список, могли уйти из жизни. Во втором списке, содержащем некоторые фамилии из первого списка, фигу-

рируют и новые: Х.З. Перцик 1898 г.р., Ц.Д. Сигал 1882 г.р., М.М. Шерман 1877 г.р. (находящаяся на иждивении мужа), А.Р. Шаевич 1870 г.р. (на иждивении детей), И.М. Ройзин 1888 г.р. (мастер ЦАРМ «Витранс»), Л.Х. Резник 1879 г.р. (на иждивении детей), С.А. Рабинович 1861 г.р. (на иждивении детей), И.Г. Тизенберг 1890 г.р. (на иждивении детей) (Там же. Л. 6).

В архиве сохранился и третий список верующих общины, подписавших договор. В него занесены, помимо уже фигурирующих в предыдущих списках фамилий, ряд других:

1. Клец Ширинца Эммануиловна 1892 г.р. (помета напротив фамилии: умерла).
2. Нечетский Матвей Яковлевич 1869 г.р. (на иждивении).
3. Либерзон Лейба Иосифович 1872 г.р. (иждивенка).
4. Снытевская Мария Израилевна 1877 г.р. (иждивенка).
5. Голыхирова Геня Иосифовна 1877 г.р. (помета напротив фамилии: умерла).
6. И...(неразб.) Давыдовна Сегалова 1882 г.р. (иждивенка).
7. Кельман Рива Исаевна 1878 г.р. (иждивенка).
8. Винникова Роза Моисеевна 1877 г.р. (иждивенка).
9. Сузаева Фрейза Наумовна 1894 г.р. (иждивенка).
10. Шифрин Наум Григорьевич 1870 г.р. (иждивенец).
11. Азимов Бенемен Мортхай 1896 г.р. (иждивенец).
12. Фришер Хая Исаевна 1866 г.р. (иждивенка) (Там же. Л. 8).

Четвёртый список датирован 8 октября 1943 года и

предоставлен был инспектору по делам религиозных культов:

1. Хаскин Э.Л. 1868 г.р.
2. Тупик Р.А. 1878 г.р.
3. Перчикова (неразб.) 1878 г.р.
4. Сигалова Ц.Д. 1882 г.р.
5. Винников Ф.М. 1877 г.р.
6. Шерман Д.Ю. 1861 г.р.
7. Шерман М.М. 1877 г.р.
8. Шаевич А.Ю. 1870 г.р.
9. Суздалицкий И.А. 1875 г.р.
10. Меркулович М.С. 1901 г.р.
11. Райзин И.Ш. 1888 г.р.
12. Березовский М.И. 1879 г.р.
13. Резник А.Х. 1879 г.р.
14. Халевский З.Б. 1880 г.р.
15. Пружанский М.И. 1866 г.р.
16. Рабинович С.А. 1887 г.р.
17. Тизенберг И.Г. 1890 г.р.
18. Меркулович А.И. 1880 г.р.
19. Гершевич М.Е. 1885 г.р.
20. Бронер Я.Г. 1883 г.р. (Там же. Л. 9).

Однако общине в открытии синагоги было отказано. На заявлении 11 августа была поставлена резолюция карандашом: «Горсовет. Т. Бутакову. Отказать в открытии синагоги» (Там же. Л. 3). 31 августа 1943 года община направила жалобу в исполком Иркутского областного Совета депутатов трудящихся. «Еврейской общиной верующих было возбуждено ходатайство перед Иркутским Городским Советом о разрешении на от-

крытие еврейской синагоги. При первом обращении в горсовет было дано устное указание о необходимости предоставления списка членов общины – двадцатки для подписания договора. При вторичном обращении с предоставлением требуемого списка на заявлении была наложена резолюция об отказе в открытии синагоги без всяких мотивов. Считая отказ в открытии синагоги неправильным и противоречащим директивам партии и правительства, община верующих просит разрешить открытие еврейской синагоги», – писали верующие. Документ подписан Хаскиным, Кельманом и другими. Однако 28 октября облисполком отказал в удовлетворении просьбы, предложив вернуться к этому вопросу через 3 – 4 месяца (Там же. Л. 4).

Прошло пять месяцев, и 14 апреля 1944 года заместитель председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся М. Филиппова направила председателю исполкома Иркутского горсовета депутатов трудящихся А.В. Рудакову письмо следующего содержания: «Препровождаю при этом заявление со списком еврейской общины верующих об открытии синагоги и заявление со списком евангельских христиан-баптистов об открытии молитвенного дома, облисполком не возражает против регистрации этих общин в соответствии Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР 8/IV-1929 г. о религиозных объединениях (п. 4 – 7) и Инструкции Постоянной Комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» (п. 29 – 31). Что же касается выделения для этих общин помещений для молит-

венных собраний, этот вопрос может быть разрешён Вами в зависимости от возможности в условиях города (Там же. Л. 10).

По-видимому, это не возымело действия или город отказал в помещении. Потому что в июле 1944 года иркутские верующие евреи обратились к председателю Совета по делам религиозных культов при СНК СССР И. Полянскому. Обращение подписал Г.А. Хаскин, указав, по-видимому, домашний адрес: г. Иркутск, ул. К. Либкнехта, 4, кв. 1. «На неоднократное наше обращение в Иркутский горсовет и Иркутский областной Совет депутатов трудящихся на разрешение открытия еврейской синагоги в городе Иркутске нам отвечают отказом, – писал Г.А. Хаскин. – Это является, как мы думаем, неправильным и противоречащим законам Советской власти, которые предоставляют свободу религии всем национальностям. Поэтому просим Вас, тов. Полянский, разрешить нам открыть синагогу в г. Иркутске, дав об этом указание Иркутскому облисполкому, который чтобы нам предоставил для синагоги помещение. Ещё раз просим удовлетворить нашу просьбу, разрешив открыть синагогу в г. Иркутске...» Письмо было подписано Хаскиным, Кельманом и другими. Прилагался список верующих Иркутской еврейской общины из 20 человек. Среди них Энох Лейбович Хаскин, Леонид Исаевич Меркулович, Михаил Исаевич Березовский и другие. На обращении была резолюция от 3 сентября 1944 года о том, что вопрос передан уполномоченному Совету по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Иркутской области (Там же. Л. 2).

30 сентября 1944 года глава Совета по делам религиозных культов при Совнаркоме Союза ССР Полянский направил письмо уполномоченному Совету при Иркутском облисполкоме товарищу И. Житову. Письмо было получено 12 октября 1944 года. «Совет по делам религиозных культов при Совнаркоме Союза ССР направляет вам на заключение облисполкома заявление группы верующих евреев об открытии синагоги в г. Иркутске, – писал Полянский. – В случае удовлетворения облисполкомом ходатайства об открытии синагоги, прошу направить все материалы и заключения (неразб.) по этому вопросу в Совет по делам религиозных культов при СНК Союза ССР. При этом в заключении облисполкома должно быть указано: 1. Являются ли лица, подписавшие заявление, совершеннолетними и не лишёнными по суду избирательных прав. 2. Количество функционирующих в настоящее время молитвенных домов для религиозных евреев в Иркутске. 3. Когда и решением каких органов была закрыта синагога в Иркутске. 4. Для каких целей используется в данное время бывшая синагога и в каком состоянии находится здание бывшей синагоги. В случае отклонения облисполкомом ходатайства об открытии синагоги в Иркутске, просьба направить копию мотивированного решения в Совет по делам религиозных культов при Совнаркоме Союза ССР и о своём решении поставить в известность группу, написавшую заявление» (Там же. Л. 17).

По-видимому, был отказ, потому что 23 марта 1945 года иркутские евреи опять обратились с ходатайством к Житову, и в очередной раз просили открыть в Иркут-

ске синагогу. «Мы, нижеподписавшиеся, верующие иудеи, ходатайствуем об открытии СИНАГОГИ в г. Иркутске. Одновременно просим предоставить нам наше бывшее помещение СИНАГОГУ по ул. Карла Либкнехта», – значится в документе. Список под ходатайством можно разобрать лишь частично, некоторые фамилии не читаются. Многие пожилые люди были неграмотны (или не знали русского, только идиш), и за них расписывались другие верующие. В числе подписавших ходатайство были: Хаскин, Березовский, Халепский, Меркулович, Абе Юрьевич Шаевич, Шерман, Винников, Тупик, Аврам Хаимов Круглянский, Крепик, Гершевич, Яков Бронер, Фрейда Леонтьевна Левина, Фрейда Дубинская, Илья Суздальницкий (Там же. Л. 26).

На этот раз дело сдвинулось с места. 25 апреля 1945 года уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Иркутской области Иннокентий Житов направил в отдел коммунального хозяйства Иркутского горсовета запрос о возможности освобождения здания синагоги. Пришедший 4 мая ответ не мог порадовать. Горкомхоз сообщал, что здание не может быть освобождено, так как в нём проживают рабочие завода имени Куйбышева, и нового помещения, чтобы их переселить, нет (Там же. Л. 19). 12 мая Житов написал уже председателю исполкома Иркутского горсовета. Он сообщил, что ему поступило новое заявление от верующих, которые просят освободить помещение синагоги по улице Карла Либкнехта или же здание по улице 1-й Красноармейской, где до 1938 года располагалась синагога. «Прошу возвратить любое из указан-

ных помещений под молитвенное здание верующих иудеев», – резюмировал И. Житов. 18 мая ему был направлен ответ заместителя председателя исполкома горсовета Гришаева: «Ни одно из требуемых вами зданий в данное время не может быть освобождено» (Там же. Л. 20, 21).

14 августа 1945 года председатель областного Совета депутатов трудящихся В. Иванов написал: «В связи с поступлением ходатайства верующих евреев об открытии синагоги в г. Иркутске и в соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 19 ноября 1944 г. № 1603 "О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов" исполнительный комитет Иркутского областного Совета депутатов трудящихся находит возможным удовлетворить ходатайство верующих евреев об открытии синагоги в г. Иркутске по ул. Карла Либкнехта, дом № 17 и согласно параграфу 4 представляет своё заключение в Совет религиозных культов при Совнаркомоме Союза ССР – для решения вопроса». Исполком указывал особо – все лица, подписавшие ходатайство являются совершеннолетними и не лишены по суду избирательных прав, они представляют 120 верующих евреев-иркутян. Синагога по улице Карла Либкнехта, дом № 17 к этому моменту, как свидетельствовал облисполком, была освобождена от общежития рабочих и представлена обществу верующих. «Синагога – специальное здание, каменное, на средства верующих будет приведена в такое состояние, которое будет отвечать всем техническим, санитарным и противопожарным условиям», – значится в документе.

Особо указано, что иных еврейских молитвенных зданий в Иркутске нет (Там же. Л. 33).

Этот документ сопровождался письмом уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР в Иркутской области И. Житова. Он в частности сообщал: «В то время, пока я был в Москве на совещании, верующие евреи добились в горсовете решения об освобождении синагоги от общежития рабочих и получили своё специальное здание. После получения от Вас решения они примут здание по договору и приведут его в надлежащий вид. В связи с предстоящим иудейским праздником верующие просят ускорить им всё оформление» (Там же. Л. 36.)

25 августа 1945 года между общиной верующих и исполкомом Иркутского горсовета депутатов трудящихся был заключён договор. Он передавал общине в бессрочное бесплатное пользование второй этаж каменного молитвенного здания по улице Карла Либкнехта, 17 и, согласно пункту 4 договора, два старых строения в усадьбе, одно из которых ранее служило сторожкой для обслуживающего персонала, второе – «миквой», то есть ванной комнатой для религиозного омовения женщин (Согласно письму правления общины уполномоченному по делам религиозных культов от 16 августа 1947 года. Там же. Л. 80). Со стороны исполкома договор подписал заведующий коммунальным отделом Израиль Моисеевич Брикман, со стороны общины – 20 верующих граждан. «Мы, нижеподписавшиеся граждане, обязуемся беречь переданное нам здание и прочее имущество и пользоваться им исключительно

но в соответствии его назначению, принимая на себя ответственность за целостность и сохранность врученного нам имущества...», – значилось в документе. Община верующих обязывалась использовать здание и культовое имущество только для удовлетворения религиозных потребностей. Совершать религиозные обряды разрешалось только служителям культа, прошедшим регистрацию у уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Иркутской области. Верующих обязывали вести инвентарную опись предметов культа, включая те, что были пожертвованы или переданы из других зданий. Все текущие расходы по содержанию молитвенного здания и зданий при нём ложились на общину. Ремонт, долги, отопление, страхование, охрана, местные обложения – всё это верующие оплачивали из своих средств. Представитель Иркутского горсовета и уполномоченный Совета по делам религиозных культов имели право беспрепятственно появляться в синагоге, когда в той не шли службы. Верующие обязаны были представить им все условия для проверки и осмотра имущества. Если проверка показала бы, что какие-то вещи испорчены или пропали – община несла за это полную материальную ответственность. Невыполнение обязательств влекло уголовную ответственность, а исполком горсовета имел право расторгнуть договор. В пункте 12 договора прописывалось право других единоверцев подписать договор и позднее даты его заключения, и ранее подписавшие не имели права им в этом отказать. Со стороны общины договор подписали Э.Л. Хаскин, Р.А. Тупик,

Х.З. Перциков, Ц.Д. Сигалова, Ф.И. Винников, Р.Ю. Шерман, М.М. Шерман, А.Ю. Шаевич, И.А. Суздальницкий, А.И. Меркулович, М.С. Меркулович, И.Ш. Райзин, М.И. Березовский, Л.Х. Резник, З.Б. Халепский, М.И. Пружанский, С.А. Рабинович, И.Г. Тизенберг, М.О. Гершевич, Я.Г. Бронер.

12 октября 1945 года в Иркутск на имя И. Житова из Москвы было направлено сообщение заместителя председателя Совета Садовского: «Совет по делам религиозных культов при СНК СССР согласно решению Иркутского облисполкома и заявлению верующих разрешает открыть синагогу в г. Иркутске по ул. Карла Либкнехта, д. 23 Иркутской области (Протокол Совета № 9 от 4/IX-45 г. Утверждён распоряжением СНК СССР № 14814-рс 10/X-45 г.)» (номер здания синагоги приводится таким, как это указано в документе. – *Авт.*). Совет просил сообщить дату открытия синагоги и назвать имя служителя культа (Там же. Л. 35).

Согласно справке, выданной уполномоченным Советом по делам религиозных культов при Совнаркомом Союза ССР по Иркутской области Житовым главе религиозной общины Якову Бронеру, 20 ноября 1945 года в Иркутске было зарегистрировано религиозное общество иудейского вероисповедания.

Справка о регистрации гласила, что обществу предоставлено «молитвенное здание», а именно – второй этаж синагоги, находящейся по адресу ул. Карла Либкнехта, дом 17. Здание (вернее, его этаж) предоставлялось «со всеми правами, предусмотренными в действующих законах и постановлениях Правительства

Союза ССР в отношении религиозных культов» (Там же. Л. 47).

Одновременно иркутские евреи начали ходатайствовать о возвращении им из краеведческого музея предметов культа. 3 октября 1945 года на имя И. Житова поступило заявление от председателя правления общины верующих евреев Иркутска Якова Григорьевича Бронера. «В иркутском музее в отделе фондов по улице Халтурина находится еврейская священная тора и шапочка раввина, – сообщал Бронер. – В виду того, что еврейская община верующих евреев нуждается в этой торе для отправления своего религиозного культа, община просит вас возбудить ходатайства перед соответствующими органами о выдаче нам этой торы для нашей зарегистрированной Синагоги (орфография документа сохранена. – *Авт.*) (Там же. Л. 36).

Уже 9 октября Житов направил директору иркутского Исторического музея (Иркутского областного краеведческого музея) П.Н. Рыжковой письмо с просьбой дать согласие на выдачу культового имущества. 16 октября Рыжкова ответила, что выдать экспонаты можно только с разрешения Музейного управления Комитета по делам Культпросветучреждений при СССР, поскольку в музее есть только два экспоната еврейского религиозного культа – Тора и шапочка раввина (Там же. Л. 38, 39).

Соответствующее обращение Житов 20 октября направил в Москву в Управление музеев, 16 ноября 1945 года замначальника Управления музеев Серебренников направил директору Иркутского исторического музея и

товарищу Житову сообщение, что «в Иркутск отправлен ордер № 222 от 12 ноября на передачу Священной Торы и шапочки раввина Обществу верующих евреев». Доверенность на получение предметов культа 15 декабря 1945 года получил председатель иркутского религиозного общества евреев Яков Григорьевич Бронер (Там же. Л. 40 – 41).

Семья евреев традиционно селились вокруг синагоги. Среди них была и семья Елены Эноховны Шиевской, она – дочь прихожанина Эноха Хацкелевича Шиевского, входившего в «десятку», члена правления Иркутской синагоги, и даже в определённый период – председателя правления. «Если бы вы видели, сколько было народу на открытии синагоги! – вспоминает Елена Эноховна. – Я два случая помню из того времени. 1945 год, война закончилась. Ой, сколько было радости, народ на улицы высыпал, обнимаются, песни поют... И вот второй случай радостный для папы моего, для всех евреев Иркутска. Открывается синагога. Помню, собралась огромная толпа. И везде-везде, тут и там была слышна еврейская речь, вот они были евреи, настоящие евреи! Открыли... Что там было... Страшная грязь, разруха. Но всё прибрали, пригласили хороших мастеров, отремонтировали. Когда меня в первый раз взяли в синагогу, я зашла и говорю: «Ой, какой большой дом-то!» Помню, наши местные евреи приглашали евреев из других городов делать молитву. Сидели мы отдельно: мама с нами в одном месте, папа отдельно. Как заходишь на второй этаж, видишь такие... не то что бы скамейки, а что-то вроде театральных лож. И по-мо-

ему, они даже оплачивались». Александр Исаевич Сидоровский уточняет: «Именно на втором этаже и проходила служба: в середине зала находились мужчины, а по бокам – женщины. Видимо, мебель, утварь синагогиальная каким-то образом сохранилась. Шкаф, где находится Тора, Арон-Кодеш, я помню, всё это было старинное. Были и свитки Торы ещё дореволюционные, их торжественно выносили. Даже для детей были специальные, маленькие, свитки Торы, которые дети носили в праздник Торы – Симхат Тора».

Отец Елены Эноховны Шиевской, Энох Шиевский, как и раввин Лейзер Резник, был родом с запада России. Елена Эноховна не помнит всех подробностей, но приехал Энох Шиевский в Иркутск до революции. Он, как вспоминает дочь, почти не умел говорить по-русски. «Когда я была маленькой, у нас в доме была еврейская речь, – говорит Елена Эноховна. – Почему он приехал в Иркутск? Так ведь тогда отправляли, он шибко-то не рассказывал нам. Мама, Ита Лейзеровна Шиевская (в девичестве Левина) – иркутянка, училась в иркутской еврейской школе для девочек. У нас сохранилась фотография, где мама стоит в венчальном платье. И это платье в семье хранилось много-много лет. На фото есть надпись: «Шиевские Ита Лазаревна и Энох Хацкелевич, 1890, 1896. Сделано в фотографии Булатова». Известно, что после революции фотографии Булатова в Иркутске не существовало. Значит, Ита Лазаревна и Энох Хацкелевич, предположительно, поженились до революции. В семье было четверо детей: братья Лев и Рувим, и сёстры Елена и Лия. Рувим Шиев-

ский был известным в Иркутске спортивным тренером, Лия – врачом, сначала в туберкулёзном диспансере в Барлуке, а потом в Иркутске. Лев закончил политех, трудился в Тюмени. Елена Шиевская сначала работала телеграфисткой, потом, уже после войны, в институте Востсибгипрошахт машинисткой.

Семья Шиевских, как и многие семьи военного времени, пережила лишения. Иркутская синагога закрылась ещё до войны, Энох Шиевский молился дома. Работал на фронт: шил ватную одежду в государственной мастерской, которой он заведовал. «А после работы придёт домой, сошьёт в свободное время какие-то штанишки, а мама пойдёт и на рынке продаст, вот так и жили», – рассказывает дочь. В войну в Иркутск приехали многие артисты. Энох Шиевский шил для них, и в семье остались подаренные артистами фотокарточки, например, М.О. Снегова. Дочка Елена, закончившая ФЗО, в войну работала в Зиме телеграфисткой, а ночами вручную грузила уголь. «Я на Морзе работала, надо отвечать, а руки не слушаются, покидай-ка уголь всю ночь да в мороз. Не я одна, тогда все так трудились», – говорит она.

«Папа очень много помогал в синагоге, и делом, и деньгами, и советом, его уважали», – вспоминает дочь. У Елены Эноховны сохранились фото отца с друзьями прихожанами в Иркутской синагоге. Энох Шиевский был скромным человеком, работал портным, как и когда-то его отец, Хацкель Шиевский. Поскольку Энох был инвалидом, то трудился на дому. В доме была особая «дверца» в его мастерскую. Простреленная рука

его не разгибалась, вспоминает дочь. Он поджимал больную руку, вытягивал здоровую и произносил свою любимую поговорку: «Лучше давать, чем брать!» Энох Хацкелевич входил в число тех прихожан, которые помогали хоронить умерших евреев, собирали помощь бедным. «И вот я помню, прибежит грузная такая женщина, сядет на нашу маленькую скамеечку и давай: "Энох, ты чего сидишь? В синагогу приехали, делают что-то не так, давай иди, разбирайся!" Он просто знал все обряды, все правила, и вот к нему за помощью бежали, – вспоминает Елена Эноховна. – А как мы хоронили! Если еврей умирал, все приходили на кладбище, ходили с кассой, собирали на помощь семье».

Александр Сидоровский запомнил, как хоронили в 1945 году его деда по отцовской линии. «Весь обряд был сделан по еврейским традициям. Был чёрный катафалк, две чёрные лошади, на них – чёрные попоны, – вспоминает Александр Исаевич. – Везли на Лисихинское кладбище. Я уже потом, через много лет, видел, что этот катафалк просто стоял во дворе кладбища... Но это, как мне помнится, было до 1948 – 1949 года. Потом у нас умерла бабушка по материнской линии, и уже никаких катафалков не было, покойницу отвозили на машине, по традиции сопровождающие пешком шли до кладбища».

Прихожане старшего поколения всегда строго соблюдали обычаи. «Как бы семье не было туго, плохо, а в субботу папа не работал, никого в дом не приглашал. Суббота – только для семьи и дома, – вспоминает Елена Эноховна. – У папы была бутылочка кагора в столе,

где он кроил, шил. И вот потихоньку в субботу он ровно бутылочку выпивал. И синагога. Синагога в его жизни была номер один, все её дела, заботы, всё было для него очень важным. Так и помню: кепочку возьмёт и пошёл, дела у него в синагоге. У нас в семье хранились книги папины, по которым он молился. Потом, когда мы стали взрослыми, всё-всё увезли в синагогу, но потом, как вы знаете, был пожар, и эти книги сгорели. А что это были за книги! Старые-престарые, листочки ветхие... Как сейчас помню».

6 января 1946 года состоялось общее собрание еврейской общины, председательствовал на котором Яков Григорьевич Бронер, секретарём был М.И. Штейнберг. Бронер был избран председателем правления молитвенного дома, а Лейзер Хаимович Резник – культслужителем (так в документе. – *Авт.*). В протоколе было указано, что Лейзер Резник был избран на этот пост «как наиболее сведущий в религиозных делах человек Дома» (Там же. Л. 43). В архивах сохранилась справка о регистрации Резника уполномоченным Совета по делам религиозных культов при Совнаркомом Союза ССР по Иркутской области. Служитель культа, как гласит этот документ, был «зарегистрирован в качестве раввина религиозного общества иудейского вероисповедания, находящегося в г. Иркутске». Лейзер Резник имел право совершать религиозные обряды и требы по иудейским обычаям. Справку эту он должен был хранить, и вернуть уполномоченному, если оставит работу в качестве раввина (Там же. Л. 48).

Согласно анкетным данным, родился Лейзер Хаи-

мович Резник в 1871 году в городе Триполи Киевской области. Там же обучался с 12 лет еврейскому языку, продолжал учение и одновременно учил еврейских детей до 1919 года. С 1919 года по 1941 год в Киеве занимался починкой обуви и преподавал еврейский язык. «В 1941 году с семьёй был эвакуирован в Молотовскую область, состоял на иждивении дочери, работавшей счетоводом в колхозе "Победитель" Осинского района», – сказано в анкете. В Осинском районе семья Лейзера Резника жила до июня 1943 года, потом переехала в Иркутск. До сентября 1945 года Лейзер Резник не работал, жил на средства дочери и находящегося в Красной Армии сына. В сентябре Лейзер Хаимович поступил на должность охранника и истопника молитвенного дома Иркутской еврейской общины верующих. На вопрос анкеты: «Стаж еврейского религиозного культа» Лейзер Хаимович ответил: «С обрядом еврейского религиозного культа знаком, но стажа не имею». Согласно учётной карточке на действующую синагогу (Там же. Л. 207), Резник имел «специальное духовное среднее образование и светское ниже среднего». Согласно «Статистической сводке о служителях религиозных культов при молитвенных зданиях по Иркутской области на 31 декабря 1950 года», год посвящения Резника в духовное звание – с 1941-го по 1945-й, духовное образование – среднее, общее образование также – среднее (ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 29. Л. 1. «Статистические отчёты о зарегистрированных религиозных обществах, молитвенных помещениях и служителях культов за 1950 – 1960 гг.»). Резник также

исполнял функции моэла. Семья Лейзера Резника проживала в синагоге, так и указано в анкете: «Ул. Карла Либкнехта, д. № 17. Здание Еврейского Молитвенного дома» (Там же. Л. 44-44об.).

В Иркутске живёт внучка Лейзера Резника, Любовь Петровна Губерман, которая и рассказала о бабушке. Семья Лейзера Резника была эвакуирована в августе 1941 года из Киева, в тот момент Любе было только четыре года. Сначала семью направили в Молотовскую область, в деревню Городище. В 1942 году старшие Резник получили вызов от сына, который в качестве инженера был эвакуирован в Иркутск вместе со Старокраматорским машиностроительным заводом. Следом за бабушкой и бабушкой в Иркутск из Городища в 1946 году переехала мама Любви Петровны, сама Люба, тётя, а потом и вся семья.

Согласно сохранившемуся архивному документу, а именно жалобе Л.Х. Резника уполномоченному Совету по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (15 марта 1946 года СНК СССР преобразован в Совет Министров СССР. – *Прим. ред.*) в Иркутской области Иннокентию Житову, сам Лейзер Хаимович получал в синагоге зарплату в 1947 году 200 рублей, а его супруга поступила в молитвенный дом уборщицей, её работа оплачивалась 150 рублями в месяц. В жалобе Лейзер Хаимович указывал условия, на которых осуществлялась его работа: все пожертвования, которые он получал от прихожан, строго заносились в кассу общины. «Я же кроме получаемой зарплаты ничего требовать прав не имею», – писал Резник. Однако, будучи слу-

жителем культа, Лейзер Хаимович был поставлен в неприятное положение. Как и все в синагоге, он уплачивал подоходный налог, однако в 1947 году Кировский райфинотдел выставил ему требование уплатить дополнительно 4450 рублей налога. После жалобы в райфинотдел, сумма была понижена до 2307 рублей, хотя Л.Х. Резник просил несправедливость устранить полностью. Не помогла и жалоба в горфинотдел, вернее, помогла частично – сумма снова была снижена, теперь до 1074 рублей. Лейзер Хаимович просил Житова посодействовать ему в полном снятии несправедливого обложения. Тот направил собственное обращение в горфинотдел, но оттуда ответили, что просьба Резника уже частично удовлетворена, и далее следует обращаться в облфинотдел (Там же. Л. 134, 157, 158). Добился ли раввин справедливости, архивные документы не рассказывают. Но Л.Х. Резник представил все документы: справки правления общины, которые свидетельствовали – он жил только на зарплату, и откуда появился столь большой подоходный налог, неизвестно. С этой проблемой – повышенным подоходным налогом ему пришлось столкнуться и в 1950 году, и снова после его требований и жалоб налог за 1950 год был снижен с 512 рублей до 192 рублей (Там же. Л. 166).

1 марта 1946 года регистрацию прошли исполнительный орган и ревизионная комиссия иудейского религиозного общества. Председателем стал Яков Григорьевич Бронер, в состав вошли: Тойва Гершевич Шпейзер, Хаим Шепчиелев Бродинский, Илья Аронович Маншпайзер, Леонид Филиппович Санковский.

Ревизионная комиссия состояла из Льва Иудовича Гинзбурга (председателя), Арона Вульфовича Леви, Минея Яковлевича Нахмановича (Там же. Л. 46). 22 марта были изготовлены и представлены к заверению у уполномоченного Житова образцы штампа и печати еврейской общины (Там же. Л. 52). А уже в мае община сообщила куратору Житову, что готова заслушать отчёт о деятельности правления с 1 сентября 1945 года по 1 мая 1946 года. А также произвести доизбрание членов правления и ревкомиссии.

По-видимому, на посту духовного наставника иркутских евреев ранее был или же был заявлен в качестве кандидата Тойва (Тейве) Гершевич (Тимофей Григорьевич) Шпейзер 1881 года рождения, работавший в артели инвалидов. В архивах сохранился рукописный список членов правления и ревкомиссии иркутской еврейской общины верующих. На листе значится: «Дополнения к протоколу общего собрания, состоявшегося... (пробел)». Дата создания документа не указана, как и дата проведения общего собрания. Но в архивном деле этот документ включён в массив документов 1945 года. В списке правления, согласно этому документу, было шесть человек. Помимо уже известных Бронера, Маншпайзера, Бродинского, Санковского, включён и Л.Х. Резник. А вот в качестве культслужителя заявлен как раз Тимофей Григорьевич Шпейзер. Его стаж культслужбы, как гласит документ, 11 лет. Из этого списка мы можем узнать, что Я.Г. Бронер 1882 г.р. работал кустарём, Т.Г. Шпейзер 1881 г.р. – портным в артели «Авангард», И.А. Маншпайзер 1886 г.р. – в арте-

ли «ВС...» (название неразб. – Авт.), Х.Ш. Бродинский 1895 г.р. – в артели Иркутского областного коопинсоюза. Л.Ф. Санковский 1885 г.р. трудился в 13-й столовой. Члены ревизионной комиссии: Л.В. Леви 1880 г.р. – окулист, М.Я. Нахманович 1874 г.р. – инвалид. По Л.И. Гинзбургу сведения не указаны, стоит помета: «Выбыл временно (по болезни)» (Там же. Л. 22, 23). Сохранился в архивах протокол № 2 общего собрания верующих евреев города Иркутска от 7 октября 1945 года. На заседании состоялись перевыборы правления и ревкомиссии. В этом составе правления уже не было Л.Х. Резника, его место занял Городинский, состав ревкомиссии остался прежним (Там же. Л. 22, 23).

Согласно инвентарной описи за март 1946 года, общине верующих было передано имущества на 6625 рублей. В их числе были венские стулья, диван, столы, подсвечники и прочее, а также две занавеси «порейхес», кружка для пожертвований (Там же. Л. 49-49об.). Опись составлена в июле 1946 года, включала она одну парчовую занавесь «порейхес» (1000 рублей) и одну плюшевую (1,3 тысячи рублей).

12 мая 1946 года состоялось общее собрание иркутской еврейской общины верующих, присутствовали 68 человек. Как рассказал председатель правления общины Яков Бронер, с 1 сентября 1945 по 1 мая 1946 года было сделано главное: синагога в той части, что была передана общине, отремонтирована. В ходатайстве, направленном общиной в 1950 году на имя председателя исполкома облсовета депутатов трудящихся товарища И. Никольского, есть такие строки: «Когда

советские организации дали нам здание синагоги, мы, затратив на его восстановление свыше трёхсот тысяч рублей, были убеждены, что сможем выполнять все наши обряды...» (Там же. Л. 76). Правление вынесло особую благодарность активистам Гухман, Халепскому, Э.Л. Хаскину, И.А. Котёл, М.И. Штейнберг. Бухгалтер правления сообщил, что с 1 сентября 1945 года по май 1946 года поступило 85 939 рублей пожертвований, расход составил 80 480 рублей, остаток 5458 рублей. Благодарность общины получили товарищи Гинзбург и Леви, которые трудились в ревизионной комиссии. Члены общины поблагодарили их «за полезную работу и надлежащие советы правлению». Бронер, исполнявший обязанности заведующего погребальным братством, сообщил, что братство получило с 8 октября 1945 года по 1 мая 1946 года 17 868 рублей и потратило 13 329 рублей.

Но теперь верующим предстояло переизбрать правление и ревизионную комиссию, поскольку к маю 1946 года в правлении осталось только три человека. Яков Бронер сообщил, что уезжает из Иркутска (согласно более поздним документам, он остался в руководстве. – *Авт.*) и уже не может возглавлять правление, а член правления Маншпайзер вынужден был уйти из-за слабости здоровья. Покинул ревизионную комиссию и Гинзбург. В результате в правление были избраны Иосиф Абрамович Котёл, Исай Григорьевич Бронер, Леонид Филиппович Санковский, Нота Клементьевич Белинский, Давид Анисимович Рожанский, в качестве кандидатов – Моисей Борисович Бройт, Энох

Леонтьевич Хаскин. Ревизионная комиссия теперь состояла из Самуила Иосифовича Кузнецова, Меера Моисеевича Выгоды, Бориса Вениаминовича Слепунова. Иосиф Абрамович Котёл возглавил правление, а Яков Бронер стал его заместителем. Самуил Григорьевич Кузнецов был избран главой ревизионной комиссии (Там же. Л. 54, 55, 56).

Если посмотреть расшифровку административно-управленческих расходов Иркутской синагоги и погребального братства за июль 1946 года, то увидим, что в первой половине 1946 года в синагоге были отремонтированы крыша, кресла, инвентарь, печи. В статье «канцелярские расходы» значится раздел «переплетение книг». Покупались кисти, бахромы, видимо, для ритуальных занавесей, скатертей. 7350 рублей ушло на содержание административно-управленческого аппарата, 10 800 рублей – на сотрудников погребального братства. 500 рублей синагога затратила на погребение бедных, 659 рублей – на ремонт кладбища (Там же. Л. 127). Если обратиться к расшифровке административно-управленческих расходов за весь 1946 год, то можно узнать, что 1325 рублей было потрачено на оборудование синагоги электросетью. 70 рублей потратили на установку железной печи, на разборку печи и восстановление стены – 400 рублей, 300 рублей на перенос барьера между мужской и женской половинами. 21 751 рубль 20 копеек потрачено было на оформление колонн, стен и потолка синагоги. 1,5 тысячи рублей – на ремонт крыши с частичной покраской. 9390 рублей были отданы в качестве вознаграждения

канторам – Гессу, Левандовскому и Штельсону (Там же. Л. 137). Согласно объяснительной записке бухгалтера Штейнберга по балансу на 1 января 1947 года, 18 674 рубля были внесены в «расходы будущего времени», часть из них – это стоимость барьера, отделяющего женскую половину от мужской (Там же. Л. 136). Эти расходы должны были погашаться в дальнейшем в течение шести лет. Баланс 1946 года – 72 427 рублей (Там же. Л. 136). По итогам 1 квартала 1947 года баланс составлял 84 235 рублей 50 копеек. Более 13 тысяч рублей пожертвовали прихожане на содержание синагоги и похоронного отдела (Там же. Л. 141).

Ещё осенью 1946 года верующие евреи начали решать вопрос со статусом кладбища, о котором, как видно из смет, заботились. 6 сентября 1946 года в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР было направлено письмо правления общины. «Из прилагаемой при сём копии протокола № 13 от 10/VII-1931 г. Президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов видно, что погребальный дом, находящийся на еврейском кладбище, оставлен в пользовании верующих евреев, в котором после погребения умершего совершается религиозное богослужение евреев, – писало правление. – А между тем означенный дом и до сего времени находится в распоряжении Иркутского горземотдела, и охрану дома и кладбища возглавляет похоронное бюро, что противоречит протоколу заседания № 13. Правление общины полагает, что в соответствии с решением Совета по д.р.к. при СНК СССР от 12/X-1945 г. в городе Ир-

кутске еврейской общине Иркутским горсоветом депутатов трудящихся передана синагога и одновременно с этим должен быть передан погребальный дом, находящийся на кладбище, в полное распоряжение общины, со снятием охраны, возглавляемой горкомхозом, но несмотря на наше ходатайство, Ирк. горкомхоз до сего времени не снял своей охраны с погребального дома. Правление общины почтительно просит Совет религиозных культов сделать распоряжение Иркутскому городскому Совету депутатов трудящихся о полной передаче погребального дома общине со снятием ихней охраны ввиду того, что эта охрана противоречит религиозным верованиям евреев, т. к. охрану кладбища община имеет полную возможность принять на свой счёт». Документ подписал председатель общины Котёл, Яков Бронер фигурирует в этом документе уже как заведующий погребальным братством (ГАИО. Ф. Р-2951. Оп.1. Д.3. Л. 63).

Однако Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР на этот раз был непреклонен – оснований для передачи погребального дома общине он не нашёл. В адрес уполномоченного Житова 10 октября 1946 года было направлено письмо с разъяснениями. Житову предлагалось вызвать к себе представителей общины и сообщить им следующее. Президиум ВЦИК РСФСР 10 июля 1931 года оставил погребальный дом в пользовании верующих, но тогда община не имела синагоги. В 1945 году синагога была передана религиозной общине. «Теперь же, когда религиозное общество уже пользуется молитвенным зданием,

синагогой, то другое здание – погребальный дом не может быть ему предоставлено в том же порядке, то есть в бесплатное и бессрочное пользование», – было заявлено в документе. Кладбища, согласно Постановлению СНК РСФСР от 7 февраля 1918 года «О кладбищах и похоронах» находятся в ведении местных органов власти. Иркутский горкомхоз обязан обеспечивать охрану кладбищ и не имеет права передоверить охрану религиозной общине. Все строения на территории кладбища, включая «погребальный дом», также находятся в распоряжении горкомхоза. Иркутским верующим евреям указали, что по закону объединения верующих создаются «для коллективного удовлетворения их религиозных нужд только в форме религиозных обрядов». «Погребальное братство, которое, как видно из заявления, существует в Иркутске и возглавляется неким Бронером как монополярная организация для совершения ритуальных обрядов над умершими, преследующая цели извлечения прибыли, законом не допускается и подлежит роспуску», – указывалось в документе. Предполагалось, что ритуалы над умершими могут совершать по просьбе родственников отдельные верующие евреи. В документе отдельно указывалось, что название «Иркутская еврейская община верующих» неверно, Совет предлагал включить в название слово «религиозное» и заменить слово «община» на «общество». Если бы иркутские евреи отказались поменять название, печать и штамп самостоятельно, милиция бы изъяла их (Там же. Л. 62).

12 ноября 1946 года товарищ Житов отчитался в

Совет о проделанной работе. Он сообщил, что до революции при Иркутской еврейской синагоге существовало погребальное братство, насчитывающее до 600 членов, которые платили 10 рублей членских взносов. «В настоящее время такого погребального братства нет, а сохранилось лишь название его и стремление возобновить его, – писал Житов. – В соответствии с параграфом 5 раздела II Инструкции для уполномоченного Совета еврейскому религиозному обществу не предоставляется право владения кладбищем и погребальным домом». Житов сообщал, что ритуальные обряды над умершими совершали два человека – Бронер и Хаскин. Они взимали плату за совершение религиозных обрядов и получали зарплату от религиозного общества. Иркутские верующие, с его слов, на свои средства проводили благоустройство кладбища, согласуя свои мероприятия с Горлесземтрестом. При этом Житов указывал, что само еврейское кладбище, погребальный дом, охрана находятся в полном ведении Горлесземтреста, и кладбище управляется им на равных началах со всеми кладбищами других вероисповеданий. «Представителям религиозного общества сделано соответствующее разъяснение, запрещено впредь именовать действия двух лиц погребальным братством и ритуальные обряды над умершими проводить по просьбе родственников умерших», – писал И. Житов (Там же. Л. 61). В дальнейшем, как покажет время, иркутские верующие на свои средства будут ремонтировать кладбище, однако община не будет владеть им.

Между тем в 1946 году в синагоге появились ковчеги для хранения Торы. По данным на 1 января 1947 года, в списке инвентаря, учитываемого по основным средствам синагоги и принадлежащего иркутской еврейской общине верующих, числилось: два «Орейн кадеш» (так в документе. – *Авт.*), стоимостью 5 и 7,6 тысячи рублей, хупа, амвон, тумба для подсвечников, кресла, скамейки. Общая сумма – 25 тысяч 750 рублей. В списке инвентарного имущества, находящегося в синагоге, принадлежащего иркутской общине верующих были пять занавесей «порейхес», скатерти, подсвечники, скамейки и прочий инвентарь на сумму 10 959 рублей. На кладбище на ответственном хранении заведующего похоронным отделом Бронера находились вещи, используемые для совершения обрядов, такие как белый халат, холщовые полотенца, кружки для сбора и другое на общую сумму 1210 рублей 20 копеек (Там же. Л. 66, 67, 68-68об.). Само же здание синагоги по улице Карла Либкнехта, 17, даже после ремонтов, оставляло желать лучшего.

Несмотря на то, что в 1945 – 1946 годах второй этаж здания был отремонтирован верующими евреями, усадьба была очень запущена. Правление несколько раз просило исправить ситуацию. 20 апреля 1947 года уполномоченному по делам религиозных культов при Совмине СССР по Иркутской области И. Житову было направлено очередное письмо. Члены правления сообщали, что до передачи в сентябре 1945 года второго этажа синагоги верующим здание несколько лет использовалось как общежитие завода имени Куйбыше-

ва, а с мая 1945 года и по 1947 год на первом этаже располагался заводский детский сад № 4. Когда иркутские верующие иудеи принимали здание, то был составлен акт, в котором перечислены все дефекты, в частности говорилось о ненадлежащем состоянии лестницы, ведущей на второй этаж, и переполненной нечистотами уборной на 10 очков. Во дворе усадьбы также находилась переполненная помойная яма, горы шлака, разрушавшие ворота и забор. Община вручила копии акта Горкомхозу и директору завода имени Куйбышева, однако со стороны завода ничего не было сделано, и весной 1946 года усадьба была в том же незавидном состоянии. Община обращалась к председателю Кировского исполкома, тот отдал распоряжение привести усадьбу в порядок, но и его слова не возымели действия. Даже звонок председателя горсовета Александра Рудакова директору завода Константину Брехову, совершённый после обращения членов общины, ничего не решил (Там же. Л. 69). 16 августа 1947 года община направила письмо уполномоченному по религиозным культам И. Житову, в котором указывала, что вместе со вторым этажом здания синагоги по договору с Горкомхозом, в 1945 году верующим евреям были переданы сторожка во дворе усадьбы и ещё одна избушка, использовавшаяся ранее под микву. В сторожке на 27 кв. м жила гражданка Гриценко с семьёй из 5 человек, в бывшей «микве» на 12 кв. м – гражданин Гудков. Правление ходатайствовало о переселении жильцов перед городскими и районными жилуправлениями, но тщетно. Теперь иркутская еврейская община просила

Иннокентия Житова ходатайствовать перед Иркутским горсоветом о вынесении дополнительного решения о переселении жильцов в другое место. Позже община даже выигрывала суды, но жильцы так и не съезжали (Там же. Л. 80).

Весной 1947 года состоялось новое переизбрание правления общины. 82 верующих 5 марта 1947 года избрали председателем общины Иосифа Абрамовича Котла 1871 г.р., кустика, в правление – Самуила Иосифовича Кузнецова 1875 г.р., работавшего в Бюро экспертиз, Залмана Борисовича Халепского 1875 г.р., инвалида, Исаю Григорьевича Бронера 1887 г.р., заведующего похоронным отделом, Арона Вульфовича Леви 1880 г.р., пенсионера, Илью Хановича Маншпайзера 1886 г.р., работавшего в Коопинсоюзе, Моисея Хановича Гухмана 1876 г.р., пенсионера. В ревизионной комиссии были 3 человека: председатель Л.И. Гинзбург, И.Б. Менделеев, И.Л. Винокуров. В мае, когда список подавался уже на регистрацию в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, фамилия Гухмана из списка по неизвестным причинам была удалена (Там же. Л. 70, 71). Однако согласно справке от 21 мая 1947 года, направленной уполномоченным Совета по делам религиозных культов Иннокентием Житовым в Иркутский областной Совет депутатов трудящихся, И.А. Котёл ушёл из жизни. Напротив его фамилии в списке стоит карандашная помета «умер». В справке Житова существенно изменён и состав правления: к Бронеру, Леви и Маншпайзеру снова присоединился Моисей Ханович Гухман, а также Моисей Борисович

Бройд. Залман Халепский больше в списке не фигурировал (Там же. Л. 88). Обязанности председателя правления, судя по дальнейшим документам, принял на себя Самуил Иосифович Кузнецов. Именно в качестве председателя правления он отмечен в списке общины за 23 августа 1947 года и протоколе общего собрания прихожан за 20 июня 1947 года (Там же. Л. 75, 82).

В начале июня 1948 года правление предприняло попытку вернуть себе всё здание синагоги. Община обратилась к уполномоченному по делам религиозных культов Иннокентию Житову с сообщением: в скором времени детский сад № 4 завода имени Куйбышева переезжает в собственное помещение завода, и первый этаж синагоги освобождается. Верующие евреи просили Житова предложить Иркутскому горсовету передать первый этаж общине, создать комиссию из представителей Горкомхоза, завода имени Куйбышева, еврейской общины верующих. 4 июня 1948 года Житов направил письмо председателю исполкома Иркутского горсовета депутатов трудящихся А.В. Рудакову письмо, в котором просил «закрепить за религиозным обществом иудейского вероисповедания полностью всё здание синагоги по ул. Карла Либкнехта, № 17» (Там же. Л. 86, 87). По-видимому, в этом прошении было отказано, так как синагога и в последующие годы размещалась на втором этаже здания.

Общее собрание прихожан 20 июня 1948 года, в котором приняли участие 58 верующих, признало работу правления за период с 1 января 1947 года по 20 июня 1948 года «в целом неудовлетворительной». По мне-

нию выступавших, за это время уменьшилось число пожертвований, на 4430 рублей снизились оборотные средства по мацепекарне, поскольку работа по сбору пожертвований правлением не велась. На собрании произошла очередная плановая смена правления. Председателем стал Энох Хацкелевич Шиевский. Зам-председателя – И.Г. Бронер, казначеем – М.А. Гухман, в правление вошли М.С. Лабунский, И.Б. Менделеев. Кандидаты – А.В. Леви, М.Б. Бройт. Ревизионная комиссия – М.М. Выгода, Б.В. Слепунов и И.П. Паперных. Л.Х. Резник, И.Г. Бронер, М.Б. Бройт, Э.Х. Шиевский были определены ответственными по сбору пожертвований на содержание синагоги и кладбища. Бронер и Бройт стали заведующими хозяйством синагоги (Там же. Л. 82, 84).

Если обратиться к таблице поступления пожертвований от прихожан на содержание синагоги и кладбища за три месяца 1945 года и 1946 – 1948 годы, то динамика, определившая мнение общины, назвавшей работу предыдущего правления «неудовлетворительной», будет видна. В 1945 году прихожане собрали 73 321 рубль, в 1946-м – 77 741 (в том числе за места 27 690 рублей), в 1947 году – 74 751 (14 140 за места), в 1948 году – 54 500 (за места 1100 рублей). В 1945 году в синагоге было занято 172 места, 79 мужских и 93 женских. Годом позже – 156 мест (57 мужских и 99 женских), в 1948 году – 127 мест, из них 57 за мужчинами, 76 за женщинами. В 1945 году на содержание синагоги и кладбища было потрачено 29 031 рубль, в 1946 году – 103 697 рублей, в 1947-м – 77 329, 1948-м – 66 971.

Сюда входила зарплата, приобретение инвентаря, содержание молитвенного дома и кладбища, налоги, страховые сборы. Особая статья – фонд семей военнослужащих. Например, в 1946 году на семьи солдат и офицеров община потратила 5 тысяч рублей. (Там же. Л. 92). В это время, согласно инвентарному списку на 1 июля 1948 года, в синагоге находились: «Орейн-Хойдешь» малый (цена 5 тысяч рублей) и «Орейн-Пойзешь» большой (цена 7 тысяч рублей), хупа для венчания (250 рублей), тумба для подсвечников, амвон. Пол был застелен ковром, имелись 5 занавесей «порейхес» (плюшевые, шёлковые, полотняные), скамейки, стулья, подсвечники, ритуальный инвентарь. Инвентарный список включал и похоронный отдел, и оборудование мацепекарни. В списке инвентаря мацепекарни было 10 халатов и фартуков, 5 тубетеек, 10 специальных резцов, 2 лома для мялки теста, лапшерезная машина и другое. Всё имущество по синагоге, погребальному братству и мацепекарне оценивалось в 41 116 рублей 22 копейки (Там же. Л. 93-93об., 94).

О результатах работы нового правления председатель Энох Шиевский доложил 2 января 1949 года на общем собрании прихожан. С июля по декабрь 1948 года община сумела собрать 36 616 рублей пожертвований, в том числе месячных – 7836 рублей. На содержание синагоги и кладбища было потрачено 41 616 рублей, то есть перерасход составил 5 тысяч рублей. Необходимо было покрасить полы в синагоге, отремонтировать крышу, восстановить забор, на всё это было потрачено 13 567 рублей. Бухгалтер Штейнберг сообщил, что

в целом пожертвования за 1948 год составили 53 811 рублей, расход – 64 231 рубль (в сводной таблице, данные из которой приведены ранее, сведения несколько иные – 54 500 рублей пожертвований, расходы были 66 971. – *Авт.*). Превышение расходов над пожертвованиями – 10 420 рублей. В целом работа правления под руководством Эноха Шиевского была оценена высоко, ревизионная комиссия отметила, что ему удалось сплотить правление и провести большой капремонт. Правлению от лица общего собрания была вынесена благодарность (Там же. Л. 95-95об.). На этом заседании было избрано новое правление. Председателем правления стал Залман Борисович Халепский, заместителем – Исай Григорьевич Бронер, в правление вошли Моисей Ханович Гухман, Борис Гершевич Шейнин, Лейзер Хаимович Резник. Кандидатами стали Леонид Филиппович Санковский и Самуил Иосифович Кузнецов. В ревизионной комиссии – Лейзер Соломонович Ментус, Меер Моисеевич Выгода, Матвей Соломонович Лабунский (Там же. Л. 101).

С 1947 – 1948 года община активно приступила к организации производства мацы к празднику Песах. Согласно протоколу заседания общины от 20 июня 1948 года, где собрались 58 прихожан, перед пасхальными праздниками была организована мацепекарня, которая полностью удовлетворила потребности прихожан в маце (Там же. Л. 82). 20 января 1948 года председатель правления Самуил Кузнецов направил уполномоченному Иннокентию Житову письмо следующего содержания: «Правление общины просит Вашего раз-

решения на производство при синагоге, в его правом приделе, печения мацы «опресников», необходимой для снабжения населения евреев, проживающих в городе Иркутске и его окрестностях к дням празднования «Пасхальной недели» с 20 апреля по 2 мая на время, которое верующим евреям по их религиозному обряду запрещено употреблять обыкновенные хлебные изделия. Работа по выпечке мацы будет произведена с 15 марта по 23 апреля». В этот же день на имя Иннокентия Житова ушло ещё одно письмо из общины. Верующие евреи узнали, что в одной из хлебопекарен Иркутска находится машина по производству выкатывания теста для мацы и машина по трамбовке теста. Они были изъяты у общины в 1936 году, и теперь религиозные иудеи просили Житова посодействовать и предложить Тресту хлебопекарен вернуть эти машины общине. Житов не мог принять решение самостоятельно, поэтому 23 января 1948 года запросил указаний Совета по религиозным культам при Совете Министров СССР. 7 февраля, ожидая ответа, иркутские верующие евреи направили Житову второе письмо: «Ввиду наступающего празднования еврейской пасхальной недели, "Праздник опресников", в память исхода евреев из Египта, из дома рабства, в которую, как Вам известно, по религиозному обряду евреев воспрещено употреблять в пищу все квашеное, в том числе и хлеб, от еврейской массы г. Иркутска поступают просьбы о снабжении их опресниками, «мацей», желая пойти навстречу их законным по религиозному обряду просьбам, Правление приступило к оборудованию пекательной печи в

первом приделе здания синагоги, а также к приобретению необходимого для выпечки опресников инвентаря». Евреи просили выйти с ходатайством перед Облторготделом об отпуске за наличный или безналичный расчёт 3,4 тонны муки крупчатки (исходя их потребления 500 граммов на человека в день). По подсчётам общины, в Иркутске было около 200 еврейских семей из 800 человек, которые не были обеспечены мукой (Там же. Л. 77.) 14 февраля в Иркутск из Москвы от Совета по делам религиозных культов пришёл ответ: поскольку карточная система отменена, каждый верующий может изготавливать для себя мацу по собственному желанию, значит, и участие в этом религиозной общины отпадает (Там же. Л. 78-78об., Л. 79-79об., 81). Иннокентий Житов, по-видимому, написал свой ответ общине, который в архивном деле не сохранился. Но то, что проблемы с выпечкой мацы в самом здании синагоги существовали не один год, свидетельствует другой документ.

В архивных материалах сохранилось ходатайство от правления общины уполномоченному Совету по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Иркутской области И. Житову. Письмо не датировано, однако в самом ходатайстве указывается, что Песах, к которому готовилась община, должен был прийти на 2 апреля, а это 1950 год. Письмо подписано председателем правления Локшиным. «Как известно, выпечка мацы к празднику "Пасхи" составляет важнейшую, освящённую веками, ритуальную часть религии, – писали иркутские евреи. – Все прошлые годы выпечка мацы проходила без всяких препятствий, и сотни се-

мей верующих безвозбранно отправляли свои религиозные потребности. Выпечка мацы производилась в одном из подсобных помещений синагоги (отнюдь не в молитвенном зале). Работа производилась 40 – 50 дней. Из небольших доходов, получаемых при выпечке, правление общины имело возможность обеспечивать мацой бесплатно тех, кто не имел материальной возможности купить её, а помощь нуждающимся является также из предписаний религии. Весь этот порядок существовал, как сложившаяся прочная традиция, не идущая вразрез с законами Советского государства, и на наш взгляд, полностью согласующаяся с Конституцией СССР, провозгласившей свободу религиозных учреждений и давшей право всем верующим свободно отправлять свои культовые обряды». По мнению правления, положение о свободе культов и традиция были «грубо попораны» уполномоченным по делам религиозных культов Иннокентием Житовым. «Опираясь на совершенно необоснованные доводы, гр. Житов запретил выпечку мацы в синагоге, мотивируя тем, что мы не можем использовать для этой цели молитвенное здание». Правление указывало, что если пользоваться этой логикой, то на первом этаже здания синагоги не должно размещаться общежитие Мединститута, а на втором – квартира служителя культа. «Далее, нам не понятно, почему гр. Житов печётся за чистоту молитвенного зала более, чем мы, верующие», – писали иркутские евреи. Правление готово было перенести выпечку мацы в отдельный дом во дворе, который был передан общине вместе со зданием синагоги, однако

там жили люди, несмотря на вынесенные судебные решения. После получения распоряжения Иннокентия Житова, правление обратилось в промысловые артели, попытавшись отдать заказ на выпечку мацы им. Но все артели отказали (Там же. Л. 76). Согласно ещё одному письму, направленному на имя Никольского, по-видимому, в феврале 1950 года, правление сообщало, что артель «Победа» готова выполнить заказ, но опасается, что заказ исходит от религиозной организации. Евреи просили Никольского дать указание правлению «Победы», что выпечка мацы не противоречит советским законам (Там же. Л. 60). Как развивались события дальше, неизвестно, однако в акте общины от 2 февраля 1951 года значится «инвентарь бывшей мацепекарни». Можно предположить, что выпечку мацы в 1950 году в здании синагоги так и не разрешили (Там же. Л. 143). Проблемы с выпечкой мацы в здании синагоги были и в последующие годы.

Выпечка мацы была очень сложным предприятием. Для решения этого вопроса собиралось отдельное заседание «двадцатки». Например, 6 февраля 1954 года 11 членов «двадцатки» и 6 прихожан собрались, чтобы просить «знающих людей» – Моисея Исаковича Штейнберга и Абрама Яковлевича Абрамовича «взять на себя труд по организации пекарни для выпечки мацы». Нужно было срочно заняться заготовкой топлива, проверкой состояния машин, инвентаря. Необходимо было ежегодное разрешение уполномоченного Совета поделам религиозных культов при Совете Министров СССР по Иркутской области на выпечку мацы в комнате

здания синагоги, где имелась специально оборудованная печь. Соответствующее прошение на имя Иннокентия Житова было направлено 10 февраля 1954 года, однако Житов отказал. «Изготовить мацу разрешается верующим в индивидуальном порядке», – ответил он (Там же. Л. 210, 211). В итоге выпечка мацы всё же состоялась, но, согласно кассовому отчёту от 17 мая 1954 года, община арендовала помещение под производство. С 23 февраля по 15 апреля было выпечено 7156,8 кг мацы на общую сумму 51 045 рублей 20 копеек (Там же. Л. 214). 9 мая 1954 года на собрании общины было доложено: коллективу за выпечку мацы уплачено 43 366 рублей 98 копеек, около 2,4 тысячи было потрачено на дрова, 2 тысячи – на аренду помещения. Остаток средств в 1,4 тысячи рублей поделили – 600 рублей отправили на счёт общества Красного Креста и Полумесяца, а остальное потратили на благоустройство кладбища (Там же. Л. 215-215об.).

15 января 1950 года состоялось общее собрание, на котором председатель Залман Халепский представил отчёт о деятельности правления за 1949 год. Он сообщил, что прихожане оказали серьёзную поддержку синагоге, и потому финансовое состояние общины по сравнению с январём 1949 года улучшилось. Бухгалтер Штейнберг озвучил цифру пожертвований – 58 752 рубля. На содержание синагоги и кладбища было потрачено 49 483 рубля, в результате даже сформировался остаток – 13 033 рубля. На этом же заседании заведующий хозяйством Бронер сообщил, что в этом году исполняется 50 лет со дня открытия нового кладбища,

и крайне необходимо реставрировать памятник Герзони и Файнберга, основателей его, а также погибшим в 1905 году от рук убийц братьям Винер. Бронер предложил будущему правлению разработать смету на реставрацию памятников. Работу правления признали удовлетворительной и вынесли благодарность его членам (Там же. Л. 112). 22 января состоялись перевыборы правления общины и ревизионной комиссии, присутствовали 29 прихожан. Председателем был избран Залман Хаимович Локшин, в состав вошли Л.Х. Резник, И.Г. Бронер, М.Б. Бройт, Л.Д. Санковский. В ревизионной комиссии – председатель С.И. Кузнецов, члены Т.Г. Шпейзер, Д.А. Ружанский (Там же. Л. 113, 114). Лейзер Хаимович Резник по-прежнему исполнял обязанности служителя культа, раввина. 11 февраля 1951 года на очередном собрании общины снова было переизбрано правление, работу которого признали хорошей. Председателем снова стал З.Х. Локшин, членами правления стали Т.Г. Шпейзер, Л.Х. Резник, кандидатами – И.Г. Бронер, М.Б. Бройт. В ревизионной комиссии оказались Э.Х. Шиевский, Л.Я. Цицарский, С.И. Кузнецов. Особо была отмечена работа по восстановлению кладбища и ремонта синагоги. Однако было предложено производить ремонты только с разрешения правления общины и с учётом замечаний, указанных на расширенных собраниях правления (Там же. Л. 147).

Интересен список актива синагоги с 1945 по 1950 год, который был составлен уполномоченным Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Иркутской области Иннокентием Житовым. В

списке 30 человек, которые оказали наибольшее влияние на восстановление и жизнь синагоги в первые пять лет после войны. Это братья Бронер – Яков Григорьевич (1882 г.р.) и Исай Григорьевич (1887 г.р.), первый был главой и членом правления в 1945 – 1946 годах, второй – с 1946 года по 1950-й. Они же занимались кладбищем. Тойва Гершевич Шпейзер (1881 г.р.) – был в правлении в 1946 году. Илья Аронович Маншпайзер (1886 г.р.) – в 1945 и 1947 годах, в ревизионной комиссии – в 1950-м, Хаим Шенчилевич Брединский (1895 г.р.) входил в правление в 1945 году. Леонид Филиппович Санковский (1885 г.р.) работал в правлении в 1945, 1950 годах, Иосиф Абрамович Котёл (1871 г.р.) – в 1946, 1947 годах. Давид Анисимович Ружанский (1881 г.р.) трудился в правлении в 1946 году, в 1950-м – в ревизионной комиссии. Нота Климентьевич Белинский (1886 г.р.) был в правлении в 1946 году. Самуил Иосифович Кузнецов (1875 г.р.) занимал пост в правлении в 1947 году, а в 1946 – 1949 годах был в ревизионной комиссии. Залман Борисович Халепский (1875 г.р.) входил в правление общины в 1947, 1949 годах. Арон Вульфович Леви (1880 г.р.) был в ревизионной комиссии в 1946 году, в 1947 – 1948 годах входил в правление общины. В правлении в 1947 – 1949 годах работал Моисей Ханович Гухман (1876 г.р.). Моисей Борисович Бройд (1881 г.р.) избирался в правление общины в 1947 и 1948 годах. Энох Хацкелевич Шиевский (1897 г.р.) – в 1948 году. Матвей Соломонович Лабцинский (1883 г.р.) в 1948 году был в правлении, в 1949-м – в ревизионной комиссии. Ревизию дел в синагоге в 1947 году осуществ-

влял Иосиф Вульфович Менделеев (1885 г.р.), а в 1948 году он же вошёл в правление. При первых шагах по восстановлению синагоги в 1946 году в правлении работал Борис Гершевич Шейнин (1882 г.р.). Залман Хаимович Локшин (1871 г.р.) возглавил правление в 1950 году. С самого начала открытия синагоги и по 1947 год в ревизионной комиссии работал Лев Иудович Гинзбург (1881 г.р.). Его коллега по ревизионному делу Миной Яковлевич Нахманович (1878 г.р.) был в составе комиссии в 1945 году. Меер Моисеевич Выгода (1878 г.р.) в 1946 и 1948 годах. В составе ревизионной комиссии были: Борис Вениаминович Слепунов (1892 г.р.) в 1946, 1948 годах, Исаак Львович Винокуров (1890 г.р.) – в 1947 году, Исай Леонтьевич Паперных (1887 г.р.) – в 1948 году, Лейзер Соломонович Ментус (1879 г.р.) – в 1949 году. Энох Лейбович Хаскин (1868 г.р.) с открытия синагоги в 1945 году и до 1950 года вёл похоронное дело. Моисей Исаакович Штейнберг (1875 г.р.) в 1945 – 1950 годах исполнял обязанности бухгалтера общины. Лейзер Хаимович Резник (1871 г.р.) все эти годы был раввином. Данные приводятся именно за 5 первых лет, многие члены общины продолжали свою деятельность в составе правления и ревизионной комиссии и после 1950 года.

Первым председателем правления в 1945-м – начале 1946 года был Яков Бронер, в 1946 году его сменил Иосиф Котёл, который был переизбран в 1947 году, однако ушёл из жизни. Ушедшего сменил Самуил Кузнецов, проработавший до июня 1948 года. После этого председателем стал Энох Шиевский, в 1949 году – Зал-

ман Халепский, в 1950 году – Залман Локшин. Ревизионную комиссию возглавляли Лев Гинзбург (1946 – 1947), Меер Выгода (1948), Лейзер Ментус (1949), Самуил Кузнецов (1950). «Этот список представляет актив еврейской синагоги, – писал Иннокентий Житов. – Из этого списка видно, что состав правления и ревизионной комиссии синагоги комбинируется из одних и тех же лиц. Это свидетельствует, что дело в синагоге взяла на себя одна сколоченная группа людей, которая материально заинтересована в нём, часть её находится в родственных отношениях» (Там же. Л. 185).

Известно, что в 1946 году казначеем погребального братства был Моисей Гухман (Там же. Л. 122), он же в 1947 – 1949 годах входил в правление, в 1948 году был казначеем правления, неоднократно община выносила ему особую благодарность за заботу о синагоге. Занимался он синагогой в последние годы своей жизни – в 1945 году молитвенный дом стали восстанавливать, а в 1953-м Моисея Хановича не стало. Его дело продолжил после смерти сын, Израиль Гухман. Нам удалось найти в Иркутске внука Моисея Гухмана, он сегодня тоже ходит в синагогу. «Прадед умер в 1953 году, а я родился в 1954-м. Меня назвали в честь прадеда, – рассказывает иркутянин Михаил Винокуров. – Конечно, прадедушку я никогда не видел, но мой дед, Израиль, принимал участие в жизни синагоги, входил в десятку, бывал на субботних молитвах. И я в своё время тоже помогал – печку топил ночами, выпекали-то мацу прямо здесь, в синагоге. Мой дед приехал в Иркутск из Бодайбо, работал на приисках. Как он мне рассказы-

вал, раньше не было никакой механизации, и землю из шахт выносили вручную, на своём горбу. Дед был простым рабочим. Позднее работал на кондитерской фабрике, ныне это торговый центр "Карамель", на Партизанской. Когда я стал интересоваться своими предками, жизнью общины, то пошёл на кладбище, там была могила прадеда, Моисея Гухмана. А дед работал в синагоге примерно в 1970-е годы. Обстановка тогда была совсем другой. Парадный вход в здание всегда был закрыт, а входили по лестнице сбоку. Люди так и приходили за мацей – кому-то надо было три килограмма, кому-то пять килограммов. И на твоих глазах её замешивали, отдавали на выпечку по конвейеру. А я помогал в своё время и днём, а потом и ночью, заменял истопника, меня дед попросил.

Один раз, я помню, он был ответственным за полную выпечку мацы: нанимал людей, пекаря. Интересно это было – и нарезка мацы, и специальная машина, которая выбивала дырочки в тесте. Помню, на втором этаже был молитвенный зал, читали свитки Торы. И как-то один раз свитки оказались у нас дома. Я не помню в связи с чем, вероятно, дед помогал их реставрировать, приводить в порядок, и это воспоминание сохранилось.

Дед с бабушкой и дома соблюдали все обычаи, в семье на Песах была маца и другие традиционные блюда. Помню хорошо кнейделки (кнейдлах – традиционные клёцки, которые едят с бульоном в праздник Песах. – *Авт.*). Были у нас и традиционные игры на Песах. Когда-то я играл маленький, а потом показал эту

нашу игру и внукам. Берётся грецкий орех, килограмм-два, табуреточка и доска. И начинаем катать орешки с "горки". Все катают по очереди, если чей-то орех задел другой, игрок забирает оба орешка».

Михаил Винокуров всерьёз начал заниматься историей семьи около трёх лет назад. «С трудом нашёл могилу своей прабабушки по материнской линии на старом еврейском кладбище. Потом стал искать прабабушку по отцовской линии. Я помнил, что отец меня водил на кладбище и показал могилку, сказал: "Вот здесь баба Хая". Спустя много лет я пришёл туда, но не нашёл могилу Хаи Винокуровой. Я ведь думал, раз отец был Винокуров, я Винокуров, и бабушка должна быть Винокурова. Думали, что могила утрачена. Я неоднократно ходил на кладбище. И тут мой приятель, с которым мы росли с детства, посоветовал сходить в ЗАГС. И они нашли, оказалось, что у моей бабушки была фамилия вовсе не Винокурова, а Гринберг. И я сразу из ЗАГСа сел на трамвай и – на кладбище. И вот она, пожалуйста, могила Хаи Гринберг. Как сердце у меня сразу успокоилось! И я выбрал день, всю могилу почистил, обновил буквы на мраморной доске. И теперь постоянно прихожу. Я сам время от времени бываю в синагоге, просто мне трудно, потому что я не знаю языка, но покупаю мацу регулярно, потому что к ней меня с детства приучила бабушка, я очень люблю это кушанье. Сейчас мне стало интересно, откуда мы, кто были наши бабушки, дедушки, история семьи восстанавливается, и от этого мне становится спокойно на сердце. Значит, прадед Моисей не зря восстанавливал

синагогу».

Во времена Моисея Гухмана в синагогу на молитвы приходило около 20 – 30 человек, а по большим праздникам – 300 – 350 и даже до тысячи человек. На 1 января 1951 года в синагоге имелись, согласно инвентарной ведомости: амвон, два «Орейн-Кодеша» – малый ценою 5 тысяч рублей, и большой – 7,6 тысячи рублей (с учётом произошедшей уценки – 3 и 4 тысячи соответственно). Прихожане могли разместиться на 20 трёхместных креслах, или на 17 трёхместных скамейках, 6 четырёхместных и двух больших на семь мест. 250 рублей стоила венчальная хупа. В зале были 24 подсвечника на 1 свечу, 2 на 5 свечей, 2 на 8 свечей. В синагоге хранилось оборудование для производства мацы: «вальцовка тестомес» (так в документе. – *Авт.*), резальная машина, колёса к машинам. В «инвентаре мацеобеспечения» значились различные скатерти: салфеточная, мережковая, с голубой каймой, белая с кистями тёмно-зелёная. В эту опись были включены и занавеси «порейхес» – белая шёлковая ценой 800 рублей, тёмная за 150 рублей, зелёная 500 рублей, плюшевая – 1 тысяча рублей, парчовая – 500 рублей. А также белый полотняный китл. Отдельным списком шёл инвентарь похоронного отдела, включавший, в частности, специальные халаты, кружки для сбора, шорки, постромки, шлеи для лошадей погребального катафалка, стол для обмывания и другое (Там же. Л. 153, 154, 155, 156).

Согласно отчёту о движении денежных средств иркутской еврейской общины верующих за 1950 год,

всего поступило доходов 42 675 рублей 20 копеек. В том числе разных пожертвований – 39 676 рублей 81 копейка. Израсходовано было 41 167 рублей 69 копеек. С учётом средств на текущем счету на 1 января 1951 года в сумме чуть более 14 тысяч рублей, баланс 1950 года составил 55 709 рублей 15 копеек (Там же. Л. 149). На 1 января 1952 года баланс составлял 65 749 рублей 59 копеек, поступило пожертвований более 48 тысяч рублей (Там же. Л. 160, 161). В 1951 году, согласно отчёту, озвученному председателем Локшиным на общем собрании прихожан 10 марта 1952 года, в синагоге был частично оштукатурен потолок, была сделана облицовка фасада и кровли, ремонт кровли и труб, ремонт кладбища. Правление вынесло благодарность Цицарскому и Санковскому за то, что они безвозмездно вставили новые стёкла в синагоге. Член правления Бронер, заведующий погребальным делом, сообщил, что в течение 1951 года было собрано несколько тысяч рублей жертвователями за погребение родных и по кружковому сбору. Он считал, что эти деньги нужно направить на ремонт кладбища и синагоги (Там же. Л. 162-162об.).

Однако ревизионная комиссия, от имени которой выступал товарищ Кузнецов, отметила «неудовлетворительное состояние денежной отчётности», а прихожане в прениях выразили неудовольствие деятельностью члена правления Т.Г. Шпейзера, неправильно израсходовавшего некоторую часть средств (менее 100 рублей). В результате было принято решение рекомендовать будущему правлению установить более

строгий контроль за расходованием средств, составить смету по капитальному и текущему ремонту синагоги и кладбища. Эту смету необходимо было представить на расширенное заседание «двадцатки» и ревизионной комиссии (Там же. Л. 162, 163). Председателю правления Локшину, членам Цицарскому, Санковскому была вынесена благодарность «за бескорыстное отношение к нуждам синагоги». Залман Хаимович Локшин был переизбран председателем правления, в новое правление вошли: Лейзер Хаимович Резник, Давид Юколевич Киршенбаум, Леонид Филиппович Санковский, Энох Лейбович Хаскин, в ревизионную комиссию: Самуил Иосифович Кузнецов, Факшел Мелхавич Винников, Абрам Л. Абрамович.

Случались в синагоге и неприятные происшествия. 29 октября 1951 года председатель правления Локшин направил уполномоченному по делам религиозных культов Житову заявление. В нём рассказывалось о странном и весьма неприятном происшествии во время празднования 10 октября Йом-Кипура. Во время богослужения в синагогу вошёл незнакомый молодой человек, «и стал подозрительно кого-то глазами искать и вести неприлично». Когда кто-то из молящихся подошёл к нему спросить, в чём дело, он начал вести себя дерзко. Его попросили удалиться, но он продолжал кого-то выискивать. Когда раздался крик, что пришедший держит запрянтанный в руке нож, Яков Григорьевич Бронер взял молодого человека за руку, и они пошли к выходу. Как выяснилась, фамилия молодого человека Гройсман. Люди начали успокаиваться, но не прошло и

полчаса, как из смежной комнаты раздался крик – кого-то ранили. Публика бросилась обратно. Оказалось, Гройсман вернулся, его заметили Моисей Тимофеевич Шнейзер и Илья Залкинд, попросили удалиться, но Гройсман кинулся на них с ножом в руках. Разрезал руку Шнейзеру и костюм на Залкинде. Он был схвачен, обезоружен и уведён в 6-е отделение милиции. Раненого Шнейзера увезли на перевязку. О молодом человеке общине ничего не было известно, как и о мотивах его поступка (Там же. Л. 142).

Согласно архивным документам, в 1952 году в число граждан-евреев, которые выступали контрагентами по договору с горсоветом на использование синагоги, входил 21 человек. По сути, это костяк синагоги, «двадцатка». В их числе были: З.К. Локшин, И.Г. Бронер, Л.Х. Резник, Э.Л. Хаскин, Ф.И. Винников, Д.А. Ружанский, Березовский, Л.Ф. Санковский, М.Я. Нахманович, Л.Я. Цицарский, М.В. Яроневский, М.И. Штейнберг, С.И. Кузнецов, Т.Г. Шпейзер, С.М. Невельский, Д.Ю. Киршенбаум, А.Я. Абрамович, Н.М. Кац (в документе 1954 года – Г.М. Кац), Н.М. Шнейзер, Л.И. Скоморовский, М.Л. Меркулович. В основном это были пенсионеры, инвалиды, кустари, надомники, сотрудники артелей. По профессии – жестянщики, кройщики, стекольщики, фотографы, тележники (Там же. Л. 175). В 1953 году «двадцатка» поменялась. Из неё вышли М.Я. Нахманович, Л.Я. Цицарский, М.И. Штейнберг, З.К. Локшин, И.Г. Бронер. Появились Э.Х. Шиевский, М. Розецкий, И.А. Рабинович (в документе 1954 года – М.А. Рабинович), Тизерберг (в документе 1954 года – И.Г. Тизинберг) (Там же.

Л. 177).

В списке контрагентов на 1954 год 22 человека, включены Ф.М. Кац, М.И. Штейнберг, Х.А. Привар, И.Г. Бронер, ушли М. Розецкий, Л.И. Скоморовский (Там же. Л. 204).

В 1952 году, как свидетельствуют документы общего собрания 11 января 1953 года, верующие евреи исправили и покрасили крышу синагоги, обновили пол в большом зале молитвенного дома, сделали полную уборку и текущий ремонт (Там же. Л. 182). В этом году, согласно кассовому отчёту, поступления на содержание синагоги и кладбища составили 37 651 рубль 58 копеек. Вместе с остатком на счетах около 24 тысяч баланс был 61 664 рубля 50 копеек. Расходы – 51 415 рублей 24 копейки. При остатке на счетах 9588 рублей 55 копеек (Там же. Л. 181). Выпекли 6,7 тонны мацы на 47 159 рублей 80 копеек (Там же. Л. 172-172об.).

Статья «текущий ремонт» время от времени включала и весьма неожиданные расходы. 30 октября 1952 года раввин Лейзер Хаимович Резник вынужден был написать уполномоченному по делам религиозных культов Житову о том, что синагогу атаковали мальчишки-подростки с улицы Бабушкина и побили окна в синагоге, выходящие на эту улицу. Убыток составлял «не менее 400 рублей», писал раввин. «Если эти действия не будут прекращены, у меня есть все основания опасаться, что все остальные окна синагоги будут побиты», – писал Резник (Там же. Л. 164).

В архивных документах 1952 года есть примечательная переписка между уполномоченным Совета

по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Иркутской области Иннокентием Житовым и отделом коммунального хозяйства Нагорного района Иркутска. 28 ноября 1952 года Житов просил сообщить, на какие средства, по какой смете и под чьим руководством был проведён ремонт еврейского кладбища. И какие суммы затратила синагога и райкомхоз. От коммунального отдела 2 декабря был получен ответ: «Нагорный райкомхоз не выделял никаких средств на ремонт еврейского кладбища, и никакие проделанные работы не принимались» (Там же. Л. 169, 171). Очевидно, что кладбище ремонтировалось за счёт пожертвований прихожан, которые, согласно кассовому отчёту Иркутской синагоги за 1952 год, составляли 36 693 рубля (Там же. Л. 181).

На заседании правления иркутской еврейской общины от 23 ноября 1953 года были избраны лица, которые заведовали похоронами, выполняли обряды погребения: бригадир А.Я. Абрамович, члены бригады – Д.А. Ружанский и Э.Л. Хаскин (Там же. Л. 183). Однако 16 ноября 1952 года в синагоге собралась «двадцатка» прихожан по весьма неприятному поводу, связанному с организацией похоронного дела. Как сообщил Э. Шиевский, ряд недобросовестных лиц начали распространять информацию о том, что синагога существует на пожертвования, вносимые прихожанами за погребение близких родственников, и нередко эти жертвования достигают крупных сумм, до тысячи рублей, и эти средства расходуются на нужды синагоги. Таким образом, кладбище «не является самостоятель-

ной единицей, а филиалом синагоги», – значилось в протоколе собрания. Бухгалтер Митус привёл данные за 1950, 1951-й и 10 месяцев 1952 года по похоронному делу: в синагогу поступило пожертвований от родственников умерших на сумму 44 250 рублей. На нужды же кладбища израсходовано 54 590 рублей. По мнению председателя ревкомиссии С.И. Кузнецова, с 1945 года синагога «никогда не являлась иждивенцем кладбища», а наоборот, из средств синагоги покрывался дефицит кладбища. В процессе обсуждения стало ясно, что член правления Э.Л. Хаскин, входящий в бригаду погребения, не подчиняется избранным лицам, ведающим обрядностями погребения, наносит им незаслуженные оскорбления, хранит в грязи погребальный инвентарь. Сам же Хаскин заявил, что никакие из претензий не признаёт и «считает себя хозяином на кладбище». В результате «двадцатка» постановила вывести Хаскина из состава правления. И приняла решение никаких средств свыше означенных не брать: только за выкоп могилы, покупку гроба и обрядовое омовение (Там же. Л. 184-184об.).

Согласно кассовому отчёту за 1953 год, баланс кассы синагоги составлял 42 509 рублей 75 копеек, в кассе на начало года оставалось около 660 рублей, а на счету – 9588 рублей 65 копеек. Жертвователи принесли в синагогу 27 692 рубля, с учётом взаиморасчётов и квартплаты, доходы составили 32 260 рублей 36 копеек. Расходы – 26 016 рублей 78 копеек (Там же. Л. 195). Согласно протоколу общего собрания от 11 января 1953 года, новым председателем правления синагоги

был избран Давид Юколевич Киршенбаум, в правление вошли Л.Х. Резник, Л.Ф. Санковский, Ф.И. Винников, ревизионную комиссию возглавил С.И. Кузнецов, члены – А.Я. Абрамович, А.Д. Афраймович (Там же. Л. 182). В 1954 году Киршенбаум снова был переизбран главой правления, членами стали Л.Х. Резник, Д.А. Ружанский, ревизионную комиссию возглавил Д.А. Абрамович, сотрудники – А.Д. Афраймович, М.Б. Бройт.

В общине случались и конфликты. 11 апреля 1954 года в синагоге состоялось заседание правления и «двадцатки». Председатель правления Киршенбаум заявил, что граждане Т.Г. Шпейзер и И.А. Маншпайзер занимались самоуправством и нанесли ему «оскорбления словами». По заявлению главы правления, эти граждане, не имея никакого отношения к совершению богослужений, всё-таки их совершали. «В частности, Шпейзер, не испрашивая разрешения предправления или разрешения служителя культа гр. Герши (Гериш? – неразб.) А.Х. самоуправно входит на амвон и совершает богослужение, на упрёки председателя Киршенбаума отвечает дерзостью и бранью...». Второй участник событий, со слов Киршенбаума, на богослужении 4 апреля заявил, что он будет совершать богослужение в первый день Пасхи и предложил председателю правления подать заявление об освобождении его от занимаемой должности. Изложенное подтвердили присутствовавшие на служении 4 апреля члены общины Бронер и Кузнецов. Шпейзер не отрицал сказанного, но дать объяснения отказался. Многие из прихожан отмечали, что Шпейзер с момента создания общины

характеризовался как человек непримиримый, не подчиняющийся правилам. Согласно протоколу заседания правления общины и «двадцатки» от 23 февраля 1950 года, Шпейзер вёл себя очень невоздержанно и в результате был лишён в течение года всходить на Бимей и совершать богослужение, и в течение 3-х месяцев был лишён призыва к Святой Торе. В итоге «двадцатка» запретила до 1955 года Шпейзеру и Маншпайзеру совершать богослужения (Там же. Л. 212).

Судьбы иркутских евреев старшего поколения тесно связаны с молельным домом на улице Саломатовской. Практически все они ведут свой род с запада России: у кого-то прадед приехал ещё в XIX веке, у кого-то в начале XX века, для кого-то Сибирь стала второй родиной после войны. Но дедушки и бабушки, заставшие революцию, Гражданскую войну, Великую Отечественную – люди с очень трудными судьбами – все они, так или иначе, ориентировались на веру предков. Поколение, сумевшее сохранить Иркутскую синагогу в советское время, было очень стойким.

Для кого-то личная история синагоги начинается, как у Александра Исаевича Сидоровского, с прадеда-кантониста. «Все мои предки были из Польши и Украины, ссыльные, – рассказывает Александр Исаевич. – Прадед по материнской линии родом из Бобруйска, Белоруссия. Он был кантонистом, 25 лет служил в царской армии. Закончилась его служба тем, что он ударил офицера. К тому времени он уже был женатым, имел сына, которого брать с собой в ссылку по закону не разрешалось, пришлось его оставить у родственни-

ков в Одессе. А прабабушка беременная поехала за прадедом, он шёл пешком, а она на телеге. В Канске, по дороге, родилась дочка, а уже в деревне на Ангаре, в Балаганском уезде, где им определили место ссылки, появились на свет остальные дети. По папиной линии все тоже были ссыльные. Отец мне рассказывал, что ссыльным и их семьям нельзя было проживать в Иркутске. Много евреев жило в Зиме, Черемхово, Нижнеудинске. Они занимались, в основном, торговлей, так как работать на каких-нибудь предприятиях не разрешалось – родители торговали в лавке, дети (как современные челноки) приезжали в Иркутск за товаром, останавливались у знакомых евреев. Платили околочному, чтобы он не доносил. День-два покрутились, закупились и опять на поезд, к себе в город Зима торговать».

А уже в 1920-е годы Сидоровские начали перебираться в Иркутск. Братья Исаия Сидоровского учились у фотографа Джованни Минизини, а сам Исай работал в артели, где изготавливали замазку для окон, потом стал председателем артели, а после войны работал на Хайтинском фарфоровом заводе. Мама Александра Сидоровского была бухгалтером. А сам Александр Исаевич – физик-экспериментатор, работал в НИИ прикладной физики ИГУ, преподавал на физфаке, факультете сервиса и рекламы. Начал он ходить в Иркутскую синагогу ещё ребёнком, с бабушкой, и сейчас посещает её.

Александра Сидоровского в синагогу приводила бабушка по отцовской линии, Злата Леонтьевна (Лейбовна) Сидоровская. Злата Лейбовна Сидоровская и

Айзик Исаевич Сидоровский упоминаются в списке верующих Иркутской еврейской общины на 1 января 1935 года (ГАИО. Ф. Р-500. Оп. ОЦ. Д. 700. Л. 76 – 105). То есть они посещали синагогу до самого её закрытия. Александр Исаевич хорошо помнит, как уже после войны в синагоге проходили моления, как выпекали мацу. «Сидячие места, как правило, были закреплены за молящимися – они оплачивались, – рассказывает он. – Мои родители не имели тут мест, а вот бабушке дети каждый год это место сберегали и оплачивали. Бабушка и дома молилась, но это происходило, видимо, когда она по состоянию здоровья не могла идти в синагогу. Мне запомнился Песах, когда собирались все её дети, накрывали праздничный стол, а она в это время в другой комнате молилась, потом выходила, и мы все начинали отмечать Праздник. У неё, как и у всех евреев старшего поколения, был старенький, потрёпанный сидур, конечно, без русского перевода».

Не мог жить без синагоги и дедушка Лазарь Владимировича Вайсбурга, Григорий Борисович Фурман (Гирш бэн Борух Фурман). Лазарь Владимирович из большой еврейской семьи, судьба которой переплелась с судьбой Иркутского еврейского молитвенного дома. Его дедушка был религиозным евреем, и сейчас эта вера теплом отдаётся в сердцах детей и внуков.

«Мой дедушка Гирш и бабушка Анна Лазаревна (Ана бат Элизэер) приехали в 1932 году из голодной Украины с семьёй детьми, – рассказывает Лазарь Владимирович. – Ехали в строящийся Биробиджан, который тогда назывался станцией Тихонькой. Ехали впро-

голодь. Дальше Иркутска ехать не было возможности. Из вещей главную ценность представляли: швейная машинка, ножницы и прочие инструменты. Дедушка был отличным портным индивидуального пошива. Он оставил всю семью на вокзале, а сам пошёл посмотреть какую-нибудь работу и еду. Идя по городу, он увидел невысокого, прилично одетого человека. Гирш был очень контактным человеком и легко заговорил с ним. Его звали Чарли. Пообщались и разошлись. Гирш ещё походил по городу, нашёл немного работы и еды. Придя на вокзал, он с удивлением увидел, как Чарли, приехав с арбой (четырёхколесной телегой), грузит весь нехитрый скарб Гирша. Удивлённому Гиршу он объяснил, что везёт всех к себе домой. Деревянный особняк находился на углу улиц, которые сейчас называются Ленина и Дзержинского. Чарли разместил всех во флигеле. Он принёс и еду. Наутро Чарли повёл Гирша устраиваться на работу. Он устроил его в ателье мод закройщиком. Гирш работал очень хорошо и через какое-то время ему дали квартиру на улице Партизанской. Уже была середина октября. Им очень запомнилась первая ночь в новой квартире, в которой не было даже дощатого пола – земля. Энси обняла младших детей и улеглась с ними спать прямо на земляной пол. Наутро она не смогла самостоятельно встать: юбка примёрзла к "полу" (видимо, кто-то из детей сделал пи-пи)».

Дедушка Лазарь Вайсбурга хорошо говорил на трёх языках, и это помогало ему в общении, а его любимая Энси, кроме идиша, на остальных языках говорила слабо. К концу жизни она могла говорить только на иди-

ше. Несмотря на то, что дедушка был портной, он мог выполнять также элементарные плотницкие работы. Очень скоро в доме был сделан дощатый пол, в сенях небольшие клетки для кур; кроме того, он соорудил большой портновский стол, который был также обеденным. В этом же октябре дети школьного возраста пошли в школу. Других столов в доме не было, так что уроки младшим детям приходилось делать на смастерённых табуретах.

Лазаря Вайсбурга называли в честь предпоследнего сына Гирша, Лазаря Боруховича Фурмана. Он был круглым отличником, активным пионером и впоследствии комсомольцем. «Началась война, нашему Лане (Лазарю) дали бронь, так как он работал на оборонном предприятии, – рассказывает Лазарь Вайсбург. – Но в 1942 году он добровольцем ушёл на фронт. А в 1945-м геройски погиб, сгорел в танке».

Дедушка Гирш регулярно ходил в Иркутскую синагогу, благо она была в шаговой доступности. «Ходил сам, водил сначала мою сестру (она была старше меня на 11 лет), а потом меня, – рассказывает Лазарь Вайсбург. – Дома были книги и газеты на идише. Я не знал, что это за книги, а он начинал учить меня русской азбуке. Дедушка покупал на базаре только живых кур. Нёс их в смастерённой им клетке в синагогу, где специальный шойхет, а по совместительству кочегар синагоги, делал шхиту. Так мы ели только кошерное мясо. Молитв я не помню. Но помню, как на какой-то праздник дяди и дедушки ходили по кругу с красивыми завёрнутыми "флагами", громко пели, плясали и радовались. Через

много лет я понял, что это был праздник дарования Всевышним Торы своему народу».

Лазарь Вайсбург вспоминает, что его дед сам делал из черники очень вкусное вино и немного давал внуку. «Он был простым портным, но обладал необычайной мудростью, – говорит Лазарь Вайсбург. – Я при его жизни был маленьким. И его мудрости были мне ещё непонятны, но сестра вкусила их в полной мере. Чего стоит только одно поучение "кто в тебя камнем, ты в того хлебом", "пусть наши враги будут сыты и здоровы" или "если у тебя есть работа, то жить можно при любом правительстве", "мах ашвайк – делай и молчи". Чем ближе подхожу к его возрасту, тем ценнее его учение. Не раз смерть "смотрела" ему в лицо, но Бог не оставлял его. Так было в далёкой молодости, когда в местечко вошли петлюровцы. Выстроили всех мужчин евреев и расстреливали каждого десятого. Гирш оказался девятым. Главное, что он нам оставил – оптимизм и веру в Бога».

Даже когда была закрыта синагога, иркутские евреи не забывали о праздниках. А на Песах всегда пекли мацу. Любовь Петровна Губерман, которая жила с семьёй дедушки, раввина Резника, в здании Иркутской синагоги, вспоминает, что в конце 40-х – начале 50-х годов в здании появилась своя русская печь, начали выпекать мацу. До этого тоже пекли, но в частных домах. «Это сейчас мацу свободно продают, – говорит Елена Эноховна Шиевская. – А после войны стряпали, конечно, но тихонечко. Я помню, что мы брали её на одной из улиц в предместье Рабочем. У нас был большой

обитый ящик, в который мы её складывали. И я с папой ездила за мацой». «В частных домах, на Подгорной, на Софьи Перовской много евреев жило, – рассказывает Александр Сидоровский. – И в домах, где позволяли условия, были русские печи, пекли мацу. В такие дома завозили машины для раскатки мацы. У машин были стальные валики определённой формы, между ними пропускалось тесто. Тесто – это вода и мука, месилось быстро, поскольку закисать ему нельзя давать, на всё уходило не более 8 минут. Муку не централизованно закупали, каждая семья несла собственную. И выпекавшие говорили: «Сейчас мука пошла такому-то!» Очередь знала, чья маца печётся. Была такая металлическая палка, один конец которой закреплялся, как шарнир, на столе. Стол обычно тоже был оббит металлом. А на втором конце вниз опускалась такая «уздечка», чтобы ногой можно было помогать разминать тесто. Это такой еврейский приём, разминать тесто при помощи мускульной силы ноги, палки. Я видел точно такую же технологию в Иерусалиме, в музее Израеля. Сначала тесто разминали в большую лепёшку, а потом прокатывали через две машины с валиками. У машин были большие колёса, и мужчины их крутили, валики вращались за счёт шестерёночной передачи. Сначала тесто прокатывалось в одной машине, потом через вторую с более узкой щелью, чтобы тесто было более тонким. Потом лента из теста разрезалась на квадраты, маленьким таким инструментом – режущим колёсиком. Предварительно проколотое другим ручным инструментом нарезанное тесто накладывали на

длинные деревянные палки и отправляли в русскую печь – прямо на кирпиче выпекали мацу. На выпечку мацы обычно уходило около полутора-двух месяцев. Так вот этим печам всё это время не давали остывать. А как узнавали, где в Иркутске пекут? У евреев же быстро всё распространяется, сарафанное радио. "В таком-то доме будет работать подряд, так это называлось – подряд по производству мацы". Разрешение брали у органов, у санэпидстанции, чтобы претензий не было. А приходили за готовой мацой, представляете, с наволочками от подушек. Стирали их, и в чистом несли, чтобы не сломалась маца. А в чём было нести? Коробок-то, как сейчас, не было. Ночью кто-то дежурил, подкидывал дрова...»

Мама Гени Абрамовны Кременчук как раз была из тех женщин, которые «ходили на подряд» – выпекать мацу в Иркутской синагоге. «У нас был такой сундук, и вот полный сундук мы привозили мацы, и кушали каждый раз», – рассказывает Геня Абрамовна. Её отец, Абрам, посещал синагогу не каждый раз, но знал все праздники, и в праздничные дни всегда бывал в молитвенном доме. В семье это было заложено, поскольку бабушка и дедушка Гени Абрамовны были из местечка Бешенковичи Витебской области... Иркутские и белорусские евреи всё время держали связь, но в войну белорусские родственники, не успевшие эвакуироваться, были убиты гитлеровцами. Отец Гени Абрамовны узнал, что в Белоруссии сооружается памятник погибшим, ездил туда... Сама Геня Абрамовна в войну выступала в иркутских госпиталях, пела под ги-

тару для раненых, училась в мединституте, помогала в колхозах... Связь с синагогой не прерывалась за всю её долгую жизнь: когда-то сюда ходили отец и мама Гени Абрамовны, а потом пришла и она сама.

«Синагога, конечно, работала, но ходить туда – значило бросить работу, и может быть, тебя бы даже исключили из партии», – говорит прихожанка Раиса Лазаревна Мошкович. Она – потомок евреев, живших в тех местах Украины, что граничат с Польшей. Отец Раисы Лазаревны – из большой еврейской семьи политических ссыльных, живших в Мухоршибири в Бурятии. Мама – дочь еврейского купца второй гильдии. «Я сама в синагогу, пока трудилась, не ходила, – говорит Раиса Лазаревна. – Пока папа живой был, у нас в доме была своя русская печь, и все родственники пекли мацу у нас. Папа умел, руководил, и все это делали. Потом они переехали в благоустроенную квартиру, стряпать негде уже было.

А в синагоге мацу продавали, на втором этаже печь была очень большая и мацу делали. Со мной работала Валентина Иосифовна Эстеркес... Она, бывало, идёт, покупает мацу на меня и на себя. И везёт домой, она жила на углу Чехова и Карла Маркса. Я иду к ней, всё закупориваю... Спускаюсь, внизу почта была, и сразу же отправляю родителям... Когда дедушка Абрам (дед по маминей линии. – Авт.) был живой, он настаивал на выполнении всех обрядов, у нас даже посуда была другая. На Пасху приносили посуду. И был такой «золотой таз», я уж не знаю, из чего он был сделан, в нём только рыба варилась. Все праздники исполнялись».

Эта семейная память вернула Ларису Лазаревну к своей вере. Как только она вышла на пенсию в 1990 году, сразу же пошла в Иркутскую синагогу.

Во многих иркутских еврейских семьях традиции шли ещё с довоенных времён и соблюдались неукоснительно. «Мы за стол садились все вместе, мама делала вайн из изюма, фаршированную рыбу, – вспоминает Елена Шиевская. – И огромное количество родни за столом. Помню, огромная такая бутылка была приготовлена на один из праздников, наклонили её, чтобы налить в бутылку поменьше, да она и упала, разбилась. И тётя моя побежала домой, и принесла свой вайн. Хорошо так было, все братья, все помогали друг другу. А как мама вкусно стряпала! И всё думаю, почему я у неё не училась? Хороший тогда народ был, сейчас такого нет, и не говорите мне. Такое братство было, люди друг за друга горой стояли. А дружили как семьями, вот кто в синагогу ходил, все эти люди у папы дома бывали, а он к ним ходил. И если что случилось, целые советы собирались: давайте так сделаем, а может, лучше так?»

«У мамы было много родственников, собирались они у нас, мацу пекли, – рассказывает прихожанка Брайна Абрамовна Рабинчук. – Бабушка моя всё кашерное ела. Мне было лет 7 – 8, отец купил бабушке курицу, и послал меня в синагогу к резаку. Пришла я, народу много! Стояли-стояли мы с двоюродной сестрой, да и пошли...» Девочки встретили одноклассника, который подарил Брайне цветы, а сестра немного обиделась, что цветы достались не ей. А тут сосед навстречу, предложил зарезать курицу, и девочка ему отдала. Зашли

в ограду, попросил он бритву. Брайна принесла отцовскую. Зарезали. А сестра бабушке и рассказала, что курицу зарезал приятель. Бабушка в отказ: "Я есть её не буду, она не кошерная". Уже отец приехал, сам пошёл в синагогу, и принёс кошерную курицу. Ну, конечно, мне попало за это», – смеётся Брайна Абрамовна.

Сначала в послевоенной синагоге собиралось совсем немного людей, но в 1950-х народа становилось всё больше и больше.

Поскольку своего кантора в синагоге не было, иркутские евреи приглашали канторов из других городов. О том, что в Иркутскую синагогу приезжали канторы, вспоминают и Елена Шиевская, и Александр Сидоровский. В архивных документах сохранились свидетельства, как община справлялась с отсутствием собственнo кантора. Например, 30 марта 1950 года правление направило уполномоченному по делам религиозных культов Иннокентию Житову письмо, в котором уведомляло, что в Иркутск на проведение пасхального богослужения со 2 по 9 апреля приглашён кантор Хуно-Зусь Шулимович Рабинович из Черногорска Красноярского края. Согласно Открытому списку жертв политических репрессий в СССР, Хуно-Зусь Рабинович родился в 1886 году в Кременчуке Полтавской губернии, выучился на синагогиального кантора, трудился в Кременчуке, но 23 июня 1941 года был арестован, в сентябре 1941 года осуждён как «социально-опасный элемент» на пять лет. Видимо, после того, как срок заключения был отбыт, Рабинович остался в Черногорске Красноярского края и зарабатывал на жизнь прежней

профессией – пел по приглашению на богослужениях в синагогах. «Просим вас допустить гр-на Рабиновича к выполнению обязанности служителя культа на вышеуказанное время», – писало правление общины (Там же. Л. 117).

«По сути, по-настоящему и петь было некому, – говорит Александр Исаевич. – И когда были праздники, Новый год, Рош-ха-Шана и Судный день, Йом Киппур, или Ин-Кипор, как я слышал это слово на идише от родителей, приглашали кантора, певца. Обычно они приезжали с Украины. Два-три дня тут жили, проводили службу, пели молитвы. И это было довольно долго, канторов приглашали до конца 1960-х годов. Был памятный год, 1947-й или 1948-й, осенние праздники... И в Иркутск на гастроли приехал знаменитый советский певец, тенор Михаил Александрович». В архивах сохранилось объявление, посвящённое приезду знаменитого артиста Михаила Александровича. «24-го июня 1947 года (вторник) в здании синагоги по ул. Карла Либкнехта № 17 проводится торжественное еврейское вечернее богослужение. После богослужения будут исполнены: «1) отрывки из праздничных молитв, 2) "эйл-моле-рахмим" по погибшим воинам в Отечественной войне 3) народные песни. Начало в 7.30 часов вечера. Исполнитель – известный певец-тенор Александрович проездом через Иркутск». На обороте простым карандашом написано: «Собрано денег 9476 руб. Уплачено Александрович 4000 руб.» (Там же. Л. 74-74об.).

Известно, что тенор, лауреат Сталинской премии,

Заслуженный артист РСФСР Александрович приезжал в Иркутск и в апреле 1948 года, его сопровождали С. Фейгин (виолончель) и С. Райхенштейн (рояль). Тенор дал два концерта в театре Музкомедии, ДOME культуры имени Куйбышева. Вот как описывал концерт в Музкомедии известный иркутский музыковед В. Сухиненко: «Имя Михаила Александровича пользуется большой популярностью в Советском Союзе. Понятно поэтому, с каким нетерпением ждали иркутяне концертов певца... Голос артиста всесторонне обработан. Подкупает его великолепно звучащий, идеально ровный, красивый средний регистр...» (Восточно-Сибирская правда. 1948. 30 апреля). Однако, по-видимому, Александр Сидоровский помнит другой его визит, в 1947 году. 21 и 22 июня 1947 года тенор тоже был в Иркутске, но в сопровождении Н. Гринёвой (художественное чтение) и С. Райхенштейн (рояль) (Восточно-Сибирская правда. 1947. 21 июня). Тогда он тоже выступал в театре Музкомедии. «У него были официальные выступления в филармонии и должен был состояться концерт на Иркутском радио (а раньше ведь никакие концерты в записи не шли) был радиокомитет, и все выступали вживую на радио, – вспоминает Александр Сидоровский. – И вот у Александровича часов в десять вечера был запланирован концерт в радиокомитете на улице Горького. А перед этим он приехал в Иркутскую синагогу, и уже как кантор молился в ней вместе с иркутскими евреями. Народу было очень много, всё еврейское общество собралось услышать знаменитого певца. А потом все торопились домой, чтобы по радио услышать его кон-

церт. Его самого увезли на машине, а все мы бежали домой, чтобы успеть». Этот концерт помнит и Елена Эноховна Шиевская. «Пел он в синагоге еврейские песни, да такие песни, которые не сегодня поются, а тогда, во времена молодости мамы и папы. Они и пелись по-другому», – говорит она.

Несмотря на то, что духовная жизнь Иркутской еврейской общины после войны стала возрождаться, внутренние конфликты будоражили её. Согласно «Дневнику приёма духовенства, служителей религиозных культов, членов исполнительных органов и ревизионных комиссий представителей верующих за 1958 год» уполномоченного по делам религиозных культов Житова, в 1958 году в правлении еврейской религиозной общины был конфликт, несколько человек были исключены из правления, включая Киршенбаума, Варшовера, Авизова. С одной стороны баррикад были активисты Бронер, Азимов, с другой – председатель правления Кац, член правления Шиевский и другие. 19 января на общем собрании, когда готовился отчёт за 1957 год, был пик конфликта, однако, видимо, его удалось преодолеть. Позже представитель правления Шиевский представил Житову отчёт о балансе за 1957 год, община свела его в сумме 76 637 рублей и спокойно готовилась к изготовлению мацы в 1958 году (Там же. Л. 2 – 12). Но именно в 1958 году синагога была закрыта.

Второе рождение

Однако уже в середине 1960-х иркутские евреи снова собрались, чтобы вернуть к жизни общину. С 1965 по 1989 год председателем Иркутской еврейской общины был Матвей Моисеевич Коган. Он родился в Черемховском районе, в селе Бажей. Его родители имели восемь детей, Матвей был шестым. Когда-то папа и мама Матвея Моисеевича приехали в очень юном возрасте из Бессарабии, здесь поженились, жили в Черемхово. С 14 лет Матвей работал коногоном на угольных копях, учился выделывать шкуры, шил меховые шапки, завёл торговую лавку. Был репрессирован и выслан на поселение в Мариинские лагеря УВД. К этому моменту у него была жена и трое детей. Работал в Кузбассе, стал начальником отдела материально-технического снабжения угольного треста «Сталинуголь», затем «Кагановичуголь» комбината «Кузбассуголь». В целом проработал в Кузбассе 40 лет. Имел большое количество наград, включая знак «Шахтёрская слава», правительственные премии, имел звание «Ветеран труда». Жизнь была тяжёлой: в Великую Отечественную погиб его сын, Иосиф. Семья делила кров и еду с семьями эвакуированных родных. Сам Матвей Моисеевич в войну трудился на износ, поскольку от организации поставок оборудования и материалов для шахт зависела их бесперебойная работа для фронта.

В 1965 году, выйдя на пенсию, Матвей Моисеевич вернулся в Иркутск. Он всегда был религиозным евреем. Дети вспоминают, что он часто молился, в доме соблюдались обряды, зажигались свечи в праздники.

Семья Коганов отмечала Рош-А-Шана, Йом-Кипур, Песах, Шавуот... Мама, Раиса Коган, великолепно готовила национальные блюда. В Иркутске Матвей Коган и принял решение о возрождении жизни в синагоге. Его дочь Минна вспоминала, что когда Матвей Моисеевич пришёл в Иркутскую синагогу, та находилась в страшном запустении. Внук Матвея Моисеевича по маме Климу Семёновичу Белинскому в интервью Е.Ш. Соломону вспоминал: «Конечно, синагога была в плачевном состоянии. Конечно же, ни о каких пожертвованиях никто тогда и не говорил. Но евреи были и тогда. И то, что здесь стряпали мацу, я точно помню. Что такое было раньше постряпать мацу – это вообще, конечно, труба была. Естественно, всякие разные ОБХСС... Но мацу стряпали всегда здесь!.. Мои друзья, русские, которые здесь живут рядом, недалеко от синагоги, от улицы Карла Либкнехта, так вот они говорят, что они ещё ребятишками «к вам бегали мацу жевать». Климу Белинскому подчёркивал, что в это время община находилась под пристальным вниманием Комитета по религиям при ОК КПСС. «Я думаю, что и спецслужбы пытались как-то проникать. Я не помню это, не видел. Но то, что дед к этим вещам очень относился трепетно, что называется, это точно абсолютно. Не мог же он себя подставить, подставить общину», – рассказывал он (Е. Соломон. Беседа с Климом Семёновичем Белинским // Живая история десяти семей и родов Иркутской еврейской диаспоры. Выпуск пятый. – Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2008).

Состояние синагоги было таким, что по вечерам, когда Матвей Моисеевич приходил домой, внук слышал,

как тот «жестоко ругался». «Я помню, когда он пришёл в синагогу, он говорил, что здесь всё разворовали. То есть, здесь ничего не было – ни хозяйства не было, ни отчётности. Потому что всё было доступно, всё было как бы свободно, деньги какие-то были, пожертвования там, ведь и раньше американцы приезжали, тоже какие-то деньги жертвовали. Какое-то движение было, но не было порядка. Как такового совета общины не было, казначея не было. Ну, был какой-то казначей выбранный, но настолько это было формально. Разворовали вообще всё. Я просто помню, как он ругался за это дело. Он простой такой – с хозяйственной ноткой. При нём и совет стал действенным у общины – старики собирались, решали дела, вели протоколы собраний, дед жёстко наладил учёт поступлений финансовых... Я просто помню, что он смог как бы сплотить какое-то ядро общины. То есть то, что была сохранена община, синагога – я теперь понимаю, что это его заслуга во многом». По воспоминаниям Клима Белинского, около 20 – 30 человек собирались в это время в синагоге на Йом-Кипур. «Приходили на Йом-Кипур, но понимаешь, как? Что значит "они приходили"? Ну, там стояли три старика этих, молились. Иногда даже не выходили в большой зал синагоги, а молились в одной из комнат, потому что не было миньяна».

Но постепенно синагога начала возрождаться. По воспоминаниям дочери Минны, работа отца привела к тому, что в синагогу снова начали собираться прихожане, стали появляться иностранцы, сам Матвей Коган бывал в других городах, посещал синагоги, старался

перенять лучшее. Вновь начали выпекать мацу. «Евреи Иркутска благодарны отцу за возможность встречать Песах с мацой», – говорила дочь (Иркутск еврейский: двести сюжетов из жизни 200-летней общины / Отв. редактор А. Гимельштейн; ред.-сост. Ю. Караваева. – Иркутск: Востсибкнига, 2018).

Какой была синагога в эти годы, вспоминают её прихожане. Кого-то привели совсем маленьким, за руку, папа и мама. Кто-то пришёл уже в зрелом возрасте. Игорь Александрович Берковиц живёт в доме напротив Иркутской синагоги с 1968 года. «Поэтому история синагоги с 1968 года проходила на моих глазах, – рассказывает он. – Я родился в семье, которая не была религиозной. Родители были людьми абсолютно светскими, советскими. Папа, Александр Берковиц, был журналистом, профессия мамы – доктор. Религиозные обычаи в семье не соблюдались. Но по праздникам нас всех собирал дедушка по линии мамы Карл Израилевич Зусман, он как раз был очень религиозен. И вот эти праздники, его рассказы заложили во мне восприятие духовной иудейской традиции, сформировали близость к ней.

Дедушка ходил в синагогу всю свою жизнь, поскольку родился в религиозной еврейской семье. Папа его, Израиль Зусман, мой прадедушка, был раввином. Дедушка получил образование в иешиве в Белоруссии, под Минском. Они познакомились с бабушкой, Марией Абрамовной, когда он жил уже в Минске. Там и родилась моя мама. Отец дедушки, раввин Израиль Зусман, уехал в Америку, забрав с собой трёх несо-

вершеннолетних детей, трёх девочек. Он переехал в Нью-Йорк и был раввином в Бруклине. Дедушка, Карл Израилевич, переписывался с сёстрами, всё мечтал повидаться, но съездить ему туда не удалось».

В конце 1920-х семья Карла и Марии Зусман переехала в Сибирь. В Белоруссии был голод, очень трудно было выживать. В поисках лучшей доли они переехали сюда. «Мой папа, будучи школьником, приехал уже в Великую Отечественную. В 1941 году отца с его мамой эвакуировали из Киева, – рассказывает Игорь Берковиц. – Папа приехал в Иркутск с моей бабушкой, Рашель Борисовной, поступил в школу. А отец, Борис Исаакович Берковиц, мой дедушка, присоединился к ним позже, его вначале послали в другой регион, на оборонный завод».

Дедушка Игоря Берковица всю жизнь молился, соблюдал все традиции. «Он отличался от нас внешне – всегда носил бороду, был постоянно в головном уборе, соблюдал все бытовые традиции. Хорошо знал иврит, идиш, – рассказывает Игорь Александрович. – И очень много мне рассказывал интересных вещей из истории иудаизма, пытался приобщить меня к чтению Торы, языку. У него были книги на иврите, идише, они впоследствии достались семье сына, моего дяди. Но вы знаете, я же был ребёнком тогда, меня больше привлекали гуляния во дворе, футбол, спортивные игры, общение со сверстниками. Но всё равно это заложило основы мировосприятия, и в душе всё равно осталось. Дедушка был человеком очень скромным, должностей высоких не занимал, карьеры в советских партийных

органах не делал. Работал на скромной работе, за границу не выезжал. И потому ему, скорее всего, никто не чинил препятствий в его религиозной жизни. А он поступал так, как ему велело сердце – он вырос в религиозной семье, впитал это всё ребёнком. И вот как рос, так и жил он дальше, в своём мире. Может, какие-то моменты он даже и не замечал. Но ходить сюда, в синагогу, с учётом общего отношения к религии в стране, было, мне кажется, мужественным поступком».

Игорь Берковиц помнит, как в синагоге были различные учреждения, а потом – спортивный зал. «Помню, я подростком из любопытства заглядывал в здание: прямо на первом этаже стоял теннисный стол», – вспоминает он. В те времена внешний вид синагоги оставлял желать лучшего. «Мне кажется, что снаружи синагогу красили, может быть, один раз, лет в 20 – 30, – говорит Игорь Берковиц. – Стены были облупленными, с осыпавшейся краской». При советской власти людей в синагогу ходило мало. «Молодёжи, конечно, не было, ходили в основном старики, – продолжает Игорь Александрович. – Дедушка там бывал всегда и рассказывал, что миньян собирался очень редко – приходило 3 – 4 человека. Община была маленькой, но живой. Молодые люди не ходили, потому что это могло сказаться на их будущем, карьерных устремлениях, выборе работы. В те времена посещать учреждения религиозного культа, не только еврейскую синагогу, а храм любой конфессии было опасно. Это всё могло отразиться на карьере и работе. Если человек ходил в церковь, синагогу, мечеть – это обязательно становилось известным».

При Иркутской синагоге с 1950-х годов работал переплётный цех, у которого вплоть до 1990 года была одна хозяйка – Александра Николаевна Филиппова. «Бабушка Александра работала до 1947 года в цехе-типографии рядом со зданием Иркутской синагоги. Синагога в те годы, как говорит моя мама, была закрыта. В цехе было совершено преступление, о котором бабушка почти не рассказывала, – говорит внучка Александры Николаевны Анастасия. – Она была самой молодой, и когда дело начали расследовать, на неё свалили почти всю вину. Видимо, она и сама, по незнанию, лишнее взяла на себя. И получила 10 лет. Пережила многое, и почти ничего про это страшное дело не рассказывала. Я пыталась поднять архивы, знаю, что её отправили в Комсомольск-на-Амуре, и там было достаточно тяжело. Все десять лет она прошла от и до, без амнистии».

Вернувшись в Иркутск, уже реабилитированной, Александра Филиппова обнаружила, что её цех и даже оборудование в нём сохранились. «Синагога уже вновь открылась, и каким-то образом ей дали возможность вернуться в свой цех. Видимо, она была трудоустроена именно в синагоге, поскольку в то время работать на себя было нельзя, – рассказывает внучка. – Оборудование находилось либо в каком-то помещении рядом с синагогой, либо в полуподвале, я помню, что нужно было спускаться вниз, в тёмную комнату, по-моему, без окон. Там стояли огромные станки: резак, пресс и другие. Так вот, в таком пристрое рядом с синагогой и работала бабушка. Она склеивала книги под прессом, шивала, обрезала, делала обложки. Переплетала ста-

ринные синагогиальные книги и другие книги, какие-то брошюры, удостоверения, дипломы... Интересно, что занималась переплётным делом и для синагоги, и для православной церкви. Когда бабушка шла в пасхальные дни домой, то брала в синагоге мацу, а потом заходила в Крестовоздвиженскую церковь и там брала просвирки. Так у нас и было дома: и православные просвирки, и ящик с мацой. Бабушка была счастлива. Считала, что этой работой, переплётным делом для синагоги и православного храма отработывает свои грехи, поскольку сама она была из религиозной семьи, её отец был православным священником. Она не рассказывала, что её так сблизило с синагогой. Но я предполагаю, она испытывала благодарность к людям, которые её приняли на работу, позволили заниматься своим делом. И я бывала вместе с ней в синагоге, и мы вместе наблюдали религиозные праздники, это было необычно, интересно. Бабушка проработала в этой мастерской с 1957 года и практически до своей смерти в 1990 году, и всегда была в цехе одна, помощников не было. Куда после её смерти ушло оборудование, и что стало с цехом, я, к сожалению, не знаю».

– Я ходил в синагогу примерно с пяти лет, это был конец 1960-х, – рассказывает прихожанин Аркадий Львович Литвин. – Я не могу сказать, что мы были ортодоксальной семьёй, но бабушка моя и родители ходили в синагогу время от времени и брали, конечно, меня. Родители мои приехали с территории Белоруссии. Со стороны отца это был город Могилёв, со стороны бабушки – Клинцы. Бабушка, Елизавета Абрамовна Гуса-

кова, была восьмым или девятым ребёнком в семье, её отец, Абрам Гусаков, был раввином. Мой отец, Лев Менделеевич Литвин, мама Фаина Самуиловна Литвина тоже старались соблюдать обычаи. Отец приехал в Иркутск чуть раньше, в конце 1940-х, а маму привёз в начале 1950-х. Вот как прибыли сюда, так и стали ходить в синагогу. И дома, я помню, соблюдали многие обычаи, к примеру, касавшиеся отдельной посуды для разных видов пищи – мясной, молочной... Бабушка дома молилась.

Первые мои воспоминания связаны с праздником Песах. Я приходил в синагогу с папой, мамой, бабушкой. В это время мацу пекли на втором этаже здания синагоги. Первый этаж если и существовал, то он не существовал для общины – там были какие-то учреждения в разное время, и типография, и спортивный зал, насколько я помню, и что-то ещё...

Первый этаж я и не видел толком: мы заходили всегда в дверь с бокового входа, поднимались по лестнице и сразу попадали на второй этаж. И тут была такая интересная сцена: сидели женщины в платках, мужчины, и все с мешками муки. Для выпекания мацы тогда надо было приходиться со своей мукой. Тут же происходил процесс замешивания муки с водой, готовилось тесто. У каждого была своя очерёдность, и когда появлялось тесто, каждая семья с готовым тестом подходила по очереди к пекарю, который раскатывал тесто, забрасывал мацу в печь. С другой стороны стояли картонные ящики, и семья получала готовую мацу и складывала её определённым образом. Её нельзя было сразу скла-

дывать друг на друга, поскольку выпечка была горячей, и вот каким-то особым способом её перекладывали... Обычно перед Песахом на выпечку мы приходили с утра, и до полудня проводили тут, в очереди. Мы, дети, наблюдали за всем процессом замешивания теста и за выпечкой.

А мне ещё интересно было наблюдать за пожилыми евреями, которые жили здесь, на втором этаже синагоги, несколько таких колоритных пар. Они жили как раз там, где сегодня находится кабинет раввина. Я был очень маленьким, и они меня поражали своим внешним видом, они были не похожи ни на кого из моего окружения. Они говорили, помимо русского, ещё и на иврите, на идише, и на каких-то ещё языках. Давали какие-то советы по выпечке, руководили процессом, и конечно, очень были не похожи на нас. Молились все на втором этаже, и женская и мужская часть синагоги была только на втором этаже.

Одно из самых тёплых воспоминаний об Иркутской синагоге у Игоря Берковица связано тоже с выпечкой мацы:

– Я хорошо помню, как бабушка со своей двоюродной сестрой (тётей Идой Димент) ходили в синагогу печь мацу к Песах. Функционировали небольшие такие печки и станочки. И вот для выпечки в синагогу привлекались различные еврейские женщины, в основном пожилые, и они вместе её выпекали, в том числе моя бабушка и её сестра. И вот та самая маца, испечённая руками пожилых еврейских женщин, была самой тонкой и очень вкусной. Мы бегали в синагогу, покупали

мацу, и родители покупали тоже. Они были светскими, но отдельные обычаи соблюдали. На Песах убирали хлеб из дома, ели мацу. А носили её почему-то в наволочках. Наверное, это было удобно, если большая наволочка, можно было много положить.

Маца, процесс её выпечки для многих детей остался светлым воспоминанием, связанным с весенним праздником, общением с бабушками и дедушками. Не исключение и прихожанин Алексей Эдуардович Морген. Он – потомок каторжан, когда-то сосланных в Сибирь. Дедушка по отцу, Алексей Александрович Морген, был из киренских евреев, в Киренске и Усть-Куте жила и живёт многочисленная родня, разбившаяся на две основные линии Моргенов и Чертоков (когда-то его прапрапрадед по отцу оказался в Сибири на каторге, а уже за ним пришла пешком семья).

По одной из линий Чертоков семья имела даже собственный пароход, кто-то занимался торговлей, кто-то держал постоялый двор, кто-то был фельдшером. Отец бабушки, Иды Борисовны Трубниковой, жил с семьёй в Иркутске. Он был кузнецом, работал в мастерских, на территории, где потом построили завод имени Куйбышева. Бабушка в 1927 году закончила в Иркутске советскую еврейскую школу-семилетку. В семье Алексея Моргена соблюдались некоторые религиозные обычаи, связанные с бытом, с посещением кладбищ. «С языком было плохо, что-то знала бабушка, но с нами она на родном языке не говорила. Всё, что тогда объединяло евреев – это кладбище и немножко – выпечка мацы. Я сам в детстве с бабушкой ходил за мацой.

Мне как ребёнку всё это было очень интересно: тесто, замешивание, необычная машина, печка. Всё хотелось рассматривать, разглядывать. Конечно, я мало что понимал в религиозной сути этого процесса, но радость от того, что меня взяли в такое интересное место, она была. Бабушка моя была религиозна, посещала синагогу, читала молитвы... А мы, малыши, испытывали радость от такого события: было интересно посмотреть, как выпекают, было приятно вместе со всеми получать готовую мацу, нести в наволочках её домой».

У бабушки Алексея Моргена всегда имелись религиозные календари, листочки были очень плохого качества, сделанные на ротапринте, но они существовали и распространялись среди верующих. «Они, старшее поколение, всегда читали поминальные молитвы», – вспоминает А. Морген. Сам он пришёл в синагогу в конце 1980-х годов. «Я стал ходить вначале из любопытства, потом в память об ушедшем отце, – говорит Алексей Эдуардович. – Я бы не назвал те мои мотивы серьёзной религиозностью. Всё росло постепенно. Сначала это было приобщение, процесс самоидентификации. Мы тогда всё ведь многое делали "на ощупь", что-то было наивным, как сейчас уже кажется, отсюда, из нового времени. Но желание приобщиться было. Настоящее ощущение общности пришло потом, самосознание выросло уже в другое качество».

– В начале 1960-х годов, 1962 – 1963 годы, в стране были большие проблемы с мукой и хлебом. Люди с раннего утра занимали очереди, приводили с собой детей, потому что давали одну буханку в руки на каж-

дого члена семьи, – вспоминает Игорь Эдуардович Пикерский. – Приходили в магазины где-то к 6 утра, вместе с малышами, а потом, после покупки, отправляли детей досыпать. С мукой были ещё большие проблемы. Её нужно было иметь для того, чтобы тебе в синагоге сделали мацу.

Я очень хорошо помню, как меня взяла с собой бабушка. Несколько семей наших друзей объединились, чтобы вместе заказать мацу. В синагогу же ездила только моя бабушка. Мы жили во Втором Иркутске. Получалось килограмма по 3 – 4 муки на семью, и бабушке нужно было помочь, мешочек собрался немаленький, 10 – 12 килограммов.

Она взяла меня, мы везли мешочек на санках до автобуса, а я помог ей занести мешок и санки в автобус. Приехали мы в синагогу, и до сих пор помню: тут была очень жаркая печь. Было очень тепло и хорошо пахло, пекли мацу, конечно, на втором этаже. Какие-то люди раскатывали тесто, была специальная машинка, которая стрекотала, обрезая выкатанный лист. Потом мацу пропускали через вальцы, где набивались «точки», чтобы тесто не пузырилось в результате контакта с горячей поверхностью. Брели лист на лопату, бросали в очень чистую раскалённую печь, несколько секунд, переворачивали и вытаскивали. От печи шёл жар, мне, маленькому, весь этот процесс был очень-очень интересен. Потом один из пожилых людей, которые были в синагоге, угостил меня мацой, мы поговорили... И с бабушкой они о чём-то переговорили...

Мы оставили муку и уехали. Но потом меня порази-

ла одна вещь, я стал свидетелем разговора родителей. Папа был начальником отдела на авиазаводе, достаточно серьёзная должность, поскольку производство секретное. На следующий день после того, как мы с бабушкой привезли в синагогу муку для мацы, папа пришёл с работы, на нём лица не было. Мама спросила: «Что случилось?» А папа спросил у бабушки: «Мама, вы ездили вчера в синагогу?» «Да». «С Игорем были?» «Да». А он говорит: «Давайте договоримся. Можете ехать, никаких вопросов. Игоря, пожалуйста, с собой больше не берите». Времена были тяжёлые, свободы вероисповедания, как сейчас, не было, и всё это контролировалось жёстко. Мне, честно говоря, тогда стало очень неприятно. Я думал: «Такие хорошие дядьки, угостили меня мацой. Почему так?»

Игорь Пикерский вспоминает, что в родительском доме всегда была маца на Песах. «Тогда с самосознанием было просто, его составляли три компонента: маца, еврейское кладбище и внутреннее понятие, что ты еврей, – говорит он. – И бытовой антисемитизм был, от этого никуда не денешься. И у меня, да и у многих ребят были свои "злые гении", которые травили нас: "Жидёнок, еврейская морда"... На, так скажем, рабоче-государственном уровне я с антисемитизмом столкнулся позже, когда подросток». А тогда, маленькому ребёнку было очень интересно наблюдать, как в синагогу приходили люди. «Я удивился, что все ходили в шапках, хотя в помещении принято их снимать, – вспоминает Игорь Пикерский. – Мужчины на головах носили кипы, а у двух человек были не кипы, а чёрные, похожие на

медицинские, шапочки. Это было необычно и очень забавно. Это было первое знакомство с синагогой, мне было около 8 – 9 лет. Потом я оказался в синагоге, когда учился в университете. На первом этаже, как говорят, размещался спортивный зал. Я, честно, помню это плохо, но удивление запомнил хорошо: вроде бы тут была синагога, и сюда мы ходили печь мацу, почему же здесь спортзал?»

– Это была вторая половина 1970-х годов, мне было лет восемь-десять. Естественно, что-то еврейское у меня было в подсознании, краем уха я слышал, как бабушки, дедушка говорили на идише, и я понимал, что они говорят на идише, что это еврейский язык и еврейская традиция, – рассказывает главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда» Александр Гимельштейн. – Но сказать, что у меня были какие-то сильные в связи с этим ощущения, это вряд ли. Самым интересным элементом этого чуть-чуть приобщения к еврейской жизни было то, как мы с бабушкой Нелли Яковлевной Островской (девичья её фамилия была Копиевкер), ходили в синагогу за мацой. Коробок тогда не было, и чтобы унести довольно большой объём мацы, которую мы брали и для бабушки, и для моих родителей и нас с сестрой, мы приносили с собой наволочки. По-моему, две. Они были белые. В них мы аккуратно укладывали листы мацы, которые были ещё тёплые. На втором этаже, рядом с лестницей, стояла печь с таким конвейером, с валками. Мы брали мацу, и надо было обязательно прямо там её попробовать, похрустеть ещё тёплой. Потом мы с бабушкой шли с этими

двумя наволочками на трамвай, ехали в Студгородок. Мы праздновали еврейскую Пасху, без религиозной составляющей, увы... Но мама обязательно готовила фирменные еврейские блюда. Прошло много лет, но мама и сейчас готовит фирменные еврейские блюда.

– Жизнь в синагоге и в 1970-е, конечно, теплилась, – вспоминает прихожанин Лев Ефимович Сапожников. – По чуть-чуть, но всё было. И праздники справляли, и мацу выпекали, и молитвы читали. Я сам приехал с Урала, с Нижнего Тагила. А в Иркутскую синагогу меня привёл в 1974 году музыкант Борис Яковлевич Гласс. Я до этого не посещал синагог, ничего о религиозной жизни не знал. На Урале с этим было почему-то намного хуже. Нижний Тагил – рабочий город, моя семья не была религиозной. И в то время вообще свою религиозность, национальные корни старались не афишировать. Студентом я жил в Екатеринбурге, но таких встреч, которые бы меня привели в синагогу, там не было. Мы с Борисом вместе работали в оркестре, и как-то он предложил: «Пойдём, зайдём?» Мне стало интересно, и я пошёл. И начал ходить более-менее регулярно. Для музыканта постоянно посещать службы сложно, это связано с графиком концертов. Но мы с Борисом находили время и бывали в синагоге довольно часто. Потом Борис и многих молодых наших ребят увлёк, и они стали прихожанами. Был у меня национальный такой порыв, надо было как-то поддерживать память, кто я, откуда родом, кто мои единоверцы.

Никто никогда меня не трогал за убеждения, бывают рассказы, что верующих вызывали в «органы», бе-

седовали с ними. Нет, это не мой случай, я всегда свободно ходил в синагогу, и никто мне не препятствовал. И продолжаю ходить до сих пор.

Как вспоминает Лев Сапожников, в 1970 – 80-е годы в Иркутской синагоге ещё хранились многочисленные свитки Торы, старинные молитвенные книги... «Конечно, языка мы не знали, – говорит он. – Молились по молитвенным книгам, в которых с правой стороны текст был напечатан на иврите, с левой – на русском. Мы молились по русскому тексту, а раввин вёл службу на иврите. Как, собственно, и сейчас – Арон Вагнер читает молитвы на иврите, а мы следуем за ним, читая на русском».

Дочь руководителя еврейской общины Иркутска Матвея Когана, Минна, вспоминала, что под его руководством в советское время было сделано очень большое дело: очищено и благоустроено еврейское кладбище в Ново-Ленино. Тогда на кладбище появился забор, домик для сторожей, между участками проложены были асфальтированные дорожки... А в 1977 году на кладбище появился памятный обелиск в честь погибших воинов-евреев.

«Это был примерно 1975 год. Близились 30-летие Победы, и наши старики здесь, в синагоге, собирались, – вспоминает прихожанин Александр Сидоровский. – Вместе с ними был мой дядя, брат моего отца. И вот они предложили: надо увековечить имена ребят-евреев, которые погибли на войне. И начался сбор денег. Одна сумма была просто на памятник, и чуть выше для тех, кто хотел, чтобы имя их родственника было на памятнике. Сначала отнеслись с недоверием многие,

а когда увидели памятник... На такой памятник нужно было разрешение горисполкома, обкома, горкома партии. Идею поддержал председатель Иркутского горисполкома Николай Францевич Салацкий. Но нужно было как-то отреагировать "городу", поскольку еврейская община делает что-то для памяти своим погибшим, а как же русские? Салацкий собрал совещание, и было принято решение сделать мемориал в Лисихе, на русском кладбище. Так идея еврейской общины способствовала тому, чтобы был создан ещё один мемориал...»

Дедушка Игоря Берковица, Карл Израилевич Зусман, активный член общины, в конце 1960-х – начале 1970-х приложил большие усилия к организации еврейского участка Ново-Ленинского кладбища. «Я, как сейчас, помню, он рассказывал родителям, сколько ему усилий это стоило, – говорит Игорь Берковиц. – Он ходил по инстанциям: в горисполком, в облисполком. Я считаю его основоположником этого кладбища. По крайней мере, он мне не говорил, что кто-то с ним ходил по инстанциям и хлопотал за то, чтобы на иркутском кладбище в Ново-Ленино был выделен участок под еврейские захоронения.

Дедушка сумел попасть на приём к председателю горисполкома Николаю Салацкому. И власти согласились, был выделен участок, а потом уже на средства членов общины был поставлен памятник воинам-евреям».

Надо сказать, что и до сооружения мемориала на Ново-Ленинском кладбище евреи сами пытались со-

хранить память о погибших в Великой Отечественной. «Посмотрите на кладбища и в Лисихе, и в Ново-Ленино, – рассказывает Александр Сидоровский. – На многих могилах вписаны имена сына, погибшего на войне. Это делалось на памятниках, когда хоронили родителей бойца, братьев, сестёр. По еврейской традиции, есть такой закон, имя человека не должно быть забыто, оно должно продолжаться. Конечно, бойцы были похоронены где-то. И часто это была братская могила...»

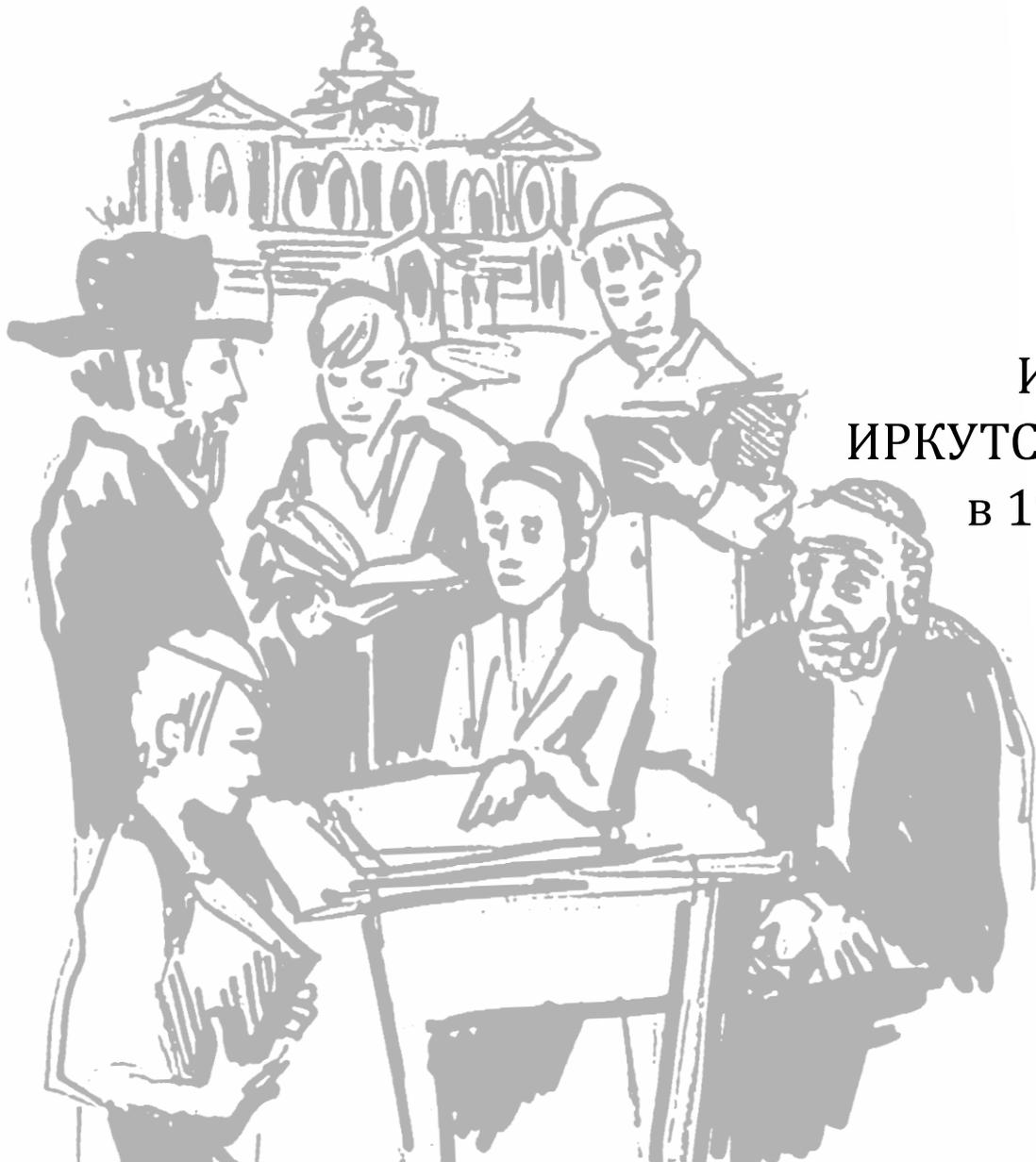
У руководителя общины, Матвея Когана на войне погиб сын Иосиф. Когда родные узнали, что там, на западе, идёт перезахоронение, жена Матвея Когана, ездила на место и присутствовала там. Когда же сама супруга Когана умерла, он поместил на её могилу портрет погибшего сына. «Когда появился мемориал на Ново-Ленинском кладбище, было принято решение: уходящие из жизни ветераны войны должны быть захоронены на территории рядом с мемориалом», – рассказывает Александр Сидоровский. Сооружение мемориала на Ново-Ленинском кладбище – это огромная заслуга еврейской общины этого периода.

Однако, несмотря на усилия людей старшего поколения, со временем, к 1980-м годам, жизнь в Иркутской синагоге начала затухать, говорит Александр Сидоровский. Старики начали уходить в мир иной, а молодёжи особенно не было. «Все мы были комсомольцы, и посещение синагоги не то чтобы не разрешалось, а не приветствовалось, – говорит он. – И молодые старались тут не появляться».

Часть IV

ИСТОРИЯ
ИРКУТСКОЙ СИНАГОГИ
в 1990-е годы

В мае 1989 года скончался руководитель иркутской еврейской общины Матвей Коган. Наступил сложный период 1990-х годов. В январе 1990 года один из активных прихожан Михаил (Мордохай) Рувимович Левинсон в интервью «Советской молодёжи» рассказал о жизни синагоги. Он сообщил, что в молитвенный дом ходят немногие, в основном – старики. «В Иркутске – пять тысяч евреев, но по субботам молящихся бывает всего пять-шесть человек», – сообщил Левинсон тогда корреспонденту газеты (Краснослободцева С. Безысходность под звездой Давида // Советская молодёжь. 1990. 20 января). «Приходят любопытствующие, смотрят, слушают молитвы, а молятся одни лишь старики. Молодёжь бывает у нас очень редко. Мы приглашаем самых лучших канторов из Москвы, из Одессы, но всё впустую. Люди не ходят», – говорил Михаил Левинсон. Он связывал это с тем, что евреи долгое время испытывали страх перед религией, поскольку в советское время верующих преследовали. «Дети к нам давно уже не приходят, ведь раньше, если в школе узнавали, что ребёнок ходил в синагогу за мацой, его "клевали" учителя и прохода не давали сверстники. Дети не приходят потому, что приобщение к вере начинается в семье, а страх слишком прочно пустил корни в человеческих душах. Детей на-

сильно заставляли забывать язык, чтобы уберечь их, теперь это дало результат – они не знают языка своего народа, они не понимают слов молитвы, вознесённой к Господу... Недавно вот один молодой человек купил у нас Тору (Священную книгу), а на следующий день пришёл, принёс её обратно и честно признался: "Я боюсь"». Михаил Левинсон сообщил тогда, что к 1990 годам около 40 лет в синагоге уже не проводились свадебные обряды, и зачастую умершие отправлялись в мир иной без положенных по этому случаю молитв.

Доход синагоги на 1990 год составлял, по свидетельству М. Левинсона, около 15 тысяч в год. «Поступают деньги в основном от продажи мацы, с еврейского кладбища, от реализации книг и прочих религиозных изданий, – сообщил Левинсон. – Мацу нашу покупает почти весь город. В прошлом году мы выпекли больше 12 тонн, раскупали всё и ещё не хватало. А что будет в этом году, не знаю. Наши рабочие, которые занимались выпечкой, ушли в кооперативы. Мы ведь не можем платить им большие деньги, а человек, естественно, ищет, где лучше». Положение синагоги было таким, что на тот момент молитвенный дом не мог содержать даже сторожа, несмотря на то, что в здании хранились культовые предметы, книги и другие религиозные ценности. Сторожить приходили сами прихожане.

Иркутская еврейская община, несмотря на немногочисленность, жила и активно реагировала на события, происходившие в городе. 11 ноября 1989 года в синагоге, например, проходили траурные молитвы за упокой всех безвинно погибших во время правления

Сталина. Это было связано с перезахоронением останков репрессированных в Пивоварихе.

С 1989 года были установлены связи с границей. «Из США, из Израиля мы получаем бесплатно религиозную литературу, журналы, – рассказывал Михаил Левинсон. – В каждой книге даётся подстрочный перевод на русский язык – всё это сделано для того, чтобы приобщить людей к вере и родному языку, ведь лишь немногие из нас его сегодня знают. Скоро при нашей синагоге откроют курсы еврейского языка для всех желающих. Может быть, таким способом нам удастся возродить язык». В декабре 1990 года в Иркутске побывали раввины Эфраим Гольдфайн и Давид Шаков из Филадельфии (США), представители движения Любавичского ребе. Гольдфайн тогда обратился через газету к властям города, предложив вернуть здание синагоги общине. Однако Михаил Левинсон был настроен пессимистически, он считал, что вслед за уходом стариков, уйдёт в Иркутске и еврейская вера. Но, к счастью, он ошибался.

В те годы в здании синагоги на первом этаже находилась контора бытовиков. Как вспоминает прихожанка Татьяна (Тойба) Мишкина-Кравцова-Чикунова, в 1980-е годы помещения под склады в синагоге снимал Иркутскгоршвейбыт. В октябре 1991 года горисполком постановил освободить первый этаж, по ходатайству прихожан здание было передано на баланс иркутского еврейского религиозного общества. Помимо собственно синагоги, в здании стал работать клуб еврейской культуры, а в ноябре открылась еврейская детская

воскресная школа. Председателем совета иркутского еврейского религиозного общества был бывший работник завода имени Куйбышева Залман Семёнович Гольдис. Он, по воспоминаниям прихожан, сам читал молитвы.

Клуб еврейской культуры был создан в Иркутске в феврале 1990 года, его возглавил Константин Натанович Данович, активно работали в клубе Яков и Тамара Лахтер, поэтесса Людмила Мироновна Бендер, дочь поэтессы и писательницы Беллы Левантовской. В общине Людмила Мироновна Бендер вела активную работу, собирала воспоминания ветеранов иркутской общины, переводила еврейских поэтов, рассказывала об истории еврейской литературы на заседаниях клуба еврейской культуры. На одном из первых заседаний во Дворце профсоюзов звучал государственный гимн Израиля «Атиква» («Надежда») в исполнении Елены Ратовицкой. Л.И. Бендер прочитал лекцию о еврейской музыке с экскурсом в историю. Жанна Зильберберг исполнила несколько песен на иврите. Гарри Кагосович Цуккер вместе с режиссёром М.А. Серебрянниковой подготовил художественное чтение рассказа Шолом-Алейхема «У доктора». А Людмила Мироновна Бендер читала стихотворение «Гимн труду» классика еврейской литературы Х.Н. Бялика, переведённое ею на русский. «И те, кто выступал со сцены, и те, кто сидел в зале, чувствовали себя новичками. Для многих еврейская национальная культура пока совершенно незнакома. И здесь у клуба большое поле просветительской деятельности», – писала газета «Восточно-Си-

бирская правда» (Перов Г. Грани еврейской культуры // Восточно-Сибирская правда. 1990. 20 мая). Тогда же, в 1990 году, клуб и иркутское еврейское религиозное общество организовали в Иркутске лекции по еврейской культуре и основам иудаизма. Лекции читали раввины Мендл Гершон и Веллван Гудман из США. В 1992 году, когда на осенние праздники в Иркутск прибыл раввин Аттіас, впервые за многие годы в синагоге звучали шофар. «Раввин Аттіас трубил в шофар виртуозно и вдохновенно, обращаясь одновременно и к Богу, к людям...», – вспоминал Константин Данович (Данович К. Призывный глас шофара // Восточно-Сибирская правда. 1992. 24 октября). Члены клуба еврейской культуры писали статьи о национальных праздниках в иркутские газеты, о работе клуба даже вышла передача на телевидении под названием «Очаг». В 1993 году Людмила Бендер и её коллеги организовали в Иркутске семинар преподавателей иврита, живущих в России и СНГ. «По приглашению правления Иркутского еврейского культурного общества в Иркутске работали преподаватели-методисты из Израиля – координатор отдела еврейского образования при Сохнуте Рая Амеир, музыковед, преподаватель литературы Иерусалимского университета Гиора Диманш. Тогда приехали люди из Екатеринбургa, Якутска, Перми, Магадана, Камчатки, Сахалина. Мы совершенствовались в языке Торы с помощью музыки, различных игр. Слушали лекции об истории еврейского народа, о национальной музыке и литературе», – вспоминает Людмила Бендер. Тогда же, в 1993 году в Клубе еврейской культуры впервые дети

под руководством взрослых провели Песах. Для многих он был первым в жизни. В 1994 году Клуб открыл детскую воскресную школу, где дети изучали историю еврейского народа, религию, музыку и танцы. В 1997 году при клубе уже действовали постоянные курсы иврита, молодёжный клуб, была создана библиотека и фильмотека, совместные программы с Израилем, семейная программа «Первый дом на родине»... В 1998 году Людмила Мироновна возглавила клуб, была его учредителем вместе с Евдокией Гедальевной Зельцер, Ольгой Моисеевной Сосной. В 1999 году в Тель-Авиве издала книгу стихов «Свободное падение», тогда же была принята в Ассоциацию израильских писателей. В 1998 году после осквернения и разрушения памятников на Ново-Ленинском и Лисихинском кладбищах Людмила Мироновна вместе с другими руководителями национальных обществ, руководством иркутской еврейской религиозной общины направила письмо губернатору Борису Говорину и мэру Владимиру Якубовскому, требуя призвать к ответу погромщиков.

Константин Данович сразу после основания клуба начал проводить первые в Иркутске курсы иврита, собравшиеся занимались по учебникам Шошаны Блюм. Позже на этих курсах Константина Дановича сменил Гарри Кагосович Цуккер. Он же стал руководителем общины. К этому моменту Гарри Цуккеру было почти 70 лет. Гарри Кагосович родился в 1926 году в Черновцах, в Северной Буковине. «Кусочек такой между Трансильванией и Бессарабией, с севера граничит с Польшей, до первой мировой войны это была Ав-

стро-Венгрия», – вспоминал сам Цуккер в интервью М. Рожанскому (Человек, переживший историю. Сравнительное жизнеописание Цви Херша Гарри Цуккера // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Материалы VII региональной научно-практической конференции. Красноярск – Кемерово, 2006). Черновцы уникальны тем, что за 100 лет там было 4 разных государственных языка – немецкий, румынский, а после Великой Отечественной – формально украинский, а по факту русский, а после распада СССР – украинский. С детства Гарри Кагосович слышал самую разную речь, включая идиш, а сам говорил на немецком (до Первой мировой Черновцы были в австро-венгерском подчинении). «Культурные еврейские семьи использовали немецкий язык при общении с детьми», – вспоминал он. Его дедушки и бабушки не имели среднего образования, но «были высокообразованными с точки зрения еврейской культуры, с точки зрения Торы», а родители окончили среднюю немецкую школу. Гарри Кагосович вспоминал, что еврейские дети дома, в частном порядке, не в хедере, учили Тору. «Читали, читали – с удовольствием читали. Читали и на идиш. Очень часто. У нас было что-то вроде коллективного чтения Шолом-Алейхема. У нас в семье это было очень интересно. Я даже вправе считать, что у меня два родных языка, хотя сам я до недавнего времени... на идише говорить не мог. В детстве у меня ломался язык на идише, я разговаривал только на немецком. Но поскольку в окружении идиш был, я очень легко, когда стало надо, очень легко перешёл на него», – говорил он. Довелось ему поучиться и в румынской

школе, потому румынский он тоже знал. А вот русским не владел до 1940 года, и даже в первый год в СССР ходил в еврейскую школу и учился на идиш, потом начал осваивать русский. Имя он своё получил в честь деда по линии отца – Херша, Цви, русский аналог – Гриша, румынский – Гарри.

В 1941 году семья Гарри Цуккера была выслана в Средний Васюган на севере Томской области. Гарри Кагосович вспоминал, что дед умер на двенадцатый день после приезда, бабушка – через год. Фактически, она скончалась от голода, поскольку и так было почти нечего есть, а она не могла кушать ещё и некошерную пищу. Семье удалось перебраться в Томск через какое-то время. Примерно в 1945 году мама и сестра Гарри Кагосовича бежали в Черновцы, а затем и отец с сыном следом. Но в 1948 году отца и сестру арестовали, а мама и сын снова, добыв поддельные документы, уехали в Томск. Отец и сестра попали в Иркутск как высланные члены «организации украинских националистов» (это было смешно, поскольку семья была еврейская), написали родным в Томск, и семья воссоединилась в Иркутске. Гарри Цукер работал на Лисихинском заводе, и даже стал активным комсомольцем, но потом был исключён из первичной ячейки, но восстановлен. Позже он вступил в партию. Заочно закончил в 1954 году Томский университет, с 1951 года работал в школе преподавателем математики, с 1961 года – завучем. С 1964 года по 1980-е трудился в госуниверситете. Сам Гарри Кагосович в интервью М. Рожанскому сказал, что у него рано сформировался дар, «умение разговари-

вать, убеждать», и говорил, что этому его «жизнь научила». По мнению М. Рожанского, в этом легко узнаётся наследство жизни в диаспоре, в еврейском мире Северной Буковины. Это и «оптимизм, «умение разговаривать», то есть держать себя достойно в контакте с теми, кто обладает властью, практический идеализм, то есть стремление сделать лучше «здесь и теперь» (это придаёт жизненную энергию, которая позволяет быть «генератором идей»)».

В 1989 году Гарри Цуккер, в прошлом активный партработник, исключённый и вновь восстановленный в партии, стал сначала учителем иврита, а потом духовным настоятелем Иркутской синагоги. «При мне партия кончилась, приказала долго жить», – констатировал он. И как это было много раз в жизни, Гарри Цуккер не растерялся, не утратил оптимизма и... стал заниматься тем, к чему лежала душа. Начал преподавать иврит, читать молитвы в Иркутской синагоге. «Мы вместе работали в Иркутском университете, – рассказывает прихожанин Александр Сидоровский. – Он знал хорошо и немецкий язык, и идиш. Гарри Кагосович легко освоил иврит, и его просили читать молитвы – он был единственный, кто мог это исполнять тогда». Прихожане вспоминали, что несмотря на слабое здоровье, Гарри Кагосович никогда не пренебрегал своими обязанностями в синагоге. Однажды, будучи больным, он всё же вышел читать молитву и упал в обморок.

В те годы в Иркутске побывал французский журналист Винсент Розенблатт. В 1998 году он опубликовал в ежемесячном французском иудейском журнале

«L'arche» статью «Иркутск. Израиль в Сибири», на обложке была фотография со службы в Иркутской синагоге.

«Гарри Цукер, хазан, раввин синагоги, читает молитву за других евреев... – писал журналист. – Его путь типичен для «хомо советикус», который сумел выжить в условиях жестокого режима, в суровые времена...». Французский журналист был удивлён открывшимся к концу жизни религиозным потенциалом этого человека, партийца, коммуниста: «Сегодня, хотя он признаётся, что никогда не имел религиозных чувств, он читает Тору для других коммунистов, «потому что никто другой не может этого сделать» (Винсент Розенблатт. Иркутск. Израиль в Сибири // L'arche. 1998. Январь). «Почти семидесятилетний человек... еженедельно отправлялся в райцентры, расположенные в 3 – 4 часах езды, на предрассветных и полночных электричках, поскольку кроме него некому было приобщать к языку предков в прибайкальской Слюдянке или в шахтёрском Черемхово», – писал М. Рожанский (Человек, переживший историю. Сравнительное жизнеописание Цви Херша Гарри Цуккера // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Материалы VII региональной научно-практической конференции: Сб. Красноярск – Кемерово, 2006). В конце 1990-х годов Гарри Цуккер уехал в Израиль. Скончался он в 1998 году.

Член иркутской общины, Евгений Соломон писал: «...Уехал в Израиль, осуществив свою давнюю, заветную мечту, Гарри Кагосович Цуккер, духовный лидер иркутской общины. Он уехал в Страну тогда, когда по-

нял, что сделал всё, что мог, по пробуждению национального самосознания, в том числе по воссозданию общины в Иркутске». «Благодаря Г. Цуккеру и Константину Натановичу Дановичу я, давно и профессионально занимающийся историей и этнологией, понял и почувствовал, что такое мой народ. Это произошло на первых уроках иврита, которые вёл Гарри Когосович в ульпане. Вслушиваясь в звучание языка, я вдруг ощутил, как что-то глубокое заполняет душу, ласкает её. Гарри Кагосович Цуккер – это глубоко народный характер» (<http://otlichie.chat.ru/teacher.htm>).

Прихожане тех лет вспоминают, что именно Гарри Кагосович способствовал тому, что в иркутской синагоге начал собираться народ, постепенно росло количество молящихся.

Председателем Совета иркутской общины в те годы стал Джура Исаборухович Файлаев. Его супруга, Тамара Файлаева вспоминает: «Джура Исаборухович родился в 1947 году в Самарканде, а уже позже, в 1970-х приехал работать в Иркутск. Узнал, что тут есть синагога, начал в неё ходить, позвал своих близких друзей, которые тоже прибыли из Самарканда, начал привлекать иркутян. Тогда в Иркутскую синагогу ходило очень мало народа, и Джура Исаборухович поставил перед собой задачу: привлечь как можно больше евреев в молитвенный дом». По воспоминаниям Тамары Файлаевой, он устраивал многочисленные праздники для прихожан. Религиозные знания, будучи простым сапожником, он получил ещё в раннем детстве. «Среди бухарских евреев религиозность была очень сильна, и

они с молоком матери впитывают все обычаи, знают Тору, молитвы, знают все религиозные запреты и каноны, – говорит Тамара Файлаева. – Если сейчас многие евреи обучены вере, то тогда такое было редкостью. Джура Исаборухович принёс веру из семьи, от родителей. У них в семье строго соблюдались все праздники, и во все дни недели свои особенности: в пятницу, к примеру, готовили рыбу в память об ушедших. Он с пелёнок знал все пищевые особенности: как готовить, когда кушать молочное и мясное. Знал иврит, идиш, в доме у него было много молитвенных книг, книг об истории еврейского народа. При этом родители у него были самые простые: мама работала в колхозе, отец на рынке рубил мясо. У самого Джуры Исаборуховича не было высшего образования, но он столько много знал о религии, мог воспроизвести любой религиозный сюжет, с ним было очень интересно».

Когда Джура Исаборухович пришёл в синагогу, тут всё было разрушено. «Я помню, что они каким-то образом даже восстанавливали старый свиток Торы, чтобы можно было молиться на шаббат», – вспоминает Тамара Файлаева. В тот момент в Иркутске ещё мало кто мог похвастаться таким знанием обычаев. Джура Файлаев соблюдал все обычаи неукоснительно как в синагоге, так и в быту. Он и взял на себя своеобразную миссию: просвещать, объединять. Привлекал старичков, собирал их вместе, готовил плов. Люди жили бедно, и с удовольствием шли на такие собрания. Первоначально собирались, готовили столы всегда сами. «Джура Исаборухович с деньгами-то не считался, на

последние соберёт, купит рис, купит мясо, и людей собирает. Сидят, он им о традициях рассказывает, а старики о том, что помнили в своих семьях. Очень любил он такие встречи. На природу ездили, на кладбище читали молитвы по большим событиям, например, на 9 мая. Любили к нему приходиться, он открытый был, простая душа. Последнее отдавал, чтобы кому-то сделать приятное. Если кто из стариков в больнице лежал, он без разговоров собирался, ехал, привозил сок, фрукты. Это было нормой, многим он помогал материально».

И постепенно люди стали приходиться в синагогу всё чаще и чаще. Организовалась столовая для малоимущих, бедным людям выдавали вещи... Стал собираться миньян. «Джура Исаборухович был очень весёлым, энергичным человеком, и люди к нему тянулись, – вспоминает супруга. – Синагога начала оживать». Долгое время Джура Исаборухович мечтал репатриироваться. Его сестра в 1980 году уехала в Израиль. «Нам приходилось шёпотом говорить о том, что у него в Израиле живёт сестра, это в советское время преследовалось, – вспоминает Тамара Файлаева. – Позже и его мама тоже покинула СССР, и уехала в Израиль. Он просился выехать, навестить их, но его долгое время не выпускали. А как он просил! «Маме уже 80 лет, я возможно, её в последний раз уже увижу!», – говорил сотрудникам ОВИРа. А ему отвечают: «Где вы работаете?» – «Я сапожник». – «У нас нет такой профессии – сапожник». Оказывается, тогда существовала только одна профессия: «мастер-обувщик», ему надо было на фабрике работать. И ему сказали: «Было бы у вас хотя бы высшее

образование, мы бы вас выпустили. А так капиталистическая страна, не можем». И года через три, примерно в 1984 году, ему разрешили выехать. Он успел увидеть маму, она на его глазах ушла, как будто ждала. Он только приехал, она в тот же день занемогла, увезли в больницу, и через 10 дней она скончалась». Сам Джура Исаборухович мечтал закончить жизнь в Израиле, но не успел уехать, смерть настигла его раньше. Когда он скончался, его провожали в синагоге. Раввин Арон Вагнер посчитал, что этот человек достоин того, чтобы в последний путь он ушёл из молельного дома. Джуру Исаборуховича многие критиковали, однако он был единственным на тот момент, кто взял ответственность за жизнь синагоги. И он её нёс, как мог. Джура Исаборухович попросил похоронить его в Израиле, и его тело после смерти увезли туда. Сейчас в Израиле живёт его дочь, русская по матери, она переняла все обычаи отца, выучила иврит, прошла гиюр.

Жизнь в общине становилась всё полнокровнее. Осенью 1992 года в Иркутск приехал по протекции международной организации «Джойнт» раввин из Иерусалима Шломо Бен Илиша Аттиас. Впервые за много лет на осенних праздниках в Иркутской синагоге богослужение вёл раввин из Израиля. Он приехал ещё раз в 1993 году на Песах. В этом же году произошло знаменательное событие: здание Иркутской синагоги было передано в собственность еврейскому религиозному обществу. Этому решению способствовал глава администрации Иркутска Борис Александрович Говорин, в будущем ставший губернатором. В 1994 году случи-

лось печальное событие: из синагоги были украдены шесть свитков Торы, и милиция не сумела найти воров.

В эти годы был написан устав Иркутской еврейской религиозной общины. Устав готовил юрист, член общины Вадим Захарович Фурман, участвовал в создании документа Исай Исарович Чайкин, свои предложения внесли Григорий Борухович Трубников, Борис Михайлович Горных. Община жила в те годы за счёт сдачи в аренду помещений на первом этаже, средства давала им международная организация «Джойнт». Благодаря этому могли существовать Общество еврейской культуры и Хэсед. Руководителем ОЕК после отъезда Константина Дановича и супругов Лахтеров стала Ольга Моисеевна Сосна. В конце 1990-х годов исполнял обязанности раввина Давид Дорохов, русский человек, принявший иудаизм, выпускник института подготовки лидеров еврейских общин СНГ (1995 год).

Вот такими увидел прихожан иркутской синагоги в 1998 году французский журналист Винсент Розенблатт: «В прицеле моей камеры – глава общины, Жорж Файлаев, еврей, приехавший из далёкой Бухары... Он покрыт маленьким старым талесом (платком для молитвы), фотография подтверждает: перед вами ортодоксы. Иркутск – столица Восточной Сибири, с 800 тысячами жителей, среди которых есть русские, буряты, татары, армяне, евреи. Еврейская община насчитывает три-четыре тысячи человек. По адресу Карла Либкнехта, 23, в центре Иркутска, возвышается построенная в 1881 году синагога, единственная оставшаяся из шести синагог, которые существовали до революции...» (Фак-

ты приводятся по оригинальному тексту статьи. – Винсент Розенблатт. Иркутск. Израиль в Сибири // L'arche. 1998. Январь)

Помимо стариков, которые исправно приходили в синагогу, здесь к концу 1990-х стали появляться и молодые люди. Состав прихожан, как и в любой возрождающейся общине, был пёстрым. «Две очаровательные юные верующие отличаются от еврейских стариков, они спорят о чём-то или склонены над своими молитвенными книгами, – писал французский журналист. – Анжелика Маркова в свои десять лет "по собственному желанию" каждую субботу посещает синагогу. Её отец, посещающий Православную Церковь, считает себя "настоящим русским"; её мать, активистка-эколог, помимо иудаизма, изучает этиологию летучих мышей в Иркутском университете... Она отправляется в далёкую тайгу, сопровождая геологов в труднодоступных пещерах. Что касается Светланы... она принадлежит протестантскому кругу города. Она приходит в синагогу, чтобы молиться о том, чтобы евреи вернули свою веру и обратились ко Христу».

«На первом этаже синагоги, совсем другой мир: в воскресенье утром открывается еврейская школа, – продолжал французский корреспондент. – Здесь дети узнают какие-то кусочки еврейской истории, особое место отведено изучению еврейского мира сегодня, истории и географии Израиля, дети знакомятся с израильскими народными песнями: здесь даётся всё, что должен знать маленький кандидат на эмиграцию. Каждое воскресенье дети в возрасте до шестнадцати

лет оказываются в маленьком мире вместе с Галей, их шестнадцатилетней учительницей: Димка, Надя, Маша, Ира, Женя, Сергей, Андрей, Зоя, Толик, Лена и Люция. Учатся танцевать, поют в хоре... Тем, кто готов учиться, будет предложена программа «Наале 16»: три года обучения в Израиле оплачивается Еврейским агентством. Штаб Еврейского агентства на улице Карла Маркса находится недалеко от синагоги. Барух Накдимон, представитель Израиля в Восточной Сибири, здесь является ключевым персонажем: он отбирает кандидатов на эмиграцию, присуждает стипендии, облегчает получение бумаг... Кто хочет эмигрировать? Кто имеет на это право?»

Община продолжала жить даже в самые трудные времена. Под руководством Якова Айзиковича Левковича была отремонтирована русская печь, началась выпечка мацы. В 1999 году было осуществлено восстановление еврейского кладбища в Ново-Ленино. Около 60 иркутян приняли в этом участие. Вениамин Иосифович Бланк отремонтировал пришедший в ветхость шкаф для хранения свитков Торы, Арон-Кодеш. Синагога начала получать помощь со стороны Конгресса Еврейских Религиозных Общественных Объединений России (КЕРООР).

Многие из иркутских евреев пришли в синагогу тогда, в 1990-е годы. И каждый вспоминал это событие с теплом. Особенно старики, на долю которых пришлась война, долгие годы забвения своей религии из-за страха. Выходец из большой религиозной еврейской семьи, жившей в Румынии, Мойса Натанзон приехал

в Иркутск в 1950 году и женился на иркутянке Деборе, её двоюродный брат, Михаил Миль – знаменитый авиаконструктор. Они прожили с женой неразлучно почти 50 лет. «Я счастлив, что я оказался в новой синагоге, что почти 7 – 8 лет мог с евреями быть вместе, – вспоминал он в 2009 году, когда был записан фильм «Воспоминания старейшин еврейской общины города Иркутска "Еврейские истории"». – Я ходил, молился, на все праздники ходил. Каждый праздник я поздравляю синагогу и всех евреев. Еврейской молодёжи хочу пожелать, чтобы молодые евреи ходили в синагогу молиться. Старики, которые ходят, потихоньку уходят. От этого мы никуда не уйдём, мы не знаем, что сегодня и завтра будет с нами. Если еврейская молодёжь будет ходить, то народ не забудет тех, кто нас к этому вёл, они много страдали, наши деды и прадеды, чтобы мы к этому пришли. Если поймут это, то еврейский народ никогда побеждённым не будет».

В 2009 году для фильма о старожилах иркутской еврейской общины были записаны воспоминания Брайны Абрамовны Рабинчук, которая также пришла в синагогу на склоне лет, а до этого была обычной иркутянкой, не слишком связанной с религией. В её семье всегда, несмотря на советское воспитание детей, соблюдались еврейские обычаи, но именно её поколение не было религиозным. Брайна Абрамовна в войну работала медсестрой в санитарных поездах, в медицинских бригадах, выносила раненых с поля боя, работала палатной сестрой в иркутском эвакогоспитале № 1220. И после войны её судьба была связана с меди-

циной. Но воспоминания о бабушке, об отце, в которых дух еврейства был силён, которые знали и чтили все обычаи, вернули Брайну Абрамовну к мыслям о своём народе, о его религиозной истории. «Мне предложила ходить в синагогу подруга Геня Абрамовна Кременчук, она врач тоже, и мы стали ходить вместе, – вспоминает Брайна Абрамовна. – Иврит я не знаю, читаем по-русски, молимся... А что там принесёт нам Бог или не принесёт, неизвестно».

В 2009 году своими воспоминаниями для фильма поделилась и Раиса Лазаревна Мошкович, потомок еврейских политссыльных. В её семье чтили обычаи бабушки, дедушки, отец... А сама Раиса Лазаревна пришла в синагогу уже в 1990-е годы. «Ольга Моисеевна Сосна (руководитель Общества еврейской культуры. – Авт.) сказала тогда: надо создать кружки и надо помочь детям, – вспоминала Раиса Мошкович. – Мы начали вязать, и вот детдом в Рабочем, где церковь, мы по столько пар туда вязали! Почти 10 лет туда возили. Варезки вязали, рукавички вязали, шарфы вязали. И два раза нас даже «Аист» показывал... Мы пришли в детдом, и они там, корреспонденты. И мы когда на ребяташек всё это надевали, они засняли и по телевизору даже это было показано. Приезжала делегация из Израиля, мы им тоже показывали, что мы делаем. Новосибирск, Красноярск – все знали о нашей работе». Бабушки узнавали о детях-евреях в детских домах и помогали им.

«В начале 1990-х мы начали учить иврит, община ожила, – рассказывает прихожанка Татьяна (Тойба) Яковлевна Мишкина-Кравцова-Чикунова. – По воз-

можности делали мелкие текущие ремонты под руководством Жоры (Джуры Файлаева. – Авт.). Община в стенах синагоги чувствовала себя сплочённой. Я вместе с мамой начала ходить на шаббат и посещать все праздники».

Игорь Эдуардович Пикерский начал ходить в синагогу на праздники в середине 1980-х. «Что привело меня сюда? У меня в 1983, 1984, 1985 году умерли последовательно папа, бабушка и мама, – рассказывает он. – Было ощущение, что передёрнули затвор автомата. Было трудно. И мы обратились в синагогу, чтобы провести захоронения на еврейском кладбище. С нами ездил Михаил Борисович Левинсон, который занимался вопросами захоронений в «Хевра Кадиша». Они выделяли места, организовывали изготовление могил, захоранивали. Я помню, что хоронили из дома, останавливались в арке на кладбище, читали какие-то молитвы. Плохо помню, потому что память обычно делает стёртыми тяжёлые воспоминания. Но эти несколько обращений в синагогу были достаточно значимые, потому что именно этот контакт подвиг меня на то, чтобы прийти сюда потом. Я несколько раз приходил для того, чтобы заказать поминальные молитвы. Потом был достаточно долгий перерыв, из-за личной жизни, работы. И снова я вернулся в синагогу в 1995 – 1996 годах. К этому моменту вся синагога была передана в ведение общины. Здесь велись определённые службы, насколько это было возможно в тех условиях. Слава Богу, что и это было, и было это замечательно. Постепенно шло развитие общины, я поначалу не

очень часто ходил, а активно начал посещать примерно с 1998 года. Стал ходить каждую субботу, на все праздники. Здесь и перезнакомился с прихожанами. Потом состоялся семинар Института изучения иудаизма в СНГ под руководством рава Адина Штейнзальца. В синагоге начались по инициативе института занятия по изучению Торы. До дефолта 1998 года у меня достаточно хорошо развивался бизнес, мы помогали финансировать проведение шаббатов. Прошли ещё несколько семинаров от Института изучения иудаизма. Постепенно-постепенно становилась более активной еврейская жизнь. В 2000 году я заболел, и почти четыре месяца не ходил в синагогу, потом начал работать над проектами по еврейской тематике от Института изучения иудаизма».

«Мы с супругой начали постоянно ходить в синагогу по праздникам в начале 1990-х годов, – рассказывает прихожанин Игорь Берковиц. – Вместе с нами ходила наша дочь Маша. С детства она проявляла большой интерес к тому, что происходило в синагоге. В начальных классах стала ходить в детскую воскресную школу. А потом был молодёжный клуб при Сохнуте, изучали традиции, язык, создавали определённые компании по интересам. Будучи студенткой Иркутского госуниверситета, какое-то время дочь работала в Сохнуте. Закончив ИГУ в 2003 году, она уехала в Израиль. Уже в Израиле вышла замуж, родила двоих детей».

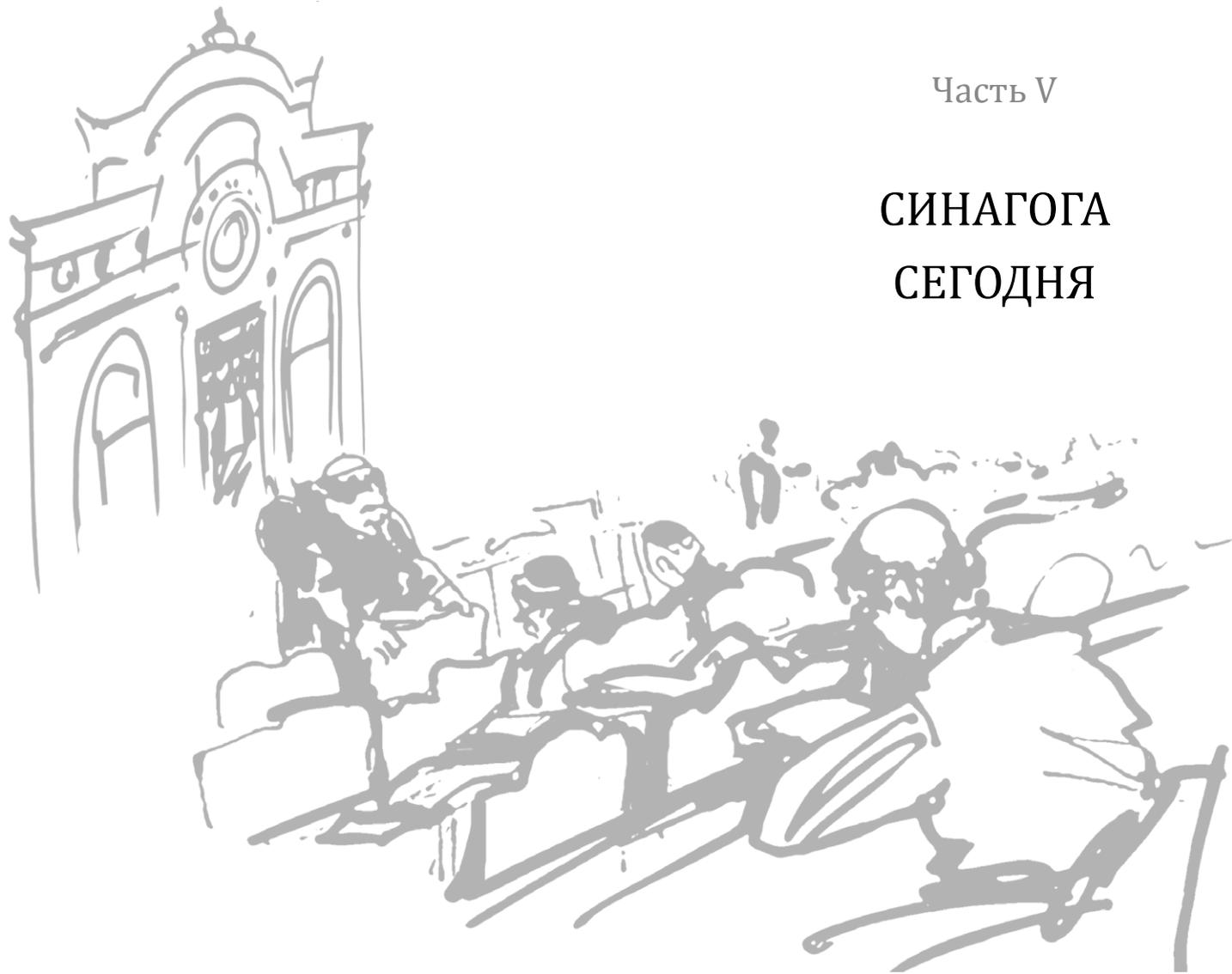
Александр Сидоровский, в детстве много бывавший в синагоге, в сознательном возрасте стал ходить в молитвенный дом тоже в начале 1990-х годов. «В уни-

верситете мой знакомый был одним из организаторов благотворительной еврейской организации Хесед, – рассказывает он. – Хесед проводил в Иркутске семинар для учителей иврита воскресных школ. Проходило это всё в санатории "Ангара", приехали преподаватели из Израиля. Я тогда вообще ничего не знал, ни одной буквы на иврите и был приглашён принять участие в работе этого семинара. А позже, в 1994 году, поехал в Израиль на аналогичные курсы, полтора месяца учился. Теперь я, к сожалению, не часто бываю в синагоге – в осенние праздники, на Песах. На молитву "ицкор", поминание родственников, я считаю своим долгом прийти и тут вспомнить своих предков. Я считаю, раз наши предки сохранили синагогу, и даже в трудные времена, когда не разрешалось ничего, то наша тоже святая обязанность не давать этому всему затухнуть. Сейчас эта искра в Иркутской синагоге хорошо разгорелась».

Часть V

СИНАГОГА
СЕГОДНЯ

Иркутская еврейская община сегодня – это живой организм, который был соткан в своё время из разных организаций, так или иначе занимавшихся еврейской жизнью в столице Приангарья. Все они, конечно же, тяготели к синагоге: иркутскому еврейскому культурному центру, хеседе «Ха-Яд» и сообществу молитвенного дома. Те, кто ходил в культурный центр, работал в хеседе, они же отчасти и составляли костяк прихожан. Новую эпоху в жизни Иркутской синагоги можно отсчитывать с момента пожара в 2004 году, а можно – после открытия нового, отреставрированного молитвенного дома в 2009 году.

– У меня новый отсчёт жизни синагоги связан с приездом в Иркутск семьи раввина Вагнера, – говорит глава иркутской еврейской общины Стелла Прилепская. – Община, конечно, жила и раньше, но возрождение самой синагоги я лично связываю с Вагнерами. В этом здании я с коллегами работала в еврейском культурном центре. Община, культурный центр, хесед, синагога – всё это было очень взаимосвязано, переплетено. На первом этаже был культурный центр, на втором его библиотека и молитвенный зал. Культурный центр принимал участие в жизни синагоги, и всё это составляло единую религиозную общину. Синагога использовалась для молитв и организации каких-то праздников, а

всем остальным в этом же историческом здании занимался культурный центр. Люди, которые были в общине, были и членами культурного центра. Прихожане, давно посещающие синагогу, в своих воспоминаниях часто не могут чётко отделить общину и её культурные, благотворительные проекты от собственно синагоги, это всё связано живыми нитями. Глава иркутского еврейского культурного центра Ольга Моисеевна Сосна и председатель общины Джура Исаборухович Файлаев работали в тандеме, но у них были две чётко разграниченные организации. Исполняющим обязанности раввина трудился Давид Дорохов. Он, русский, принял иудаизм и старался по мере возможности работать, объединять общину. Человек этот был очень доброжелательным, встречался с людьми, старался им помочь.

– Ольга Моисеевна Сосна – профессиональный врач, очень известный стоматолог-хирург. Человек необыкновенно активный и, слава богу, до сих пор жива, – рассказывает прихожанин Алексей Морген. – Выйдя на пенсию, она направила свою энергию на еврейскую жизнь. Она в те годы стала координатором «Джойнта» в Иркутске, а после Клима Белинского возглавила иркутский еврейский культурный центр. Через неё шла помощь пожилым людям, организовывались многочисленные культурные программы.

– Хесед существовал тут же, в синагоге, и занимался благотворительностью и социальными проектами, – продолжает Стелла Прилепская. – Он организовывал столовую для бедных, пожилых, помогал им продуктами, лекарствами. За стариками был организован па-

тронаж, помогали им и в быту. Была программа «Детский SOS», мы помогали иркутским и ангарским детям, которые нуждались. Покупали очень хорошую одежду, не с рынка «Шанхай», а специально ходили, выбирали качественные вещи в «Детском мире», тогда это было серьезно, поскольку многие одевались очень бедно, плохо. По программе «Зимняя помощь» людям, которые жили в частных домах, мы покупали дрова, если кто-то просил уголь, привозили уголь. Приобретали пальто для тех, у кого не было хорошей зимней одежды. Ставили новые двери, холодильники, телефоны, телевизоры. Так работал хесед, а работа иркутского еврейского культурного центра шла параллельно, по своим программам.

– Конечно, Ольга Моисеевна как человек активный, прекрасный организатор участвовала и в благотворительных программах, – вспоминает координатор общинных программ Елена Аркадьевна Селиванова. – Но вот это разделение еврейского культурного центра и хеседа было точно. При этом Ольга Моисеевна была открытым человеком, в Иркутск приезжали как посланники из КЕРООР, так и из ФЕОР, Ольга Моисеевна была настроена на то, чтобы общаться со всеми, сотрудничать как можно шире.

Памятен 2003 год, когда после приезда раввина Вагнера в Иркутск община собралась на праздник Хануки в Доме офицеров, а потом было застолье в синагоге. Однако переход к новой жизни не давался так просто. В самом начале XXI века иркутской общине предстояло преодолеть период двоевластия. Исторически в

России действовал Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России (КЕРООР), и иркутская община, принадлежавшая к числу фундаментальных, в него входила всегда. КЕРООР был создан в советское время, и возглавлял его Главный раввин России Адольф Соломонович Шаевич. Федерация еврейских общин (ФЕОР) была создана в конце 1990-х годов и начала объединять вокруг себя многие и многие общины России. Главным раввином России стал Берл Лазар. Адольф Шаевич приезжал в Иркутск в начале двухтысячных, встречался с иркутской общиной, обещал содействовать в восстановлении синагоги. Тогда произошла история со свитком Торы. Во время приезда в Иркутск Адольфа Шаевича община передала в КЕРООР свиток Торы на реставрацию. Этот свиток так и остался в КЕРООР на многие годы, и судьба его неизвестна. 12 декабря 2018 года председатель иркутской общины Стелла Прилепская направила письмо председателю КЕРООР Пинхасу Швальбу: «Уважаемый г-н Швальб! Обращаюсь к Вам от себя лично и от членов иркутской общины. В октябре нынешнего года наша община отметила 200-летний юбилей. К юбилею была издана книга "Иркутск еврейский. Двести сюжетов из жизни 200-летней общины". При подготовке к изданию было пересмотрено много старых документов. Среди прочих мы нашли расписку от 02.11.01 г. (копия прилагается). В ней написано следующее: "Председатель Иркутской Еврейской религиозной общины Файлаев Джура Изабурхович передал, а Председатель КЕРООР Коган Зино-

вий Львович принял Тору для ремонта и дальнейшего возврата". Наша община, конечно, всё это время знала о передаче Торы, но документального подтверждения этого факта не было. За прошедший период, а это более 17 лет со дня данной передачи Свитка, сменилось уже несколько председателей общины. Председатель ИЕРО Файлаев Д.И. умер, к огромному сожалению, восемь лет назад. В последние годы он болел и не очень хотел общаться с членами общины. Сейчас эта расписка обнаружилась, и мы бы хотели узнать дальнейшую судьбу данного Свитка Торы. Просим Вас помочь нам узнать – был ли он отремонтирован, и если да, то когда? И его местонахождение в настоящее время? У нас в общине нет ни самого этого Свитка Торы, ни документов о его возврате нам после ремонта. Данное письмо было принято и одобрено Общим собранием Иркутского еврейского религиозного объединения 13 декабря 2018 г. Заранее благодарны. С уважением и добрыми молитвами Председатель общины Прилепская С.А.». Ответа на данное письмо пока не последовало.

Понятно, что всегда существовала некоторая конкуренция между КЕРООР и ФЕОР, Иркутск не исключение. Какое-то время параллельно существовали две общины, одна по версии КЕРООР (главой был раввин Иерахмиэль Немзер), другая – по версии ФЕОР (возглавлял раввин Арон Вагнер). Острым оставался вопрос о реставрации синагоги. Работа в общине шла, но нужен был серьёзный толчок вперёд. И необходим был лидер, который мог бы взять это всё на себя. Когда противостояние достигло острой фазы, были и неприятные

моменты. Однако в конфликтах представители обеих сторон старались никогда не переходить на личности. «В первые годы, когда синагоге надо было проводить собрания, это было суперэмоциональное действие, – вспоминает Стелла Прилепская. – Это был настоящий всплеск для участников, и самый лучший спектакль в городе. И ещё бесплатный! Тогда, если вешали объявление о собрании, то набивались все, кто мог, это было столпотворение. Сейчас людей на собрание нужно обзванивать, жизнь в общине течёт размеренно, стабильно. Это уже не просто кредит доверия руководству общины, это настоящее доверие. А тогда мы проводили собрания очень эмоционально».

Арон Вагнер каждый день приходил в синагогу на молитву, до этого её невозможно было проводить, поскольку у общины не было своего свитка Торы. Он привёз свиток из Москвы, в пятницу приносил его в синагогу, в шаббат Вагнеру не давали по нему читать, читал Иерахмиэль Немзер, раввин от КЕРООРа. А в воскресенье-понедельник Арон Вагнер забирал свиток домой, поскольку однажды синагогу уже ограбили. На людях между раввинами-лидерами двух организаций был конфликт, а в обычной жизни Немзер и Арон общались нормально. Был случай, когда на шаббат Немзер и Джура Файлаев уехали в Москву и закрыли синагогу, сославшись на аварию. Раввин Вагнер всё равно пришёл в субботу к десяти и вместе с прихожанами, а их было около 15 человек. Увидев закрытую дверь, они пошли домой к Вагнеру и помолились.

– Конечно, община тогда была более пожилая, чем

сегодня, – говорит Стелла Прилепская. – Были ещё живы старейшины, уважаемые, серьёзные люди, например, Борис Михайлович Горных, Владимир Данилович Хазанов... Были люди, с которыми надо было поработать и убедить именно их, что необходимо перейти из КЕРООР в ФЕОР. В тот момент старожилы общины были уверены, что Адольф Шаевич, пообещавший им реконструкцию синагоги, работает над этим, и вот-вот это осуществится. Однако после его визита прошло несколько лет, а ничего не менялось. И тогда раввин Арон в беседе со старейшинами сказал: «Дайте мне шанс проявить себя!» Убедить стариков было непросто. Адольф Шаевич – это уважаемый немолодой человек, глава КЕРООР, представитель Москвы. А тут приехал какой-то молодой парень с плохим русским языком, всего 26 лет. И тогда раввин Арон начал говорить: «Эти люди в Москве, где Иркутск, а где Москва? А я буду работать тут, на месте, рядом с вами». В итоге состоялось большое собрание, на него приехал президент ФЕОР Александр Моисеевич Борода. Наши старейшины его спросили: «Вы у нас отнимете синагогу?», а он ответил: «Как я могу у вас отнять синагогу? Что, я положу кирпичи в чемодан и увезу?» И слава богу, община тогда приняла правильное решение о переходе из КЕРООР в ФЕОР. Но далось это очень непросто. Заслуга Джурь Исаборуховича Файлаева в том, что в определённый момент он понял, что община должна сделать этот шаг, шаг к единственной перспективе, которая позволяла выйти на новый этап развития. Конечно, к этому решению склонял Джурь Файлаева и Борис

Михайлович Горных, и другие старейшины, которые видели, что уже 7 лет жизнь в синагоге не получает необходимой «искры». Для Джурь Файлаева это было непростое решение, но он сумел его принять.

Община в том или ином виде жила активной жизнью все эти непростые годы. Например, председатель комитета по культуре Иркутской области в 1990 – 1997 годах, коллекционер-исследователь Владимир Михайлович Лапенков преподавал в Иркутской синагоге около года идиш. «Кто-то не знал язык, начал учить, многим напомнило это язык бабушек и дедушек, услышанный в детстве, – говорит Елена Селиванова. – А в конце занятия он нам рассказывал о значении еврейских фамилий, откуда они произошли. У Владимира Михайловича были энциклопедические знания, он был великолепным рассказчиком». В своё время Владимир Лапенков способствовал возрождению национальных культур, при нём был создан Фонд Александра Вампилова, специальный фонд, аккумулировавший средства для выпуска книг, закупки картин для пополнения коллекций музеев, учреждена региональная премия для деятелей культуры и искусства. Страстный коллекционер, он собирал и марки. Одной из его любимейших тем была «Иудаика».

– Конечно, жизнь в общине была, и весьма интенсивная, но то, что было ранее, не сравнить с тем, что происходит сейчас, – говорит Стелла Прилепская. – Нынешняя община сформировалась с приездом Арона Вагнера. В прошлом году общине отмечали 200 лет, но известно, что евреи тут появились ещё раньше. Можно

сказать, что община существовала до закрытия синагоги в 1934 году. Но общинная жизнь продолжалась и после этого, и в религиозном плане даже более полно. Были старики, которые были своеобразным «мос-том» с прошлым. Даже Владимир Данилович Хазанов, например, мог встать, спеть на идише, у него были воспоминания детства. Сегодня уже нет того поколения, которое слышало от своих родителей какие-то нужные, важные религиозные вещи. Но с приходом Арона Вагнера религиозная жизнь получила новое дыхание.

– С приездом раввина Арона Вагнера началась еврейская жизнь, которая всё более и более приближалась к исполнению еврейских законов, – говорит Игорь Эдуардович Пикерский. – Раньше это было достаточно сложно – исполнять сами элементы законов, когда государство за тобой следило. А когда запрещают, у людей появляется элементарное незнание того, что надо делать. Потом же появляется то, о чём рав Адин Штейнзальц когда-то сказал: «Люди знают меньше, чем ничего». У людей имеются какие-то отрывочные знания, и, к сожалению, они считают, что это абсолютно правильно. Раввин Арон обладал серьёзной подготовкой, знаниями. При нём элементы еврейской жизни начали приобретать правильную форму и наполняться правильным законодательным исполнением.

После приезда раввина состоялся и знаменитый «поворотный» Песах, который задал тон новой жизни иркутской общины. Его провели в гостинице «Интурист», собралось около 400 евреев Иркутска. Для Арона Вагнера это была определённая школа, он понял

тогда, что нельзя проводить такие большие мероприятия, так как невозможно охватить всех. Но чувство воодушевления запомнилось на многие годы, поскольку религиозные иркутские евреи поняли, что их не так мало. В связи с этим вспоминается первое впечатление семьи Вагнер от Иркутской синагоги. Когда Арон и Дорит приехали в Иркутск, первый, кого они увидели, поднявшись в синагогу, был и.о. раввина Давид Дорохов. И он тогда сказал: «Жалко тратить ваше время, здесь не больше 800 евреев». А на Песах они встретили уже половину. Потом праздники стали более камерными, но они всегда проводились, жизнь шла. В своё время руководитель областной типографии № 1 имени Посохина Валерий Исаакович Тененбаум говорил Арону Вагнеру, что не стоит тратить время на Иркутск, поскольку тут нет того прежнего духа еврейства. Жаль, что Валерий Исаакович не дожил до времени, когда синагога развилась, его дети и внуки начали ходить сюда, начали соблюдать традиции. Это печально, что многие люди, ходившие в старую синагогу, не дожили до того момента, когда молитвенный дом был отреставрирован и предстал в новом виде.

В 2004 году случилась трагедия в истории Иркутской синагоги – произошёл пожар. «Мы живём напротив, и супруга ночью что-то услышала или почувствовала, – рассказывает прихожанин Игорь Берковиц. – Встала и говорит мне: "Игорь, вставай, горит синагога!" Мы из окна увидели языки пламени. Супруга вызвала пожарных, я позвонил председателю общины Георгию Файлаеву, мы вышли на улицу встречать пожарную охрану.

Синагога выгорела очень сильно, остались только стены. Погиб человек, которого на некоторое время приютили в синагоге. Причина пожара не установлена до сих пор».

Раввин Арон Вагнер организовал капитальный ремонт и восстановление здания. Тогда это казалось невозможным. Здание, многие думали, утрачено навсегда. Когда в 2009 году открывалась синагога, перед открытием к раввину подошла девушка-журналистка и сказала: «Я снимала пожар в синагоге, я русская, заплакала, потому что понимала, что лист в истории Иркутска перевернулся, и непонятно, кто будет это восстанавливать вообще. И вот через 4,5 года синагога открывается в новом виде. Это чудо!» Но чудо это было сделано руками людей.

– Посмотрите, сколько исходящих документов было, к примеру, в 2006 году, – говорит Стелла Прилепская и показывает пухлую папку, наполненную письмами. – Это была огромная переписка с самыми разными организациями по вопросам восстановления синагоги. Тогда не хватало средств, и губернатор Борис Александрович Говорин помог, мы получили первый транш. Не было ни одной бюджетной копейки, мы всё нашли из внебюджетных источников. Дал какую-то сумму раввин Берл Лазар. Мы получили средства от Виктора Вексельберга, с ним переговоры вёл Виктор Кузьмич Круглов. Но всё равно нужно было искать и искать, и мы всё время работали. Было очень тяжело. Даже если видели, что перед нами стена, стучались во все двери, писали сотни обращений. Вот, к примеру, мы пишем

генеральному директору Южных электрических сетей Правобережного округа. Мы просим разрешение на отключение сетей, в связи со сносом семи тополей, разрешение на спил которых уже получено от главного дендролога... И таких писем было очень много, десятки, сотни, тогда это была рутинная работа, которая теперь стала уже историей...

Община общалась и с Александром Тишаниным, и с Игорем Есиповским... Вообще, контакт со всеми главами области был отличным. «Все губернаторы если не помогали, то всегда отвечали письменно нам на просьбы. В прошлом году 25 человек из клуба пожилого человека Иркутской синагоги написали Сергею Левченко, чтобы он помог в проведении юбилея, мы даже не то что помощи, ответа письменного не получили...», – говорит Елена Аркадьевна Селиванова. Однажды власти предложили: передайте здание в собственность области, и тогда бюджетное финансирование на синагогу пойдёт. Область отремонтирует здание, а потом оно будет возвращено общине. Однако раввин тогда сказал: «Я верю, что лучше своё бедное, чем чужое богатое». Община приняла решение восстанавливать синагогу на частные средства, без привлечения бюджета.

Огромное количество людей помогало общине. Среди них – Владимир Иванович Прилепский, русский человек, который отдал строительству синагоги очень много сил. Владимир Иванович с детства любил небо, потому, несмотря на первую профессию химика, после службы в армии закончил Кировоградскую школу высшей лётной подготовки гражданской авиации. Ра-

ботал семь лет в Якутии командиром самолёта АН-2, затем после учёбы, был командиром самолёта ЯК-40. В 1988 году Владимир Иванович стал выпускником Ульяновского центра гражданской авиации и более 11 лет был командиром воздушного судна ТУ-154. В 1999 году вышел на пенсию и поселился с семьёй в Иркутске. Тогда-то Арон Вагнер и пригласил Владимира Прилепского помочь в реконструкции Иркутской синагоги. Раввин понимал, что всё строительство на себе он не потянет, ему нужен был человек, который бы взял на себя существенную часть работы. Они встретились, ни один из них не был строителем, однако оба, руководствуясь русской поговоркой: «Глаза боятся, а руки делают», начали вникать в сложности строительного дела. И у раввина Арона Вагнера, и у Владимира Прилепского характеры были непростые, однако они сработались. Не всегда было легко, и не всегда они понимали друг друга, но всегда помнили о цели, куда нужно двигаться. «Часто мы слышали, как они до хрипоты спорят. Владимир Иванович кричит: "Это не те кирпичи!", раввин горячится: "Нет, те кирпичи!", – вспоминает Стелла Прилепская. – И так им, не имея образования строителей, приходилось вникать в каждую мелочь. Они вместе читали чертежи, СНИПы, разбирались в материалах». Владимира Ивановича волновали все детали, его сложно было заподозрить в легковесном отношении к порученному делу. В общине его очень уважали за внимание к деталям, за скрупулёзность в любом деле, за которое он брался. И он чувствовал, что ему отдают должное, для него это ощущение вос-

требованности было очень важным. Владимир Иванович пытался каждый день прожить так, чтобы он был лучше предыдущего. Всё время думал, как сделать работу качественнее, лучше, звонил, консультировался, размышлял. Он отдал огромное количество сил синагоге потому, что видел в этом здании не просто дом для общины, а одну из визитных карточек города Иркутска. Он сам не был иркутянином, но много лет прожил здесь, и душой болел за город, понимая, что не все знают, что в городе существует такой исторический памятник, есть такое место. Он хотел, чтобы как можно больше людей узнали об этом месте. Чем больше людей узнают, тем больше будет взаимопонимания, будет больше мира, спокойствия и созидательности.

Первой любовью, мечтой, счастьем для Владимира Прилепского была авиация, вторым любимым делом на склоне лет – строительство синагоги. Утром он приходил в строящуюся синагогу, делал обход, всё осматривал, «прощупывал пульс». Его заслуга ещё и в том, что за 10 лет активной работы отстроенной синагоги было две проверки пожарной безопасности, и здание их прошло «на отлично». Это показатель качества работы Владимира Прилепского, который и эту ответственную часть стройки взял на себя. Его часто вспоминают прихожане. Линда Ефимовна Попова в силу возраста теперь уже в синагогу не приходит, но она знает все молитвы, изучила все уроки Торы, и пока могла, посещала все светские и религиозные мероприятия. Теперь она регулярно, раз в неделю, звонит в синагогу: «Я вспоминала недавно Владимира Ивановича, – как-то сказала

она. – Помню чётко такую историю: я шла мимо строящейся синагоги, Владимир Иванович был на стройке с раввином, и я спросила: "Как строительство?", а он пригласил меня и всё рассказал. И так было дважды. Будете на кладбище, ему поклонитесь. Он относился к людям с большой любовью и уважением, и они отвечали ему тем же».

Пока синагога реставрировалась, община снимала помещение на Свердлова, 31, напротив циркового зверинца. «Кого мы там только не видели: и бегемотов, и лошадей, и верблюдов, и самых разных кошачьих, – рассказывает Стелла Прилепская. – Летом во дворе они все гуляли прямо напротив наших окон». В определённый момент в 2007 году и это помещение попросили освободить, причём в месячный срок. Ветераны Владимир Данилович Хазанов, Григорий Борисович Трубников, Борис Михайлович Горных и другие старейшины обратились к Александру Тишанину: «Старейшины иркутской еврейской общины обращаются к Вам с просьбой оказать помощь в восстановлении Иркутской синагоги, – писали они. – В данный момент положение с помещением создалось критическое, и мы просим не остаться равнодушным в сложившейся ситуации. ООО "Иркутскслюда" отказало нам в помещении, как нам кажется, без видимых на то причин. Мы, старые люди, прошедшие войну и испытывавшие все лишения, считаем своим долгом помочь нашему раввину Арону Вагнеру. Под этим письмом подписываются люди, которые даже в годы советской власти посещали синагогу... Вы, Александр Георгиевич, неоднократно говорили, что

будете оказывать помощь в восстановлении синагоги. Сейчас наступил момент, когда эта помощь крайне необходима. Очень надеемся на Ваше участие». Раввин же обратился к иркутянину Акиве Амалтаевичу Акиваеву, у которого в городе были площади, чтобы тот помог и выделил общине какой-то уголок. Акива Амалтаевич сказал: «Давайте мы поедem в ремонтирующееся здание синагоги и посмотрим, что мы можем сделать». Он приехал со специалистом и раввином Вагнером на стройку, и было решено привести одно крыло здания ещё до завершения стройки в рабочее состояние, чтобы там можно было трудиться. Акива Амалтаевич взял на себя все расходы, и крыло было приведено в порядок, обрело хороший вид. Там разместились община, и так работала полтора года, пока синагога достраивалась. В этом уголке проходили и молитвы, и праздники проводились. Однажды несколько членов общины пришли к раввину с вопросом: «Почему так долго идёт строительство? Давайте привлечь других людей». Они пришли из хороших побуждений, хотели как-то ускорить дело. Раввин ответил, что строительство идёт нормальным ходом, и провёл мини-делегацию прямо из дверей кабинета на стройку, там шла непрерывающаяся работа, и прихожане были потрясены, так как не ожидали, что внутри так много уже сделано.

– Параллельно с реконструкцией не прекращалась ни на минуту серьёзная работа внутри общины, – говорит Стелла Прилепская. – Многие недооценивают работу с пожилыми людьми. У нас много лет работает клуб пожилого человека, и дай бог здоровья нашим ба-

бушкам. Их заслуга в жизни общины, в восстановлении синагоги очень-очень большая. От этих людей можно получить много эмоций, наши бабушки очень активны, общительны. Очень большая их заслуга в том, что они поддерживали своим энтузиазмом общину, вдохнули в неё жизнь. Пока не восстановили синагогу, клуб был в помещении без окон, с бетонными стенами. Но они всегда приходили, как они отмечали все праздники! Мы праздновали дни рождения, золотые свадьбы. Несмотря на все трудности, состоялось первое выступление нашего хора... А как вкусно бабушки готовили! В те сложные времена именно с клуба пожилого человека началось много прекрасных проектов синагоги для разных возрастов. А кто пришёл отмывать синагогу после ремонта? Женщины клуба. Они и люстру собирали. Это по-настоящему общинный дух, когда все друг другу помогают.

Женщины, члены клуба пожилого человека и хора «Эстер» могут часами рассказывать о своих увлечениях, о том, как проходят праздники в синагоге. Синагога стала для них родным домом, хотя у каждой женщины – своя судьба и свой путь, приведший её в иркутскую еврейскую общину.

Любовь Петровна Губерман – одна из тех женщин, которые не пропускают ни одного собрания клуба уже много лет. Её дедушка, раввин Лейзер Хаимович Резник, положил немало сил на развитие синагоги после войны, совершал службы, помогал прихожанам, сам топил печи в здании, таскал воду с водокачки. А внучка давно ходит в синагогу, не пропуская ни одной встре-

чи. «Видимо, она с молоком матери впитала в себя этот дух еврейский», – говорят о ней её подруги по клубу.

«Я из семьи эвакуированных, в 1942 году мы приехали в Иркутск. В 1941-м мы жили в Дербенте, а уехали из Днепропетровска, где я и родилась, – рассказывает Мэра Эльевна Резникова. – Ехали сначала поездом, потом пароходом через Каспий, снова поездом и попали в Иркутск. Мне не было тогда ещё и четырёх. И с тех пор мы в Иркутске, мама работала бухгалтером на заводе Куйбышева. Иркутских евреев я многих знала, поскольку жили мы достаточно компактно. В моём дворе было 10 квартир, в восьми жили евреи. Я ходила с мамой в синагогу. Была примечательная такая еврейская семья, я, к сожалению, забыла их фамилии, они жили на улице Фридриха Энгельса. Так вот я видела их свадьбу под хупой. Молодая пара, очень красивая, потом они уехали в Израиль. Это было уже в 1945 – 1946 годах, после войны». Сама Мэра Эльевна стала ходить в синагогу постоянно уже в двухтысячных. Вернувшись из Германии, она пришла покупать мацу. Тогда синагога ещё находилась рядом с цирком. «Вышли ко мне Стелла Аркадьевна Прилепская и раввин Арон Вагнер. Купила я мацу, а тут Стелла Аркадьевна и говорит: "Мэра Эльевна, а вы поёте?" Я сказала, что в своё время пела в учительском хоре. И она пригласила меня в хор при синагоге. Было нам и тесно, и помещение было маленьким, но собрания проходили очень интересно, увлекательно. И золотые свадьбы отмечали, и пели, и встречались, замечательное время».

«Я жила в Новосибирске, в 1980 году в городе сина-

гогу из центра убрали. И все евреи были в недоумении, как провести без мацы Песах? И тогда пошёл слух: "В Иркутске самая лучшая синагога", – рассказывает Аида Григорьевна Красноярова. – В 1982 году я приехала в Иркутск в командировку, пришла в синагогу, и на трёх бабушек брала с печки мацу. Изумительная была маца! Я бывала в Москве, в Италии, проездила много. И судьба привела меня сюда, и я не жалею. Я пришла в Иркутскую синагогу и сказала: "Можно, я буду приходить к вам?" И меня приняли. Эта синагога – одна из лучших, я знаю, что говорю, поездила я много. Недавно была в Германии, и там тоже знают про Иркутскую синагогу». Аида Григорьевна рассказывает, что через год после приезда в Иркутск, в 1991 году, у неё умерла тётя. «И я растерялась, Иркутск не знаю, ничего не знаю, – рассказывает она. – Куда идти, что делать, как хоронить? Я пришла в синагогу, она была в ужасающем состоянии. Помню, очень пожилой раввин сказал мне: "Деточка, да ты не переживай, мы тебе поможем". Он мне сказал, как всё сделать, с шофёром мы съездили на кладбище, он мне всё рассказал. Когда тётюшку я забрала домой на последнюю ночь, раввин пришёл и был со мной, как положено. У меня тогда никого ещё знакомых не было в Иркутске, это была такая поддержка, он пошёл на кладбище, прочитал у ворот молитву. Мы похоронили тётю, и на моей работе все удивлялись: "Неужели у вас, у евреев, такие взаимоотношения? Что когда беда, такая помощь оказывается?" Я на всю жизнь запомнила – если что, нужно обращаться в синагогу. Это единственный дом, где тебя поддержат».

Алла Георгиевна Троицына – племянница Ревекки Лазаревны Троицыной, ветерана Иркутского авиазавода. В 1942 году техник по монтажу Ревекка Троицына стала старшим технологом, ведущим инженером сборочного цеха авиазавода. За работу в годы войны была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Заводу Ревекка Троицына отдала 39 лет жизни. Её племянница Алла уже в зрелом возрасте пришла в Иркутскую синагогу. «Я здесь со сравнительно недавнего времени, – рассказывает она. – Десять с лишним лет назад стала ходить регулярно. А вообще-то я православного вероисповедания, но бабушка моя похоронена на старом еврейском кладбище. Она была не верующей, правда. В синагогу меня привела моя подруга. Моя дочка поступила в художественное училище, и ей однажды выдали задание: описать народные обряды. Можно было описать обряд любого народа, русского, татарского, евреев. Дочь работала, была занята, и мы решили: я помогу ей, пойду в синагогу и узнаю, как проходит еврейская свадьба. Я пришла в клуб, Любовь Петровна Губерман выдала мне книгу, а женщины всё-всё подробно рассказали. И мне так понравилось здесь, атмосфера, ощущение покоя, и я осталась, и уже одиннадцатый год сюда хожу». Вместе с дочерью Алла Георгиевна почти всё лето 2019 года провела за восстановлением надписей на памятниках на Лисихинском еврейском кладбище. Подписывали красками стёртые временем буквы, возвращали имена, даты. «Это была очень хорошая работа, спокойно, воздух, мы чувствовали себя очень хорошо, и дело это

полезное», – говорит Алла Георгиевна.

«Жизнь так сложилась, что я долго жила в других городах, а в родной Иркутск вернулась уже в конце 1980-х годов, – вспоминает Вера Владимировна Сенкевич. – Жизнь закручивала так, что было не до синагоги. Да, были попытки прийти к православию, но меня всё время тянуло сюда, поскольку здесь мои корни. Сюда ходила бабушка, мама, они участвовали в делах синагоги. Мацу пекли. Как тогда выпекали мацу? Женщины дежурили, определённое количество часов раскатывали тесто, выпекали все вместе, не каждый сам для себя. Я с детства помню один случай, я ждала бабушку, когда та была в синагоге. Это был сентябрь, Новый год, приезжали гости из Одессы, раввин, которого сопровождало много молодых людей. Очень красивые молодые люди, которые мне запомнились. Очень красивый был праздник, бабушка потом делилась воспоминаниями. Но сама я пришла в синагогу уже совсем повзрослев, когда осталась в Иркутске практически одна, все разъехались, мужа не было в живых. И я 10 лет с Иркутской синагогой, мне нравится бывать с людьми, здесь очень хорошая атмосфера, конкурсы, занятия, хор. Сюда приходишь и отдыхаешь душой, расслабляешься. Раввин Арон всегда рано утром по пятницам утром сбрасывает сообщение: "Шаббат шалом!", и на душе становится лучше».

«Мои родители были геологами, мы жили в Казахстане, – рассказывает Светлана Наумовна Дроздова. – В 1956 году переехали в Иркутск, я была в восьмом классе. У нас в округе ни одного еврея не было, я жила не

в центре, а в новом районе. Что такое еврей-русский – никто не вспоминал, не чувствовалось это. И муж у меня русский, и мама с папой похоронены на русском кладбище, было советское время, это понятно. Я дожила до пенсии и начала работать в Музее истории города Иркутска. Ольга Моисеевна Сосна и другие активисты синагоги стали делать у нас в музее еврейские выставки. К нам начали ходить группы из синагоги, прошла одна выставка, вторая... И я со всеми познакомилась, и уже знала, что в синагоге есть такие замечательные люди. Но сама я тогда в синагогу не ходила. Галина Абрамовна Благинина была очень активным человеком, мы с ней были знакомы, и наш музей стал практически домашним для них. И вот она мне как-то говорит: "А я хожу в хор в синагогу". Я же всю жизнь ходила в хор, в школе, потом в институте, потом на работе. И я пришла в синагогу, сначала на хор, потом осталась на заседание клуба, и с тех пор постоянно здесь. Мои дети покрестились, когда внуки были ещё школьниками. А потом старшая внучка родила ребёнка, и я ей посоветовала еврейский детский сад, она познакомилась с нашим садом, отдала первую свою девочку, и теперь вообще вся уже в еврейской жизни. Каждый шаббат зажигает с маленькой дочкой свечи, вслух вдвоём они читают молитву. Внучка сейчас ведёт воскресную школу в синагоге. Теперь оба её ребёнка ходят в садик, учат стихи и знают все обряды. Они уже будут знать, что такое еврейство. А сын и вторая внучка – в христианстве, сын глубоко вошёл, тоже религиозен. Вот такая у нас семья получилась».

«Мы познакомились с Еленой Аркадьевной Селивановой в больнице в 2013 году, – рассказывает Элеонора Яковлевна Задарновская. – Однажды она задала мне вопрос: "Вы, пожалуйста, не обижайтесь, я спрошу. У вас нет никаких еврейских корней?" Я говорю: "У меня папа еврей. Я не обижаюсь, я горжусь и очень люблю эту нацию". "Тогда приходите к нам в клуб!" И с тех пор я хожу сюда. Попала, вы знаете, как в отчий дом. Атмосфера здесь очень хорошая, я хожу каждый раз как на праздник».

«Я из атеистической семьи, – рассказывает Инна Валерьевна Афанасьева. – Ни бабушка, ни дедушка, ни родители никогда не придавали значения ни религиям, ни национальностям. Это потом я уже узнала, что бабушка была еврейкой, и дед по отцу тоже был еврей. Моё первое, поверхностное знакомство с синагогой произошло в 1983 году. В задней части синагоги размещался Кировский продторг. Меня распределили в это учреждение после техникума и отправили, сказав: "Ориентируйся на здание синагоги". Я увидела абсолютно обшарпанное, разрушающееся здание, которое ранее было величественным. У меня защемило сердце, я не понимала, почему это место так разрушено. Я не знала тогда, что синагога действует. Жизнь общины в то время прошла мимо меня, было замужество, молодые дела. А потом, уже много позже, в разговорах с мужем начали мы поднимать тему еврейства, поскольку оба имеем к нему отношение. И он предложил мне ходить в синагогу, я стеснялась... Два или три года назад он пошёл и купил два билета на Песах, на меня и дочь.

Мы сходили, мне всё очень понравилось. Я увидела, что некогда гибнущее здание превратилось в красивое, великолепное. Я была в шоке, мне было очень радостно. И дочь сказала: "Мама, я поняла, чего тебе не хватало. Тебе вот здесь хорошо". Я стала ходить на праздники, на молитвы иногда. А два года назад пришла в клуб. И поняла, что это моё. Я прихожу и понимаю, что здесь я настоящая. Я научилась говорить, я научилась петь, хотя раньше никогда не пела. Это моё место, где мне очень-очень хорошо».

Сообщество синагоги всегда было очень дружным, взаимовыручка, помощь друг другу – это главное. Елена Аркадьевна Селиванова вспоминает, как в 2002 году отмечали Песах. «Перед Песахом должны были приехать молодые евреи, ребята, которые проводили этот праздник, – рассказывает Елена Аркадьевна. – Была договорённость с одним кафе, но нас там не приняли. А на завтра уже праздник, придут гости. И мы вшестером, в культурном центре решили, что надо спасать ситуацию. Помню, была Ольга Моисеевна Сосна, Стелла Аркадьевна Прилепская, Миран Мамиконович Антонян, Марк Лазовский... Было два седера, и мы на 450 человек вшестером всё сделали. Перед нами стояли четыре больших мешка омуля, мы вдвоём с Ольгой Моисеевной чистили рыбу, остальные занимались картошкой, кто-то натирал хрен, кто-то занимался яйцами, кто-то раскладывал фрукты в одноразовую посуду. Это был огромный труд. В первый вечер мы уехали в три часа ночи, а потом из кафе, где всё проходило, мы поехали домой в четвёртом часу ночи. Это было здорово,

мы сделали это для евреев Иркутска. Воспоминание осталось на всю жизнь».

«Елена Аркадьевна – этот тот человек, благодаря которому клуб действует, и мы все с удовольствием сюда ходим, – рассказывают женщины. – От неё, от её работы зависит всё буквально, наше настроение, наше желание сюда прийти. У нас проходят лекции, тематические вечера, конкурсы, рукоделие, мы были на экскурсиях во всех музеях Иркутска».

В 2009 году Иркутская синагога была торжественно открыта после реставрации. «Сейчас это очень красивое здание, и, мне кажется, оно сейчас даже лучше, чем когда было построено в XIX веке, – считает прихожанин Игорь Берковиц. – Нарядное здание – Дом еврейской общины украшает одну из центральных улиц города Иркутска. Мы все сюда ходим. Появилось какое-то внутреннее ощущение близости к духовному, потребность обратиться к своим корням. Мы с супругой, Аллой Юрьевной, не мыслим себя вне общины. Она работает в общине – директор еврейского детского сада. В детский сад ходят маленькие ребятки – дети и внуки членов общины, которые тоже учатся, знакомятся с традициями, участвуют в праздниках, разыгрывают спектакли. Дети чувствуют себя великолепно, они раскованны, свободны, им всё очень нравится».

Любопытная история произошла на второй год открытия новой синагоги. В синагогу пришла книга «Еврейский вопрос: Беседы с главным раввином России», авторство – Адольф Шаевич, Этери Чаландзия. В книге

раввин Шаевич писал следующее: «Нам повезло (синагоге на улице Архипова в Москве. – *Авт.*), а какое количество полуразрушенных синагог стоит по всей стране! В Самаре – фантастическая синагога. Её построили евреи, жившие в этом городе до революции. Их тогда там насчитывалось около тысячи. Сегодня в Самаре живёт уже порядка десяти тысяч евреев, а синагога в ужасающем состоянии. Полуразрушенная, полусожжённая, когда-то там устроили хлебозавод, сегодня бомжи ночуют. И никто не может собрать денег, чтобы привести её в нормальный вид. Не думаю, что сегодняшние самарские евреи беднее тех, кто её строил. Мотивации нет. То же самое с синагогами, построенными до революции в Иркутске, Саратове. Стоят неммым укором почти в руинах. Увы». Далее Адольф Шаевич пишет о нехватке раввинов, благодарит зарубежных раввинов, которые снимаются с места с большими семьями и едут в Россию. «Но, к сожалению, это всё равно не выход, – пишет он. – Не все владеют русским языком, не все в курсе особенностей нашей жизни, а это всегда создаёт проблемы в общении с прихожанами...» (Шаевич А., Чаландзия Э. Еврейский вопрос: Беседы с главным раввином России. – М.: Альпина нон-фикшн, 2011. С. 94 – 95).

«Увидев такую характеристику Иркутской синагоги, мы собрали Совет общины и написали Адольфу Шаевичу письмо, датированное 4 декабря 2010 года», – рассказывает Стелла Прилепская.

«Уважаемый раввин Адольф Соломонович! Обращаемся к Вам от имени Совета общины Иркутского

Еврейского Религиозного Объединения. У нас в руках оказалась Ваша книга "Еврейский вопрос". Прочитав её, у нас возникли некоторые вопросы к Вам. Хотелось бы, чтобы Вы их как-то прокомментировали.

1. Во-первых, странно, что книга издана в 2011 г., хотя у нас в г. Иркутске 2010 г. ещё не закончился. Видимо, у авторов есть "машина времени", и они смогли заглянуть в будущее.

2. Фраза из Вашей книги: "Большинство общин сегодня состоит из стариков, вокруг них жизнь и крутится". В корне с этим не согласны! Прихожане нашей синагоги – это, в основном, люди молодые и среднего возраста. Не думаем, что в других городах дела обстоят иначе.

3. По вопросу иностранных раввинов у нас тоже другое мнение. Если конкретно взять нашего рав. Вагнера Арона, то это человек, у которого никогда не возникало и не возникает проблем в общении с прихожанами. Раввин, который действительно хочет работать в России, познаёт и особенности нашей жизни, и свой русский язык будет совершенствовать и т.д. Всё вышесказанное относится к нашему рав. Арону, который также вырос в религиозной среде в Израиле, но в настоящее время стал своим, вместе со своей женой и детьми, в далёкой Сибири. Думаем, что всё зависит не от иностранного происхождения раввина, а конкретно от самого человека.

4. А самое большое наше несогласие вызывают строки о синагогах, построенных до революции. Ничего не можем сказать о синагогах в Самаре и Саратове,

о которых Вы пишете в своей книге. Но то, что написано об Иркутской синагоге, вызывает просто возмущение, другого слова не можем подобрать. О каких руинах Вы пишете, позвольте спросить? Вы посещали нашу синагогу, кажется, в 2001 – 2002 гг. Конечно, тогда требовался ремонт здания. Но руины? Даже когда в 2004 г. случился большой пожар, то и тогда слово руины было неподходящим. А учитывая, что уже через 3 месяца после пожара началась реставрация, данное слово совсем не подходит к нашей синагоге. Уже 3-й год наше красивейшее здание синагоги восстановлено и работает в полную силу. Если послушать гостей из России и из-за рубежа, то наша синагога самая красивая из всех существующих ныне. Достаточно полистать Книгу отзывов! У людей просто нет слов, какую красоту и великолепие они видят воочию! И эта красота, заметьте, была отреставрирована на пожертвования спонсоров-евреев и не только евреев. В благотворительности приняли участие не только иркутяне, но и ближнее и дальнее зарубежье. Это всё к вопросу о том, что сегодняшние евреи не беднее живших до революции.

Надеемся получить от Вас ответ, а точнее разъяснение по данным вопросам. Пользуясь случаем, приглашаем Вас приехать к нам в гости и увидеть всё своими глазами.

С уважением, Совет общины».

18 января 2011 года от Адольфа Шаевича пришёл ответ.

«Многоуважаемому Совету общины Иркутского Ев-

рейского Религиозного Объединения. Очень признателен за Ваше письмо и за критические замечания по содержанию книги. Чувствуется, что книга прочитана с вниманием, и это уже авторам приятно. Постараюсь ответить прямо по пунктам:

1. По поводу года издания – этот вопрос всё-таки не к авторам, а к издательству. Год издания действительно указан 2011, и книга планировалась к выпуску именно в 2011 году. По всей видимости, в плане типографии произошли какие-то изменения, и книга фактически вышла раньше. Если для Вас это принципиально, я выясню это в издательстве.

2. Очень рад, что в иркутской общине не пожилые составляют её основу, а молодёжь и люди среднего возраста. Но, к огромному сожалению, не во всех общинах такая ситуация. Да, в России есть немало общин, где много молодёжи, что не может не радовать. Если будет возможность, обязательно исправлю это утверждение.

3. Конкретно по поводу раввина Арона Вагнера. Извините, но мне кажется, тут Вы не очень внимательно вникали в суть сказанного мною. Я прекрасно знаком с семьёй Вагнер. Если мне не изменяет память, именно раввину Арону Вагнеру мы проводили обряд бар-мицвы в нашей синагоге. В книге я имею в виду раввинов, приезжающих в Россию и начинающих изучать язык уже на месте, знакомиться с бытом и культурой людей, постоянно проживающих в данном городе. И совершенно согласен с Вами, что многое зависит от самого человека. Но настаиваю на том, что свои российские

раввины нужны в российских общинах.

4. По поводу синагоги Иркутска – очень бы хотелось получить такое же возмущение прихожан из Саратова, Самары и др. Заверяю Вас, что при первой же возможности вставлю в книгу это Ваше несогласие и даже возмущение. Искренне рад, что прекрасная Иркутская синагога сегодня предмет гордости. И сегодня уже не стоит "укором почти в руинах". А вопрос о том, что сегодняшние евреи не беднее живших до революции в финансовом отношении, я не ставил. Я говорил об утрате традиций, понижении духовного потенциала и очень надеюсь, что наша с Вами совместная работа позволит нам подняться на тот уровень, которым обладали наши предки.

С благодарностью принимаю приглашение посетить Вашу общину и обязательно воспользуюсь им. С молитвой к Вс-вышнему, чтобы благословение Его всегда пребывало с Вами и всеми Вашими близкими!

Главный раввин России А.С. Шаевич».

Сейчас люди знают, что найдут поддержку в Иркутской синагоге с момента рождения детей и «до 120 лет» и далее. «120 лет пока никому не приходилось отмечать, но 100-летие ветерана Григория Борисовича Трубникова мы отмечали в общине, – говорит Стелла Прилепская. – Были и 95-летние юбилеи... Супруги Рейнгольд праздновали в синагоге бриллиантовую свадьбу». Община живёт, если бабушка ведёт туда внуков. Если в общине раздор, никакая бабушка не поведёт малышей в такое место. Если всё хорошо,

спокойно, начинается в синагоге новая жизнь – семьи приводят детей и внуков. Никто в общине не чурается любой работы, хотя у каждого есть собственное направление. Такой пример: одним из самых одиноких людей общины был Миша Грач. И когда его не стало, вся община собралась и поставила ему памятник. Прихожанин Алексей Морген делал на Ново-Ленинском кладбище памятники своим родным и увидел рядом заброшенный памятник. Он восстановил и его. А через какое-то время он пошёл на Лисихинское кладбище, чтобы поправить и там памятники родных. И увидел, что они уже восстановлены. Он пришёл в синагогу и сказал: «Мне стыдно, вы уже всё сделали до меня». А раввин ответил: «Это община, сегодня ты помогаешь, завтра помогут тебе». Был и неординарный случай. Позвонила в синагогу женщина: «Я русская, у вас есть прихожанка Кашулина?» – «Есть». «Они с мужем попали в автомобильную катастрофу, он выжил, а она скончалась». Как оказалось, муж отмолчался насчёт похорон. Женщину похоронили как безродного человека неизвестно на каком кладбище. Женщины общины обзванивали все кладбища, чтобы узнать под каким номером похоронена их одноклубница. Мужа вызвали в общину, он оказался алкоголиком, потому сам не мог организовать похороны, и на первую встречу в синагогу пришёл пьяным. В итоге раввин настоял на том, чтобы тот вернулся трезвым, показал место захоронения, оно оказалось на Александровском кладбище, и поставил памятник. Община немного помогла. А клуб приехал на место погребения и прочитал поминаль-

ную молитву. А так бы женщина могла остаться лежать под каким-то номерком, неизвестная. Неравнодушные позвонившей соседки, членов клуба, которые не отмахнулись от сообщения, не позволило предать имя женщины забвению.

Был случай, когда женщина необдуманно взяла микрозайм, выплатила основной долг и тут обнаружила, что должна в два раза больше. В общине поняли, что эта ситуация уже влияет на её психическое здоровье. «Мы привлекли прихожанина, связанного с банковским бизнесом, он проверил её документы и сказал, что всё было сделано законно, – говорит Стелла Прилепская. – Бросили клич по общине, и за 10 часов была собрана вся сумма, и женщина в присутствии специалиста по банковскому делу расплатилась. Случаи бывают разные, но, если смотреть с исторической точки зрения, община всегда занималась одним и тем же, мы сегодня ничего нового не придумали. Есть преемственность – может быть, форму эта общинная помощь поменяла, но по сути это то же самое. Человек не остаётся с бедой один на один».

– Время меняется, община меняется тоже, но суть её остаётся неизменной – это помощь людям, – говорит Алексей Морген. – Община – от слова «общение», ты не можешь быть безразличным, когда есть общение. Я помню, как был совсем маленьким, а бабушка с сестрой искали сведения о своём брате, чтобы поместить его имя на памятнике павшим еврейским воинам. И всё это было завязано на синагогу, на нашу общину, они сюда ходили, и здесь возникла эта идея –

увековечить память павших. И так было всегда.

Каждый четверг Елена Селиванова собирает клуб пожилых людей. В синагогу они приходят и в другие дни, но четверг – время особенное. Бабушки знают, что каждый четверг им расскажут что-то интересное, будет лекция или поход в какой-то музей, их угостят, они смогут пообщаться. И каждый раз новая программа, и она никогда не повторяется. И даже дни рождения, отмечаемые всегда вместе, проходят по-разному. Всё проходит не для галочки, не лишь бы отбояриться от стариков, в каждую судьбу вникают люди, каждому стараются помочь, сделать праздник незабываемым. В синагоге есть и шахматный клуб, существуют программы для всех возрастов. Есть собственный детский сад, программы по межнациональным и межконфессиональным отношениям. Реализуется много проектов: это и поддержание в порядке кладбища в Ново-Ленино, где установлен памятник павшим воинам-евреям, это и Книга памяти, и Юбилейные медали к Дню Победы...

Сейчас раввин и его помощники обратились к более далёким временам. Недавно был установлен памятник на Иерусалимской горе, а в будущем планируется восстановить имена похороненных здесь, всех, о ком остались сведения, чьи имена ещё можно прочесть и зафиксировать, чтобы их знали потомки.

Весной 2019 года на Лисихинском кладбище была проведена акция по восстановлению имён захороненных. Собралось около сотни человек, которые переписывали имена, чтобы восстановить книгу захоронений.

Была отдана дань уважения каждому умершему. В синагоге на момент акции была база из 700 захороненных на кладбище, после акции она увеличилась до 3,5 тысячи имён и фамилий. И скорее всего, после обработки всех данных, будет около 4 тысяч. Был описан участок, где хоронили плененных евреев-солдат австро-венгерского подданства. Все памятники на этом участке были повалены, вросли в землю и их приходилось поднимать, очищать надписи от мха, плесени, наростов. Надписи на иврите ещё было видно, а русские надписи были все в земле. Сейчас они все стоят на местах, очищенные. Всего в ходе акции подняли с земли более 500 памятников, теперь они стоят на своих местах. Облагородили могилы раввинов Д.Х. Медведникова, И.Б. Машевицкого, шойхета П.Г. Калмановича, Фалика Гасмана, его жены, восстановили надписи на памятниках. «То, что нам удалось восстановить эти могилы, они не были утрачены – это знак, что мы всё правильно делаем. Это достояние Иркутска, а не только еврейской общины», – говорит Стелла Прилепская. Трогательный момент произошёл около года назад, были опубликованы архивы Любавического ребе, тысячи фотографий. И было очень приятно узнать, что в 1990-е годы были отправлены две фотографии из Иркутска, из Иркутской синагоги. Это был очень приятный момент, потому что иркутская община стала частью архива большого еврейского мира.

Представители разных конфессий, включая еврейскую, открыли и поддерживают игровые комнаты в больницах. Даже если люди не приходят в синаго-

гу на религиозные события, а участвуют в праздниках, устраиваемых в стенах молитвенного дома, это уже хорошо. «Слава богу, что ходят», – говорит Стелла Прилепская. Праздники в синагоге проходят очень весело, люди выходят с воодушевлением и хорошим импульсом. Люди приходят, чтобы впитать в себя на долгое время хорошую энергию. Члены клуба пожилого человека, к примеру, посещают и все праздничные, и субботние молитвы в синагоге. «У меня уже поколение сменилось в клубе, – рассказывает Елена Аркадьевна Селиванова. – Люди ходят, любят наш клуб, не оставляют его вниманием». Сегодня синагога стала по-настоящему Домом еврейской общины, где стараются дать ответ на каждый вопрос любому обратившемуся. Всё делается так, чтобы люди ощущали, что пришли в нужное, правильное место.

Синагогой проводятся разные акции. Например, сегодня примерно в тысяче домов иркутян висят мезузы. Акция прошла в прошлом году, раввин и его соратники ездили и вешали мезузы, объехали более 30 кварталов и даже трубили в шафар. Около сотни иркутских мужчин стараются надевать тфилин. Идут большие фундаментальные изменения в самосознании иркутских евреев. Они приходят не только к соблюдению каких-то традиций, но и берут на себя религиозные обязательства. Если ранее праздники в Иркутской синагоге носили локальный характер, то сейчас в них участвуют и мэр Иркутска Дмитрий Бердников, и представители Законодательного собрания, и Думы Иркутска. В 2018 году община отметила эпохальное событие –

200 лет своего существования, и неизменно вся эта жизнь привязана к 140-летию существования здания Иркутской синагоги.

Мы, горожане, может быть, привыкли уже к этому зданию на Карла Либкнехта, но для туристов это целое открытие. Синагога является одной из визитных карточек города. Для зарубежных туристов, связанных с иудаизмом, представление о Сибири такое – это символ уничтожения еврейского народа. И когда они видят новую еврейскую синагогу и понимают, что это не просто здание, а внутри идёт настоящая еврейская жизнь, для них это открытие. Само здание не кажется снаружи большим, таково архитектурное решение. И большинство людей удивляются, что оно настолько объёмное.

Около трёх лет назад в синагоге был Чрезвычайный посол Израиля в России Цви Хейфец, и он, осмотрев здание, сказал: «Я нигде таких синагог не видел!» Недавно в Иркутской синагоге побывал создатель группы «Браво», музыкант Евгений Хавтан, который был здесь с корпоративным концертом. Пришёл со своим тфилином помолиться. Рассказал, что пришёл к вере около 10 лет назад. Евгений Хавтан был изумлён синагогой, сказал, что был в Иркутске около 20 лет назад, но тогда, конечно, в молельном доме не бывал. «Я даже не представлял, что в Иркутске может быть такая синагога», – сказал он. Раввин Арон Вагнер, не знакомый с российской музыкальной культурой, не узнал Евгения, узнали прихожане. И Евгений Хавтан сказал, что было приятно удивлён приёмом, ему оказанным, поскольку с ним хорошо пообщались, тепло приняли, не потому

что он известный человек, а потому, что единоверец. Он сделал благотворительный взнос и позже помогал, когда в Иркутской области случился паводок.

«Мы открыты, работаем со всеми, и все знают, что с нами можно сотрудничать, – говорит Стелла Прилепская. – Не все евреи к нам присоединяются, но многие знают нашу работу, смотрят издали, но понимают, как мы повысили авторитет общины. Это очень-очень важно для самоидентификации, для еврейского самосознания». Поэтому, с морально-этической и исторической точки зрения, было необходимо восстановление Лисихинского кладбища, чтобы оно не повторило путь Иерусалимского. Летом на Иерусалимской горе был поставлен памятник, посвященный захороненным на этом месте евреям. Раввин Арон Вагнер считает, что это событие равносильно открытию синагоги, поскольку памятник появился на месте когда-то уничтоженного, практически аналогичный.

– То, что сегодня делается в общине – это замечательно, – говорит Игорь Пикерский. – Недавно, например, на Иерусалимском кладбище установили памятник. Это, конечно, очень большое событие. Раввин Арон с этими вещами больше десяти лет, насколько мне известно, бился. И наконец это сделано. Наконец проведена огромнейшая работа по восстановлению памяти. Те, кто там захоронен, точно не заслужили к себе такого отношения. И они заслуживают к себе внимания, которое уделяет община во главе с раввином.

– Ничего случайного в нашей жизни не бывает, и наша работа в общине ведётся какой-то высшей ру-

кой, – считает Стелла Прилепская. – Накануне 200-летия общины прихожанин Алексей Морген нашёл старинный календарь, изданный к 100-летию общины, показал его раввину, и тогда мы поняли, что в следующем году будет 200-летие. И начали готовиться к юбилею. Как-то мы готовились обсуждать проект входной группы на Лисихинском кладбище, и вдруг накануне обсуждения открываем страницу в интернете с историей еврейской общины в Иркутске и обнаруживаем, что как раз сегодня – 100 лет как была она установлена. И это накануне нашего заседания!

Много раз, работая на Лисихинском кладбище, мы вдруг отыскивали забытые могилы тех людей, у которых в ближайшее время был день их поминовения. Это люди, которые очень многое отдали общине, и непонятно, когда в последний раз за них читали поминальную молитву. И вот это чудо, и в синагоге читается молитва за каждого. Однажды раввин Арон вечером сидел, что-то искал в интернете и обнаружил, что 100 лет назад в Иркутске издали книгу, словарь иврита... Он начал переходить со ссылки на ссылку и понял, что через пару суток эта книга будет продаваться на аукционе в Израиле. Раввин поучаствовал в аукционе, и книга в свой столетний юбилей вернулась в Иркутск. Есть личность, о которой мы мало знаем, но чувствуем с ним единение – это Ицхак Бродоцкий, надзиратель синагоги в начале XX века. Каждый год он издавал красивые календари, отмечая какой-то юбилей общины.

В 1920-х годах он выпустил календарь, уже напечатанный не в типографии, а практически «от руки». И

там была фраза, что он надеется, что в будущем будет существовать община, в которой снова будут издаваться красивые календари, и будет кипеть жизнь. И в этот момент мы подумали: «Он бы встал сейчас, и всё бы смог увидеть своими глазами». В жизни общины было затухание, остановки, но она всегда жила, и всегда жизнь побеждала, и она возрождалась.

5 апреля 2020 года Еврейскую общину посетил временно исполняющий обязанности губернатора Иркутской области Игорь Иванович Кобзев. Символично, что 140 лет назад 5 апреля 1879 года в новом здании синагоги, отстроенном всем миром после огромного пожара, была совершена молитва за государя. По приглашению иркутского еврейского общества на молитве присутствовал сам генерал-губернатор. Спустя почти полтора века в том же здании традиция была продолжена. В условиях распространения коронавирусной инфекции встреча проходила в узком кругу. Игорь Кобзев познакомился с деятельностью иркутской общины, осмотрел здание синагоги. Раввин Вагнер и Игорь Кобзев в завершение визита прикрепили новую мезузу на входную дверь синагоги.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абрамович А.Л. – 208
Абрамович А.Я. – 209, 211, 213
Абрамович М.Я. – 198
Абрамовы, братья, дарители – 143
Абстемиус Л., итальянский писатель и профессор филологии – 56
Авданович М.И., член правления – 104
Авизов – 227
Азимов – 227
Азимов Б.М., прихожанин – 161
Акиваев А.А., иркутянин, владелец земли – 289
Александр II, российский император – 29, 32
Александрович М., знаменитый советский певец, тенор, заслуженный артист РСФСР – 225, 226
Альперт Я., еврей-музыкант, иркутский мещанин – 62
Амеир Р., координатор отдела еврейского образования при Сохнуте – 254
Антонян М.М. – 297
Арбитман С.А., кустарь-шапочник, председатель общины в 1926 году – 120
Аттиас Шломо Бен Илиша, раввин из Иерусалима – 254, 263
Афанасьева И.В. – 296
Афраймович А.Д. – 213

Б

- Бадаев А., председатель Президиума Верховного Совета РСФСР – 152
Базанов И.И., статский советник – 32
Бак А.Б., секретарь правления – 104
Барлетт Г., доминиканский проповедник – 56, 57
Барон Р.Ш.-А., внучка Х.М. Пинхасзона – 71
Барон Х.Ш.-А., внучка Х.М. Пинхасзона – 71
Башук Ш.Б., резак и оператор – 74, 104, 125
Беглинг, секретарь погребального братства – 129
Бейлин А.С., старшая дочь С.Х. Бейлина – 54, 80
Бейлин З.С., вторая дочь С.Х. Бейлина – 54, 80, 101

Бейлин И.С., второй сын С.Х. Бейлина – 54, 78, 79
Бейлин (Киржниц) Л.С., третья дочь С.Х. Бейлина – 54, 79, 81, 83, 84
Бейлин М.С., старший сын раввина С.Х. Бейлина от первого брака – 54, 77, 78
Бейлин Р.И., вторая супруга С.Х. Бейлина – 54
Бейлин С.Х., известный раввин Иркутска – 50 – 56, 58 – 62, 64 – 67, 69, 70, 73 – 75, 77 – 80, 82, 84, 85, 90, 99, 100, 103, 104, 112
Бейлин Х., купец 2-й гильдии – 53
Бейлин Ц.С., четвёртая дочь С.Х. Бейлина – 54, 84
Белинский К.С., возглавил Иркутский еврейский культурный центр, внук М.М. Когана по маме – 229, 230, 235
Белинский Н.К., член правления на 1946 год – 182, 201
Белицкий С.И., член правления погребального братства 1915 года – 104
Бендер Л.И., лектор (о еврейской музыке) – 253
Бендер Л.М., поэтесса, дочь Б. Левантовской – 253 – 255
Бердников Д., мэр города Иркутска с 27 марта 2015 года – 308
Березовский М.И., прихожанин – 159, 162, 164, 169, 170
Берковиц А., папа И. Берковица – 231
Берковиц А.Ю., директор еврейского детского сада, супруга И. Берковица – 298
Берковиц Б.И., бабушка И. Берковица – 232
Берковиц И.А., прихожанин – 231 – 233, 237, 245, 270, 283, 298
Берковиц М., дочь И. Берковица – 270
Берковиц Р.Б., бабушка И. Берковица – 232
Берман Е.А., автор книги «Сказки забытого раввина» – 79, 81, 84, 112
Бершадский С.А., автор «Русско-еврейские архивы и материалы для истории евреев» – 103
Бланк В.И. – 266
Благинина Г.А. – 295
Блюм Ш., автор учебников – 255
Боннэр, братья – 142, 143
Боннэр Г.Р. (отец Р. Боннэра), балаганский купеческий сын – 142
Боннэр Е.Г., правозащитница, диссидент, вторая супруга академика А.Д. Сахарова – 141
Боннэр-Рубинштейн Е.Л. (в девичестве Самсонович), дочь Л.А. Боннэра – 141, 142
Боннэр И.Л., иркутский купец 1-й гильдии, компаньон мучной торговли А.С. Патушинского – 142, 143
Боннэр Л.А., отец Е.Л. Боннэр – 141
Боннэр Л.М., балаганская купчиха 2-й гильдии – 142

Боннэр М.Р., брат Г.Р. Боннэра – 142
Боннэр Рафаил, брат М. Боннэра, его сын Григорий женился на Т. Рубинштейн – 142
Боннэр Руфь, мама Е. Боннэр – 142
Боннэр Ф.М., даритель, купеческая жена – 141, 142
Боннэр Матвей, представитель балаганских купцов, второй муж Е.Л. Рубинштейн – 142
Боннэр Берта – 142
Боннэр Люба – 142
Боннэр Роня – 142
Боннэр Яков – дети от второго брака с М. Боннэр – 142
Борик Е., владелец свитка Торы – 119
Борковский М., уроженец Иркутска – 70
Борода А.М., президент ФЕОР – 280
Борщевский Л.Х., член правления общины в 1929 году – 117
Брамзон Е.М., член правления погребального братства 1915 года – 104
Брамзон М.М., председатель иркутской еврейской общины в 1935 году, кустарь-шапочник – 144 – 147
Брегель Ш.А., представитель библиотечной комиссии – 100, 101
Брегель Я., член правления на 1900 год – 50
Брехов К., директор завода имени Куйбышева – 189
Брединский Х.Ш., член ревизионной комиссии – 201
Брикман И.М., уполномоченный Иркутского горсовета, завгоркомхоза – 159, 168
Бродинский Х.Ш., член ревизионной комиссии – 179 – 181
Бродоцкий И., шамес и надзиратель синагоги в начале XX века – 104, 105, 311
Бройд М.Б., член правления на 1946 год – 191, 201
Бройт М.Б., член правления на 1946 год – 182, 192, 200, 213
Бронер И.Г., брат Я.Г. Бронера, зампредседателя и член правления с 1946 по 1950 год – 192, 194, 200, 201, 209, 210, 227
Бронер Н.Г., кустарь-шапочник, член правления – 120
Бронер Я.Г., глава и член правления в 1945 – 1946 годы – 160, 162, 166, 170 – 172, 176, 179, 180 – 183, 185 – 188, 190, 199 – 202, 207, 208, 213
Бронштейн И.А., член Совета уполномоченных иркутской еврейской общины в 1924 – 1925 годы – 128
Бронштейны, сибирские золотопромышленники – 28
Булатов, владелец фотографии – 173
Бустрем В.В., автор, редактор – 82
Бутаков Т. – 162

Бутлицкая А.И., сотрудник библиотеки – 102
Буторина Е., правнучка С. Шапкайца – 36
Быховская А.А., прихожанка – 160
Бялик Х.Н., классик еврейской литературы – 253
В
Вагнер А., Главный раввин Иркутска и Иркутской области – 244, 263, 274, 278 – 284, 286, 288, 294, 300, 302, 309, 310 – 312
Вагнер Д., супруга А. Вагнера – 283
Вайнберг Ю.С., меньшевик, муж А. Бейлин, первой дочери С.Х. Бейлина – 79, 80
Вайнштейн З.Г., резак при новом еврейском кладбище – 150
Вайсбург Л.В. – 216 – 219
Вампилов А., иркутский писатель – 281
ВаршOVER – 227
Вексельберг В., бизнесмен – 284
Веселовский А.Н., академик – 61
Ветрак Б., извозчик, гробовщик – 120, 130
Вешников, инспектор по культовым делам – 144
Вильнер Г.М., член Совета уполномоченных иркутской еврейской общины в 1924 – 1925 годы – 128
Винар М.Л., председатель собрания верующих евреев в Иркутской синагоге 24 мая 1931 года – 132
Винер, братья – 200
Виник И., купец – 28
Винников Ф.И. – 209, 213
Винников Ф.М., прихожанин – 160, 162, 166, 208
Винникова Р.М., прихожанка – 161
Винокуров И.Л., член ревизионной комиссии – 190, 202
Винокуров Л.А., даритель – 48
Винокуров М.А., доктор экономических наук, профессор – 203, 205
Войлошникова Л.В., редактор – 102
Войтинский В.С., автор книги «Евреи в Иркутске» – 34
Воллернер А.Б., коллежский секретарь – 50
Вульфович, сибирский золотопромышленник – 28
Выгода М.М., член ревизионной комиссии – 183, 192, 194, 202, 203
Г
Гаклин, активист местной общины Омска – 70
Гамза, исполняла обязанности библиотекаря – 101
Гарашенко А., историк – 133
Гаркави А.Я., ориенталист – 61
Гаркави М., купец – 53
Гасман Ф., раввин – 307

Гаськина Э.И., сотрудник библиотеки – 102
Ге Г.Г., драматург – 92 – 96
Гейгер А., еврейский теолог, раввин, проповедник – 98
Геллерт – 56, 57
Генич М.И., заместитель председателя правления в 1936 году, бывший кустарь – 144 – 146
Герзони Л., основатель кладбища – 132, 200
Геродот – 59
Герц Н.Я., торговец, член правления в 1924 году – 117
Герш, представитель библиотечной комиссии – 102
Гершевич М.Е. – 162
Гершевич М.О. – 160
Гершон М., раввин из США – 254
Гиечутский Э.И., член Совета уполномоченных иркутской еврейской общины в 1924 – 1925 годах – 128
Гимельштейн А.В., главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда», издатель – 231, 242
Гингольт И., заключённый – 66
Гинзбург Ю.Г., член правления общины в 1929 году – 117
Гинцбург, барон – 35
Гинцбург, братья – 32, 33
Гинцбург Г., пайщик Ленского золотопромышленного тов.-ва – 33
Гинцбург Г.М., автор письма к раввину С. Бейлину – 73
Гинцбург Е., отец Г. Гинцбурга – 33
Гинцбург М., отец Г.М. Гинцбурга – 73
Гласс Б.Я., музыкант – 243
Глятер С., иркутский купец – 41
Гляттер А.С., член правления иркутской еврейской общины на 1923 год – 128
Гнечудский А.И., жестянщик, член правления в 1924 году – 117
Говорин Б.А., губернатор Иркутской области с 1997 по 2005 год – 255, 263, 284
Голлендер С.А., сотрудник библиотеки – 102
Гольдберг И., писатель – 94, 95
Гольдис З.С., председатель совета Иркутского еврейского религиозного общества – 253
Гольдфайн Э., раввин из Филадельфии (США) – 252
Гольдштейн Б., заключённый – 67
Гон М.А., владелец «Менейро ханукальной» – 119
Горбонос Л., киренский мещанин – 51
Гордон И., заключённый – 67
Горелик Г. – 79, 80

Горелик Н.А., кантор, представитель библиотечной комиссии – 91, 102
Горемыкин А., генерал-губернатор – 42, 44
Горнштейн А.Я., заменил секретаря А.Б. Бака, автор книги «Евреи в Иркутске» – 25, 34, 104
Горных Б.М., старейшина общины – 264, 280, 281, 288
Городницкий Ш.Д., председатель общины в 1929 году, предоставил для синагоги свои книги – 117, 119, 181
Городничев – 154
Горфин Б.Л., мещанин, казначей молитвенного дома в 1887 году – 41, 42
Грасс М.Л., кустарь-кожевенник – 120
Грач М., прихожанин – 304
Гринберг С.Ф., внучка знаменитого купца Я. Домбровского – 89
Гринберг Х., бабушка М. Винокурова – 205
Гринёва Н., (художественное чтение) – 226
Гриценко – 189
Гришаева, заместитель председателя исполкома горсовета – 167
Гройсман – 208, 209
Грохер, представитель социалистического блока общины – 112
Губерман Л.П., внучка Л.Х. Резника – 178, 219, 290, 293
Гудков – 189
Гудман В., раввин из США – 254
Гумбольдт фон В., немецкий филолог, философ, дипломат – 98
Гуревич, сотрудники библиотеки – 103
Гуревич Э., внук Э.Л. Хаскина – 158
Гусаков А., раввин, прадедушка А.Л. Литвина – 236
Гусакова Е.А., бабушка А.Л. Литвина – 236
Гутман С.Л., парикмахер, член правления иркутской еврейской общины на 1923 год – 128
Гухман И.М., иркутский старожил – 114, 115, 119, 129, 203
Гухман М.А., кандидат в члены правления в 1936 году – 145
Гухман М.Х., пенсионер – 182, 190, 192, 194, 201, 203, 204, 206

Д
Давид, царь – 55, 57
Давидович А.М., кандидат в члены правления в 1936 году – 145
Данишевский, капиталист – 35
Данович К.Н., возглавлял клуб еврейской культуры в феврале 1990 года, автор статьи «Призывный глас шофара» – 253 – 255, 260, 264
Дебоган А.И., солдат, участник русско-японской войны – 72, 73
Деборе, иркутянка, жена М. Натансона – 267
Диманш Г., музыковед, преподаватель литературы Иерусалимского университета – 254

Димент И., (тётя И. Берковица) двоюродная сестра бабушки И. Берковица – 237
Дистлер Г.Н., временная руководительница библиотеки – 102
Домбровская Ж., исследователь – 142
Домбровский В., исследователь – 142
Домбровский Г.Я., кантор, создал при синагоге хор певчих, сын Я.С. Домбровского, был старостой – 41, 42, 89
Домбровский М.Я., казначей, сын Я.С. Домбровского – 40, 143
Домбровский Я.С., купец 1-й гильдии, меценат – 25, 35, 41, 89, 140
Дорон А., торговец, член правления иркутской еврейской общины на 1923 год – 128
Дорон С., торговец, член правления иркутской еврейской общины на 1923 год – 128
Дорохов Д., и.о. раввина – 264, 275, 283
Дриц А.П., отец И.А. Дрица – 148
Дриц И.А., известный иркутский педагог – 148
Дроздова С.Н., прихожанка, участница хора – 294
Дубинская Ф., прихожанка – 166
Дубников И., купец – 140
Дубников М.И., член группы, занимавшейся вопросами общинной жизни и комиссии по беженцам, член правления иркутской еврейской общины на 1923 год – 113, 128
Дубнов С.М., автор книги «Всеобщая история евреев» – 103

Е
Erbach L., автор статьи «Обстоятельства, влияющие на творчество композиторов» – 55
Ерманович Г.Б., член правления иркутской еврейской общины на 1923 год, председатель погребального братства – 128, 129
Ерманович И.Б., член хозяйственного правления, сменил М.М. Цукасова – 104
Ерманок, сотрудник библиотеки – 102
Есиповский И.Э., губернатор Иркутской области с 13 декабря 2008 года по 10 мая 2009 года – 285

З
Задарновская Э.Я. – 296
Закс И.М., учёный и проповедник – 98
Закс Ш., учёный – 99
Залкинд И. – 209
Залкинд Х.Л., торговец, член правления общины – 117
Заславская А.-С.Б., девица-мещанка Подольской губернии – 75
Зелле, инспектор по культам горсовета – 152
Зельцер Е.Г., учредитель, член клуба еврейской культуры – 255

Зильберберг Ж., исполнительница песен на иврите – 253
Злотниковы, владельцы свитка Торы – 1119
Зусман И., раввин, прадедушка И. Берковица – 231, 232
Зусман К.И., дедушка И. Берковица по линии мамы – 231, 232, 245
Зусман М.А., бабушка И. Берковица – 231, 232

Ж
Житов И., уполномоченный Совета при Иркутском облисполкоме – 165 – 168, 170 – 172, 178 – 180, 185 – 191, 194 – 200, 203, 208, 210, 211, 224, 227

И
Иванов В., председатель облсовета депутатов трудящихся – 167
Иисус – 46
Ильина (Вайнберг) Н.Ю., дочь Ю.С. Вайнберга и А.С. Бейлин – 80
Ицкович М.И., член правления в 1924 году, торговец – 117
Ицкович Я.И., кандидат в члены правления в 1935 году, бывший служащий – 145

К
Калманович И.П., член правления общины в 1929 году, владелец свитка Торы – 117, 119
Калманович Л.И., член ревизионной комиссии в 1935 году, представитель торгсина – 145
Калманович П.Г., кантор Иркутской синагоги, шойхет – 90, 117, 307
Калугский Г.М., член правления – 104
Кальманович, сибирский золотопромышленник – 28
Кальмеер С.С., студент – 50
Кальмеер С., купец – 35
Кальмина Л.В., автор работы «Еврейские общины Восточной Сибири (Середина XIX века – февраль 1917 года)» – 24, 27, 33 – 35, 45, 86
Каминер В., купец – 35
Кантин, студент, сотрудник библиотеки – 103
Караваева Ю., редактор-составитель книги «Иркутск еврейский: двести сюжетов из жизни 200-летней общины» – 231
Кармель, солдат – 68
Кац Н.М. (в документе 1954 года – Г.М. Кац) – 209, 227
Кац Ф.М. – 210
Кац Я.Л., представитель библиотечной комиссии, представитель сионистов – 102, 110
Качалов М.О., член управы – 42
Кашулина, прихожанка – 304
Кельман Б.Г., брат Г.Г. Кельмана – 117, 163, 164
Кельман Г.Г., член правления общины в 1929 году – 117, 119
Кельман Р.И., прихожанка – 161

Кин, директор Американского телеграфного агентства – 136
Киржниц А.Д., революционер-бундовец, супруг Л. Бейлин, публицист, журналист, историк, библиограф – 81 – 83, 87, 101, 102, 114
Киржниц Д.А., физик, член-корреспондент АН СССР, внук С. Бейлина, сын Л. Бейлин – 79 – 81
Киршенбаум Д.Ю. – 208, 209, 212, 213, 227
Клейман Д.С., сын С.П. Клеймана, организатор джазового оркестра в Красноярском лесотехническом институте – 91
Клейман С.П., кантор из Харбина – 90, 91
Клец Ш.Э., прихожанка – 161
Кобзев И.И., временно исполняющий обязанности губернатора Иркутской области – 312
Ковнер – 110
Коган З.Л., председатель КЕРООП – 278
Коган И.М., руководитель общины, член ревизионной комиссии, сын М.М. Когана – 119, 120, 136, 137, 139, 228, 246
Коган М., дочь М.М. Когана – 229, 230, 244
Коган М.М., председатель иркутской еврейской общины с 1965 по 1989 год – 228 – 230, 244, 246, 250
Коган Р., мама М.М. Когана – 229
Кожевников С., помощник начальника политуправления Восточно-Сибирского военного округа – 123
Колмаков Ю., летописец – 149, 155
Коплик Д.М., торговец – 120
Корнеев, заведующий Антирелигиозным музеем – 144
Коропов И.И., служащий – 120
Котёл И.А., член Совета уполномоченных иркутской еврейской общины в 1924 – 1925 годах, член правления в 1936 году – 128, 145, 182, 183, 185, 190, 201, 202
Кофман Л.Е., член правления погребального братства 1915 года – 104
Кофф Г.М., член группы, занимавшейся вопросами общинной жизни и комиссии по беженцам, представитель социалистического блока общины – 112, 113
Краснослободцев С., автор статьи «Безысходность под звездой Давида» – 250
Красноярова А.Г., прихожанка – 292
Красных Х.С., член Совета уполномоченных иркутской еврейской общины в 1924 – 1925 годы – 128, 129, 135
Краусс С., профессор иудейской теологической семинарии Вены – 60
Кременчук А., отец Г.А. Кременчук – 221
Кременчук Г.А., прихожанка, подруга Б.А. Рабинчук – 221, 222, 268
Кренгауз Э.Э. – 74

Креп (неразб.) Г.А. (неразб.) – 160
Крепик – 166
Круглов В.К., бизнесмен, председатель Законодательного собрания Иркутской области с 2004-го по октябрь 2008 года – 284
Круглянская Т.И., прихожанка – 160
Круглянский А.Х., прихожанин – 160, 166
Кудельский В.А., иркутский архитектор – 27
Кузнец, заведовал постройкой дома призрения – 143
Кузнецов И.И., член правления в 1935 году, кандидат в члены правления в 1936 году, бывший служащий – 145
Кузнецов С.И., член ревизионной комиссии на 1946 год – 183, 190, 191, 194, 200 – 203, 208, 209, 212, 213
Кукс В.А., сотрудник библиотеки – 102
Курас Л.В., исследователь – 135

Л

Лабунский М.С., член правления – 192, 194
Лабцинский М.С. – 201
Лазарус М., немецкий философ и психолог – 98
Лазовский Марк – 297
Лазар Б., главный раввин России – 277, 284
Лазебник Г.В. (урождённая Синьхова), жена Ш.И. Лазебника – 71
Лазебник Ш.И. – 71, 72
Ламберт А., ссыльный – 63
Ламберт Давид – 63
Ламберт Иосиф – 63
Ламберт Р.-Л. – 63
Ламберт Х.Р., жена А. Ламберта – 63
Ламберт Э.М., дети А. и Х.Р. Ламберт – 63
Ландау А.Е., выпускник Виленского раввинского училища – 97
Лапенков В.М., председатель комитета по культуре Иркутской области в 1990 – 1997 годах, коллекционер-исследователь – 281
Ларионов Д.Д. – 36
Лафонтен, баснописец – 56
Лахтер Т., член клуба еврейской культуры – 253
Лахтер Я., член клуба еврейской культуры – 253
Лахтер, супруги – 264
Левандовский, кантор – 184
Левантовская Б., поэтесса и писательница – 253
Левенберг С.Г., сотрудник библиотеки – 102
Левенсон Р., заключённый – 67
Леви А.В., член ревизионной комиссии – 180 – 182, 190, 192, 201

Левин, прихожанин – 119
Левина Ф.М., прихожанка – 160, 166
Левинсон М.Б., занимался вопросами захоронений – 269
Левинсон М.Р., прихожанин – 250 – 252
Левкович Я.А. прихожанин – 266
Левченко С.Г., губернатор Иркутской области с сентября 2015-го по декабрь 2019 года – 285
Лейбович, братья – 34
Лейбович Л.О., купец, жертвователь – 28, 31, 32, 35, 40, 140
Лерер И., мясник – 120
Либерзон Л.И., прихожанин – 161
Либрехт Ф., немецкий фольклорист – 59
Ливернберг, первый иркутский мыловар – 27
Липшиц Ш.В., член правления в 1924 году, предоставил для синагоги свои книги – 117, 119
Литвин, заведующий общим отделом облисполкома – 151
Литвин А.Л., прихожанин – 235
Литвин Л.М., отец А.Л. Литвина – 236
Литвин С., владелец хупы для венчания – 119
Литвина Ф.С., мама А.Л. Литвина – 236
Лифшиц М.И., регент синагогиального хора – 104
Локшин, фельдшер – 71
Локшин Э.Х., председатель правления – 196, 200, 202, 203, 207 – 209
Лончих В.И., прихожанка – 147
Лончих В.М., купец 2-й гильдии – 147
Лончих М.М., прихожанин, брат В.М. Лончиха – 147

М

Маевич А.Ю., прихожанин – 159
Македонский А., царь – 55
Маншпайзер И.А., член ревизионной комиссии – 179, 180, 182, 201, 213, 214
Маншпайзер И.Х., работник Коопинсоюза – 190
Маркевич П.Я., казначей иркутской общины – 41
Маркова А., прихожанка – 265
Машевицкий (Мошавицкий) Ицхок Нотель Б. (Исаак), духовный раввин Иркутской синагоги – 51, 52, 104, 307
Медведников Д.-Х., витебский мещанин, первый общественный раввин – 36, 43 – 45, 48, 62, 307
Медведников М.Д., сын Д.-Х. Медведникова, железнодорожник, инженер, начальник депо и участка тяги Верхнеудинского узла – 45
Медельсон М., философ, переводчик библейских текстов – 98
Мейсельман Ш., крестьянка Томской губернии – 70

Мелицев Л.Г. – 77
Менделеев И.Б., член ревизионной комиссии – 190, 192, 202
Ментус Л.С., член ревизионной комиссии – 194, 202, 203
Мерецкий Л.Б., представитель иркутской еврейской общины, член ревизионной комиссии в 1935 году – 144, 145
Меркулович А.И. – 162, 170
Меркулович Л.И., прихожанин – 159, 164, 166
Меркулович М.Л. – 209
Меркулович М.С. – 159, 162, 170
Миль А.М., прихожанин – 148
Миль Ж.Я., прихожанка – 148
Миль Л.С., железнодорожный служащий, отец М.Л. Милия, член ревизионной комиссии – 75, 128, 148
Миль М.Е., мать М.Л. Милия, зубной врач – 75
Миль М.Х., урождённая Шейнерман, первая жена С.Ш. Милия – 74
Миль М.Л., знаменитый авиаконструктор, двоюродный брат Деборе – 74, 148, 267
Миль М.С., брат Л. Милия – 133
Миль М., сын С.Ш. Милия и М.Х. Миль – 74
Миль С.Ш., иркутский купец 2-й гильдии – 74
Миль Х.С., сестра Л. Милия – 148
Мильштейн, сибирский золотопромышленник – 28
Минизини Д., фотограф – 215
Митус, бухгалтер – 212
Мишкина-Кравцова-Чикунова Татьяна (Тойба) Яковлевна, прихожанка – 252, 269
Моллеруис И.П., иркутский губернатор – 41, 85
Морген А.А., дедушка по отцу А.Э. Моргена, киренский еврей – 238
Морген А.Э., прихожанин, потомок каторжан – 238, 239, 275, 304, 305, 311
Мордохович, жертвователь – 32
Мошкович Л.Л., прихожанка, потомок еврейских политссыльных – 222, 223, 268

Н
Накдимон Б., представитель Израиля в Восточной Сибири – 266
Натанзон М., выходец из еврейской семьи, жившей в Румынии – 267
Нахманович М.Я., член Совета уполномоченных иркутской еврейской общины в 1924 – 1925 годы – 128, 180, 181, 202, 209
Невельский С.М. – 209
Нейман И.Л., иркутский купец 2-й гильдии, создатель библиотеки Иркутской синагоги, владелец мыловаренного завода – 95

Немзер И., раввин, глава общины (по версии КЕРООР) – 278, 279
Немчинов Я.А., почётный гражданин – 32
Нечетский М.Я., прихожанин – 161
Никольский И., председатель исполкома облсовета депутатов трудящихся – 181, 198
Новиков, и.о. секретаря ВЦИК – 135
Новомейские, сибирские золотопромышленники – 28
Новомейский И., заключённый – 67
Новомейский Л.Я., председатель еврейской общины Иркутска – 152, 153
Новомейский М., инженер – 76

О
Окунев Х.М., член правления общины в 1929 году – 117
Окунев Я.М., слесарь 47 лет, председатель общины в 1924 году – 117
Олевский Н.С., в 1923 году духовный раввин Иркутской синагоги – 104, 105, 125, 128
Орнштейн И.Г., редактор – 97
Орнштейн С.С., редактор – 97
Оршанский И.Г., автор статей в русско-еврейской газете «День» – 96
Островская Н.Я. (в девичестве Копиевкер), бабушка А.В. Гимельштейна – 242

П
Паперных И.Л. – 202
Паперных И.П., член ревизионной комиссии – 192
Пастернак Л., член правления – 50
Патушинский А.С., торговец – 142
Патушинский Б.Г., купец – 35, 41
Пацук, начальник Восточно-Сибирской краевой милиции – 137
Перов Г., автор работы «Грани еврейской культуры» – 254
Перчикова (неразб.) – 162
Перцель Я.М., купец, староста иркутской общины – 33, 40, 148
Перцик Х.З. – 160
Перциков Х.З. – 170
Пешковский П.Н., сотрудник библиотеки – 103
Пизов М.М., член правления в 1924 году, занимался столярным делом – 117
Пикер М., купец – 53
Пикерский И.Э., прихожанин – 240, 241, 269, 282, 310
Пинхасзон Х.М. – 70
Плоткин Х.Я., младший резник – 128

Полищук Ф.М., автор работы «Библиотека Иркутской еврейской синагоги» – 96, 99 – 103
Пологонкин С.Л., член правления в 1936 году – 145
Полонский И., председатель Совета по делам религиозных культов при СНК СССР – 164, 165
Помус З.И., член правления, представитель библиотечной комиссии, иркутский купец, казначей – 50, 102, 104
Помус Ю.Л., представитель библиотечной комиссии – 100
Попова Л.Е., прихожанка – 287
Потанин Г.Н., исследователь – 58 – 61
Прейсман Л.Л., прихожанка – 147
Прейсман М.А., казначей – 42, 43, 48
Привар Х.А. – 210
Прилепская С.А., председатель иркутской еврейской общины – 274, 275, 277 – 281, 284, 286, 288, 289, 291, 297, 299, 303, 305, 307, 308, 310, 311
Прилепский В.И., прихожанин – 285 – 288
Пружанский М.А., кандидат в члены правления в 1935 году, бывший рабочий-сапожник – 145
Пружанский М.И., прихожанин – 160, 162, 170
Пумпянский А.-Э. (Арон Илия), еврейский писатель и общественный раввин, редактор журнала «Еврейские записки» – 97

Р
Рабинович В.Ю., автор статьи «История еврейской общины в Иркутской губернии» – 27
Рабинович И.А. (в документе 1954 года – М.А. Рабинович) – 209
Рабинович С.А. – 161, 162, 170
Рабинович Х.-З.Ш. – 224, 225
Рабинчук Б.А., прихожанка – 223, 224, 267, 268
Райзин И.Ш. – 162, 170
Райхенштейн С., (рояль) – 226
Ратовицкая Е., исполнительница гимна Израила – 253
Резник А.Х. – 162
Резник Л.Х., раввин, исполнял обязанности моэла – 161, 170, 173, 176 – 181, 192, 194, 200, 202, 208 – 210, 213, 219
Резникова Мэра Эльевна – 291
Рейнгольд, супруги – 303
Рейхбаум Я.И., бывший служащий, в 1926 году член ревизионной комиссии, член правления в 1935 году – 120, 145
Риф, сибирский золотопромышленник – 28
Ров М.А., торговец, член правления иркутской еврейской общины на 1923 год – 128

Ровенская Р., заключённая – 67
Рожанский Д.А., член правления на 1946 год – 182
Рожанский М., автор статьи «Человек, переживший историю. Сравнительное жизнеописание Цви Херша Гарри Цуккера» – 256 – 259
Розенбаум М.М., иркутский жертвователь – 33
Розенберг А.М., староста общины – 48
Розенблатт В., французский журналист – 258, 259, 264, 265
Розенгарт Г.М., член группы, занимавшейся вопросами общественной жизни и комиссии по беженцам – 113
Розенгарт И., представитель социалистического блока общины – 112
Розенцвейг А.Л., бухгалтер, член ревизионной комиссии – 128
Розенцвейг М.Л., член Совета уполномоченных иркутской еврейской общины в 1924 – 1925 годах – 128
Розецкий М. – 209, 210
Ройзин И.М., мастер ЦАРМ «Витранс» – 161
Ройтман Б., прихожанка – 62
Ройтман Л., сын Б. Ройтман – 62
Романов Н.С., летописец – 96, 101, 111, 113
Росовецкий, инспектор горсовета – 134
Ротенберг Л.А., синагогиальный кантор, муж С.Ф. Гринберг, внуки знаменитого купца Я. Домбровского – 89
Ротшильд У., лорд – 114
Рубанович Ф.И., прихожанка – 160
Рубинштейн М., первый муж Е.Л. Рубинштейн – 141, 142
Рубинштейн Татьяна, Софья, Моисей и Александр (Исай) – дети Е.Л. Боннер-Рубинштейн – 142
Рубинштейн М., первый ректор Иркутского госуниверситета – 141, 142
Рубинштейн Т., бабушка Е. Боннер – 142
Рудаков А.В., председатель исполкома Иркутского горсовета депутатов трудящихся – 163, 189, 191
Ружанский Д.А. – 200, 201, 209, 211
Руссаков, солдат – 68
Рыжкова П.Н., директор иркутского Исторического музея – 171
Рыков А.И., бывший председатель Совнаркома – 136
Рябкин Е.И., первый официальный резник общины – 25, 40, 41, 48

С
Салацкий Н.Ф., председатель Иркутского горисполкома – 245
Самсонович А., член правления на 1900 год – 50
Санковский Л.Д. – 200
Санковский Л.Ф., член ревизионной комиссии – 179, 180 – 182, 194, 201, 207 – 209, 213

Сапожников Л.Е., прихожанин – 243, 244
Сарно А., сын С.И. Сарно – 116
Сарно Д., сын С.И. Сарно – 116
Сарно Л., сын С.И. Сарно – 116
Сарно С.И., руководитель хора – 116
Сахаров А.Д., академик – 141
Свекрис А., полномочный представитель службы особых поручений – 121
Сегалова И. (неразб.) Д. – 161
Селиванова Е.А., координатор общинных программ – 276, 285, 296 – 298, 306, 308
Сенкевич В.В., прихожанка – 294
Серебренников, замначальника Управления музеев – 171
Серебрянникова М.А., режиссёр – 253
Сигал Ц.Д. – 161
Сигалова Ц.Д. – 162, 170
Сидоровская З.Л., бабушка А.И. Сидоровского – 215
Сидоровский А.И., прихожанин Иркутской синагоги – 159, 173, 175, 214 – 216, 220, 224 – 226, 244, 246, 258, 270
Сидоровский Айзик И., прихожанин – 215, 216
Сидоровский И., отец А.И. Сидоровского – 215
Скоморовский Л.И. – 209, 210
Слепунов Б.В., член ревизионной комиссии на 1946 год – 183, 192, 202
Снегов М.О., артист – 174
Снытевская М.И., прихожанка – 161
Соколовский Ш.Г., заключённый – 64, 65
Соломон, царь – 38
Соломон Е.Ш., член иркутской общины – 117, 129, 130, 229, 259
Соркина И.В., кандидат исторических наук – 53
Сосна О.М., член клуба еврейской культуры, глава Иркутского еврейского культурного центра – 255, 264, 268, 275, 276, 295, 297
Сталин И.В., советский политический, государственный, военный и партийный деятель – 251
Стратиевский Ф.Л., председатель правления синагоги – 132, 135
Сузаева Ф.Н., прихожанка – 161
Сүздәлицкий И.А. – 162
Сүздәлицкий И.А., прихожанин – 160, 166, 170
Сухиненко В., иркутский музыковед – 226

Т
Таубер Л., член правления – 50
Тейман С.М., секретарь в Иркутской синагоге 24 мая 1931 года,

член ревизионной комиссии в 1935 году, переплётчик Граждвоздухофлота – 132, 145
Тененбаум В.И., руководитель областной типографии № 1 – 283
Тенненбаум И., владелец свитка Торы – 119
Тизенберг И.Г. – 161, 162, 170
Тизерберг (в документе 1954 года – И.Г. Тизенберг) – 209
Тишанин А.Г., губернатор Иркутской области с 8 сентября 2005-го по 15 апреля 2008 года – 285, 288
Толстой, граф – 55
Тонконозовы, сибирские золотопромышленники – 28
Трилиссер Д.А., ссыльнопоселенец села Малышевское Балаганского уезда – 75 – 77
Трилиссер М.А., революционер, брат Д.А. Трилиссера – 75 – 77
Трилиссер М., мать Д.А и М.А. Трилиссера – 76
Троицына А.Г., племянница Р.Л. Троицыной – 293, 294
Троицына Р.Л., ветеран Иркутского авиазавода – 293
Трубников Г.Б., старейшина иркутской еврейской общины – 130, 131, 264, 288, 303
Трубникова И.Б., бабушка А.Э. Моргена – 238
Тупик Р.А., прихожанка – 160, 162, 166, 169
Туровский К. (Святой Кирилл), православный богослов – 56, 57
Тюн, инспектор Госфондов горфо – 144

Ф
Фаерштаг С. – 68
Файлаев Д.И., председатель иркутской еврейской религиозной общины – 260 – 263, 269, 275, 277 – 279, 281, 284
Файлаева Т., супруга Д.И. Файлаева – 260 – 262
Файнберг, братья – 143
Файнберг И.М., крупный иркутский торговец, учёный еврей, казначей иркутской общины – 35, 41, 42, 46, 47, 103, 200
Федерман, даритель – 119
Фейгин С., артист – 226
Фельдман Т.Б., ссыльная – 63
Филиппова А.Н., хозяйка переплётного цеха – 234
Филиппова М., заместитель председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся – 163
Флееры, сибирские золотопромышленники – 28
Флейшер С.М., служащий – 147
Франкель З., учёный-гебраист – 99
Фредерикс, генерал-губернатор – 32
Фризер, владелец транспортной конторы – 76
Фризер, сибирский золотопромышленник – 28

Фризер Я.Д., председатель хозяйственного правления, представитель библиотечной комиссии – 100, 104
Фришер М.И. – 117, 118
Фришер Х.И., прихожанка, бабушка М.И. Фришера – 118, 161
Фуксман И., староста – 84
Фурман А.Л. (Ана бат Элизэйзер), бабушка Л.В. Вайсбурга – 216, 217
Фурман В.З., юрист, член общины – 264
Фурман Г.Б. (Гирш бэн Борух), дедушка Л.В. Вайсбурга – 216 – 218
Фурман Л.Б., предпоследний сын Г.Б. Фурмана – 218

Х

Хавтан Е., музыкант, создатель группы «Браво» – 309
Хаёт Л.Л., резак Иркутской синагоги – 145
Хазанов В.Д., старейшина общины – 280, 282, 288
Халебский З.Б. – 162
Халепский З.Б., прихожанин – 159, 166, 170, 182, 190, 191, 194, 199, 201, 203
Хальфин Р.И., бухгалтер, член ревизионной комиссии – 128
Хаскин Г.А. – 164
Хаскин Э.Л., член общины, дедушка Э. Гуревича – 158, 159, 162 – 164, 166, 169, 182, 183, 187, 202, 208, 209, 211, 212
Хейсин, сибирский золотопромышленник – 28
Хейфец Г.М., брат И.М. Хейфеца – 148
Хейфец И.М., предприниматель, жестянщик, отец С.И. Хейфеца – 148
Хейфец С.Д., прихожанка – 148
Хейфец С.И., Герой Советского Союза, сын И.М. Хейфеца – 148
Хейфец Ц., чрезвычайный посол Израиля в России – 309
Ходос Г.И., владелец свитка Торы, предоставил для синагоги свои книги – 119
Хоммер И., брат П. Хоммера, врач по профессии – 50
Хоммер М.Х., цеховой, отец П.М. Хоммера – 50
Хоммер П.М. (Файвиш Мордухович), второй иркутский раввин – 50, 86
Храмченко В.Д., даритель – 141

Ц

Цалюк, владелец разного вида парохет – 119
Цамок Б.И. (Берка Ицкович), член правления общины в 1929 году, владелец свитка Торы – 117, 119
Цейтлин А.Л., резак и оператор – 104
Цицарский Л.Я., член ревизионной комиссии – 200, 207 – 209
Цукасов М.М., член правления иркутской еврейской общины на 1923 год – 104, 128

Цуккер Г.К. (Цви Херш Гарри), организатор первых курсов иврита в Иркутске, руководитель общины – 253, 255 – 260
Цунц Л. (Иом Тов Липман), знаменитый учёный XIX века – 98
Цыбин Л.С., член группы, занимавшейся вопросами общинной жизни и комиссии по беженцам – 113
Цыремпилова И.С., исследователь – 135

Ч

Чайкин И.И., член общины – 264
Чаландзия Э., автор книги «Еврейский вопрос: Беседы с главным раввином России» – 299
Чичинадзе Н.А., городской голова – 110
Членов, доктор, видный деятель сионистов в России – 77

Ш

Шаевич А.Р. – 161
Шаевич А.С., раввин – 277, 280, 299, 300, 301, 303
Шаевич А.Ю. – 162, 166
Шаков Д., раввин из Филадельфии (США) – 252
Шапель, прихожанин старшего поколения – 87
Шапиро, прихожанин – 119
Шапкайц И.Г., член правления иркутской еврейской общины на 1923 год, член Совета уполномоченных иркутской еврейской общины в 1924 – 1925 годах, отец С.И. Шапкайца, – 36, 128, 135
Шапкайц С.И., главный санитарный врач Новосибирска – 36, 38
Шапкайц Ц, мать С.И. Шапкайца – 36
Шарашин, начальник Иркутского окружного административного отдела – 120
Швальб П., председатель КЕРООР – 277
Шейлок, ростовщик в спектакле «Венецианский купец» – 92, 93
Шейнин Б.Г., член правления – 194, 202
Шейнис М.М., староста Иркутской синагоги – 43 – 47
Шекспир У., драматург – 92 – 94
Шепелевич, сибирский золотопромышленник – 28
Шепшелевич А., председатель правления – 50
Шерман Д.Ю. – 162
Шерман М.М. – 161, 162, 166, 170
Шерман Р.И., прихожанин – 159, 170
Шигарин Н.Д., автор сборника «Западнорусец» – 98
Шиевская Е.Э., дочь Э.Х. Шиевского, работала телеграфисткой, потом в институте Востсибгипрошахт машинисткой – 172 – 175, 219, 223, 224, 227
Шиевская И.Л. (в девичестве Левина), жена Э.Х. Шиевского – 173

Шиевская Л.Э., дочь Э.Х. Шиевского, работала врачом в туберкулёз-ном диспансере в Барлуке, а потом в Иркутске – 173, 174
 Шиевский Л.Э., сын Э.Х. Шиевского, закончил политех, трудился в Тюмени – 173, 174
 Шиевский Р.Э., сын Э.Х. Шиевского, известный в Иркутске спортивный тренер – 173
 Шиевский Х., отец Э.Х. Шиевского – 174
 Шиевский Э.Х., прихожанин, входивший в «десятку» Иркутской синагоги – 172 – 175, 192 – 194, 200 – 202, 209, 227
 Шифрин Н.Г., прихожанин – 161
 Школьников, даритель, владелец разного вида порейхесов (парохетов) – 119, 141
 Шнейдерман П.Г., ответственный за открытие библиотеки-читальни – 100
 Шнейзер М.Т. – 209
 Шолом-Алейхем, автор рассказа «У доктора» – 253
 Шпейзер Т.Г., член ревизионной комиссии – 179, 180, 201, 207, 209, 213, 214
 Шпрах А. – 71
 Штаббок, купец, казначей иркутской общины – 40
 Штейнберг М.И., секретарь собрания еврейской общины – 176, 182, 184, 193, 198, 199, 202, 209, 210
 Штейнзальц А., раввин – 270, 282
 Штейнталь Х., немецкий филолог и философ, ученик Вильгельма фон Гумбольдта – 98
 Штейншнейдер М., арабист, гербраист – 98
 Штельсон, кантор – 184
 Шур Е.Я., прихожанка, дочь купца Я.М. Перцеля – 148
 Шур Н.Г., прихожанин, из семьи золотопромышленников – 148
Э
 Эстеркес В.И., прихожанка – 222

Юдаевич Г.Л., глава хозяйственного правления синагоги – 48
 Юхновский, помощник комиссара милиции – 109
 Юцис Я.Х., прихожанин, представитель известной купеческой семьи, построившей пассаж на Пестеревской – 148

Я
 Якубовский В., мэр города Иркутска с 1997 по 2009 год – 255
 Ямпольский Б.К., выдвигался на должность старосты – 41
 Ямпольский, кантор – 89
 Ярневский М.Б. – 209

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственные письма.....	4
Часть I. История Иркутской синагоги до революции.....	23
Появление еврейских молелен в Иркутске и строительство первой каменной синагоги.....	24
Формирование правления иркутской еврейской общины.....	40
Соломон Бейлин. Общественная и научная работа, семья.....	52
Соломон Бейлин как лектор и автор иркутской прессы.	
Переписка с Потаниным.....	55
Рабочая переписка раввина Бейлина.....	62
Судьба семьи Соломона Бейлина после революции.....	77
Синагога в период расцвета.....	85
Библиотека Иркутской синагоги.....	95
Перед революцией.....	104
Часть II. История Иркутской синагоги с 1917 по 1940 год.....	107
Святотатство в синагоге.....	108
Четыре иркутских синагоги.....	114
Главная иркутская синагога 1920 – 1934 годы	121
1934 – 1938 годы.....	138
Часть III. Синагога после войны	157
Эпоха религиозного подъёма.....	158
Второе рождение.....	228
Часть IV. История Иркутской синагоги в 1990-е годы.....	249
Часть V. Синагога сегодня.....	273
Именной указатель.....	313

Владимир Иванович Прилепский

Владимир Иванович родился 20 февраля 1944 года в г. Чапаевске Самарской области. По окончании школы поступил в Чапаевский химико-технологический техникум, получил профессию техника-технолога и два года проработал на Куйбышевском машиностроительном заводе. Всё время мечтал о небе, занимался в аэроклубе. В 1964 году был призван в ряды Советской армии. Во время прохождения службы летал на самолётах МИГ-17, два раза катапультировался. После службы окончил Кировоградскую школу высшей лётной подготовки гражданской авиации. Закончив учёбу, был направлен в Якутию, где семь лет пролетал командиром самолёта АН-2.

Переучившись, летал командиром самолёта ЯК-40. В 1988 году закончил Ульяновский центр гражданской авиации и заочно Киевский институт инженеров гражданской авиации. Пролетал командиром воздушного судна ТУ-154 более 11 лет. Общий налёт часов на севере – 16 000. В семье В.И. Прилепского – целая лётная династия! Его старшие сын и внук продолжили его любимую профессию.

В 1999 году, уйдя на пенсию, он переезжает с семьёй в Иркутск. Волею судьбы, в очень тяжёлое для Иркутской синагоги время, он становится «правой рукой» Главного раввина Иркутска и Иркутской области Арона Вагнера, и около 14 лет – его главным помощником по восстановлению здания Еврейской общины после пожара 2004 года.

В.И. Прилепский был честным, волевым, ответственным человеком. Он всегда добросовестно относился к любой работе, которую выполнял. В.И. Прилепский внёс большой вклад в работу по реконструкции синагоги.

26 февраля 2019 года Владимир Иванович Прилепский ушёл из жизни, но плоды его добрых дел навсегда останутся с нами.

Книга посвящена памяти
Нatalьи Александровны Тулицыной
16.01.1946 г. – 26.02.2017 г.
Вечная ей память!

Юлия Сергеева
(Юлия Сергеевна Караваева)

ИРКУТСКАЯ СИНАГОГА – НАШ РОДНОЙ ДОМ

Редактор О.Е. Арбатская
Корректор Ю.В. Поликарпова
Дизайн и вёрстка А.А. Мартыновой

Сергеева Ю.

С32   Иркутская синагога – наш родной дом. – Иркутск:
Издательство «Востсибкнига», 2020. – 336 с.

ISBN 978-5-6044181-0-9

Издательство «Востсибкнига». 664025, г. Иркутск, ул. Марата, 38, оф. 18. Сдано в набор 21.05.2019. Подписано в печать 22.08.2020. Формат 70x100 1/32. Бумага мелованная. Гарнитура Calibri. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,55. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500 экз. Изд. №248. Отпечатано в ООО "Типография "Призма". 664035, г. Иркутск, ул. Рабочего Штаба, 78/5.